

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1972

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

30 декабря 1972 г. все народы нашей страны торжественно отмечают полувековой юбилей образования многонационального государства нового типа — Союза Советских Социалистических Республик. Образование братского союза национальных республик, знаменовавшее собой торжество идей пролетарского интернационализма и ленинской национальной политики, было событием всемирно-исторического значения. По своей политической значимости и социально-экономическим последствиям оно занимает одно из важнейших мест во всей истории нашей страны и населяющих ее народов. Единение народов подготавливалось всем ходом исторического развития многонациональной России, но оказалось возможным лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Царская Россия была, по выражению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». По отношению к большинству нерусских народов царизм проводил политику подавления их языков и национальной культуры, политику насильственной русификации. Стремясь отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы, царизм разжигал национальную рознь и вражду, натравливал один народ на другой. Национальные меньшинства или, как их тогда официально именовали, «инородцы», подвергались жестокой эксплуатации, часто (особенно в колонизируемых районах Азиатской России) отгонялись на худшие земли, обрекались на нищету.

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам, — говорится в резолюции X съезда нашей партии, — состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»¹. Таким целям царизма служила и административно-территориальная система, почти совершенно не учитывавшая национальный состав населения. Границы губерний и уездов того времени рассекали на части этнические территории народов России, сильно препятствуя тем самым процессам национальной консолидации, развитию общенациональных учреждений и т. д.

Своеобразие революционного движения в многонациональной России, сложное переплетение социально-классовых и национальных проблем обусловили большое внимание к решению национального вопроса в программных документах партии большевиков. В. И. Ленин в своих работах неоднократно указывал, что в исторически сложившейся ситуации на первое место должен быть выдвинут тезис о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. «Мы тем более обязаны признать свободу отделения, — писал он, — что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами»².

Однако признавая историческую законность национальных движений, направленных на создание самостоятельных государств, и показывая

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1954, стр. 558—559.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 379.

необходимость провозглашения права наций на самоопределение, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что это право непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной конкретной нации и что этот последний вопрос должен решаться с учетом «исторически-классовой точки зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»³. В национальных буржуазно-демократических движениях того времени В. И. Ленин считал возможным поддерживать лишь то, что было прогрессивным, так как в противном случае подобная поддержка играла бы на руку националистам. «Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается «позитивная» (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к *укреплению* национализма»⁴. Крупное государство, как указывал В. И. Ленин, во многих отношениях гораздо предпочтительнее нескольких мелких. «Мы хотим,— писал он,— как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»⁵.

Между русским народом и другими народами России не было антагонистических противоречий: русские трудящиеся тоже страдали от гнета самодержавия, подвергались эксплуатации помещиков и капиталистов. Кроме того, историческое развитие страны привело к сильному территориальному смешению национальностей. Экономическая и политическая жизнь в едином государстве ломала, как писал В. И. Ленин, «нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»⁶. Это определило общность целей всех народов России в борьбе против царизма, необходимость построения партии и других организаций пролетариата по интернациональному принципу.

В классово-революционных боях, проводимых под руководством ленинской партии большевиков, крепло единство трудящихся всех национальностей. В 1917 г. после свержения самодержавия в ходе подготовки социалистической революции В. И. Ленин указывал, что трудящиеся массы угнетенных ранее народов, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, и чем полнее будет демократизм, тем сильнее проявится тяга к тесному единению народов⁷. История полностью подтвердила это предвидение В. И. Ленина.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть помещиков и капиталистов, открыла новую эру в истории нашей страны. Она разрушила царскую помещичье-капиталистическую «тюрьму народов». В исторический день 25 октября (7 ноября) 1917 г. 2-й Всероссий-

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 112.

⁴ Там же, т. 24, стр. 132.

⁵ Там же, т. 34, стр. 379.

⁶ Там же, т. 24, стр. 134.

⁷ Там же, т. 30, стр. 36.

ский съезд Советов в первом же принятом документе — обращении к рабочим, солдатам и крестьянам — провозгласил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»⁸.

Советское правительство с первых дней существования положило в основу своей деятельности ленинские принципы решения национального вопроса, политику полного уничтожения прежнего национального неравенства, политику всестороннего хозяйственного, культурного и политического развития народов. 2(15) ноября 1917 г. была обнародована подписанная В. И. Лениным «Декларация прав народов России». В этом имевшем всемирно-историческое значение документе осуждалась политика угнетения наций и разжигания межнациональной вражды. Ей противопоставлялась политика, основанная на равенстве и суверенности народов России, их праве на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В «Декларации» содержался призыв к «добровольному и честному союзу народов России», однако она еще не предусматривала конкретной государственно-правовой формы этого союза и предоставляла народам право свободного волеизъявления по вопросу о форме их национально-государственного существования⁹.

Претворение в жизнь исторических чаяний народов к национальной государственности и провозглашенного права народов России на самоопределение, выразившееся в создании советских народных и социалистических республик, национальных «трудовых коммун», областей и округов, как и предсказал В. И. Ленин, сочеталось с тенденцией к их братскому союзу путем объединения новых национально-территориальных образований в крупные федерации и, наконец, в Союз Советских Социалистических Республик.

Однако этот диалектический процесс национального отграничения и межнационального объединения шел, особенно в первые годы Советской власти, сложным и трудным путем. Народы бывшей царской России стояли на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, резко отличались друг от друга по численности, характеру расселения и другим параметрам, так что подыскать для каждого из них соответствующую форму национальной государственности было не просто. Процесс национального строительства сильно затруднялся недостатком четкой национальной ориентацией многих групп населения, связанной, в частности, с незавершенностью процессов национальной консолидации. Отсутствовали надежные данные о национальной (этнической) принадлежности в территориальном разрезе; единственная всеобщая перепись населения Российской империи (1897 г.) учитывала, как известно, лишь родной язык, и не случайно, что уже в 1920 г. по решению Совнаркома, подписанному В. И. Лениным, была проведена первая советская перепись населения, в программу которой входил вопрос о национальности.

Особые трудности национального строительства в первые годы Советской власти были обусловлены тем, что почти все национальные территории стали ареной гражданской войны, оказались на тот или иной период под властью белогвардейцев, местных буржуазных националистов или иностранных интервентов. В одних случаях это вело к временному прекращению существования уже возникших национальных республик, в других, более частых случаях — к временному нарастанию националистических сепаратистских тенденций среди определенных слоев местного населения, к возникновению правительств, которые стремились к «самостоятельному» существованию (петлюровцев на Украине, дашнаков в Армении и т. п.). Большевикам-ленинцам пришлось вести решитель-

⁸ Там же, т. 26, стр. 215.

⁹ См. «Декреты Советской власти», т. 1, М., 1957, стр. 40.

тельную борьбу против таких местных националистов-сепаратистов. Нередко приходилось вести борьбу и на противоположном фронте — против сохранявшихся великодержавных тенденций; такие тенденции проступали, например, в предложенном руководящими работниками Наркомнаца проекте законодательного объединения всех крупных национальных республик в рамках Российской Федерации на правах автономий. Подобные взгляды были, как известно, осуждены В. И. Лениным в одной из последних продиктованных им работ — письме «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». В этом письме В. И. Ленин указывал, в частности, на необходимость крайне осторожного подхода к решению национальных проблем, осуждал бюрократическое администрирование при проведении национальной политики, особенно по отношению к малым, ранее угнетенным национальностям¹⁰.

Следует сказать, наконец, и о тех трудностях национального строительства, которые были связаны с уже упомянутым выше территориальным смешением национальностей. Характеризуя данную проблему, С. Г. Шаумян еще до революции писал, например: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федерации или автономные области»¹¹. Конфигурация многих этнических территорий была очень сложной, некоторые из них были разбиты инонациональными массивами на отдельные этнические «острова». В капиталистическом обществе национально-государственное размежевание в таких условиях неизбежно сопровождалось бы территориальными конфликтами; в советском государстве, где было провозглашено полное равенство всех национальностей, размежевание было подчинено общим задачам социалистического строительства, решалось в духе классовой интернациональной солидарности. Советские республики рождались как республики смешанного национального состава; нередко в их границы включались значительные районы с численно преобладающим инонациональным населением. Это диктовалось прежде всего экономической и административной целесообразностью; иначе границы многих национальных образований приобрели бы очень причудливый вид и нарушили бы уже сложившиеся или складывающиеся хозяйственные связи. В «спорных» случаях предпочтение обычно отдавалось народам, отстававшим в своем социально-экономическом и культурном развитии; включение в состав их республик районов с преобладающим инонациональным (чаще всего русским) населением (например Кустанайского и Петропавловского районов в Казахскую ССР, Уфимского района — в Башкирскую АССР и т. п.) должно было помочь их более быстрому и гармоничному развитию.

Образование многонационального социалистического государства было, как указывается в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР», «выдающимся результатом революционного творчества всех советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии. Военно-политический союз, сложившийся в ходе гражданской войны, теснейшая координация внешнеполитической деятельности, совместные усилия по восстановлению народного хозяйства, экономическому развитию и укреплению обороноспособности естественно способствовали переходу к объединению равноправных народов в одну социалистическую семью»¹².

Ядром этого союза была Российская Советская республика; свой новый, сохраняющийся до сих пор статус она получила на III Всероссийском съезде Советов (январь 1918 г.), в постановлении которого говорилось, что «Советская Российская республика учреждается на основе

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45.

¹¹ С. Г. Шаумян, О национально-культурной автономии, М., 1959, стр. 25.

¹² «Коммунист», 1972, № 3, стр. 6.

свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»¹³. Выступая на заключительном заседании того же съезда, В. И. Ленин сказал по поводу образования РСФСР: «Вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя»¹⁴. Среди автономных республик, вошедших в РСФСР, были Туркменская АССР (1918 г.) и Киргизская (Казахская) АССР (1920 г.).

Трудящиеся Российской Федерации оказали братскую помощь украинцам, белорусам и народам Закавказья в их борьбе против сил внутренней и внешней контрреволюции. Советская власть на Украине, в Белоруссии, Армении и Азербайджане была восстановлена в 1920 г., в Грузии — в 1921 г. Правительство РСФСР признало самостоятельность Украинской и Белорусской советских республик, а также образованной в 1922 г. Закавказской Федеративной Советской республики и строило отношения с ними на равноправной основе, заключая двусторонние договоры. Все более крепнущие связи между республиками требовали нового государственного оформления. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов единодушно принял декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В ней была высказана твердая уверенность, что новое союзное государство достойно увенчает заложенные еще в октябре 1917 г. основы мирного сожительства и братского сотрудничества народов¹⁵.

В процессе построения социализма постепенно складывались благоприятные социально-экономические условия для продолжения и совершенствования национально-государственного строительства. В 1924 г. были образованы Туркменская и Узбекская, а в 1929 г. — Таджикская Советские социалистические республики. В 1936 г. Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные. В этом же году Азербайджанская, Армянская и Грузинская Советские республики, образовавшие ранее Закавказскую СФСР, непосредственно вошли в состав СССР. Продолжался процесс образования автономных республик, автономных областей и национальных округов. Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г., законодательно закрепила победу социализма, основы социальной и государственной организации социалистического общества, единения советских народов.

Знаменательными событиями в жизни нашего многонационального государства явились воссоединение украинского народа в 1939—1945 гг., воссоединение белорусского народа в 1939 г., восстановление Советской власти в Прибалтике и вхождение в 1940 г. Латвийской, Литовской и Эстонской ССР в Союз ССР, воссоединение молдавского народа и преобразование Молдавской АССР в союзную республику в 1940 г.

Многолетний жизненный опыт показал всем народам страны, какие богатые плоды дает сплочение их в Союзе Советских Социалистических Республик. Лишь объединение всех сил и ресурсов страны позволило советским людям в кратчайший исторический срок ликвидировать доставшуюся в наследство от царизма и капитализма экономическую и культурную отсталость, осуществить индустриализацию страны и социалистическое преобразование сельского хозяйства, подлинную культурную революцию, построить социализм и превратить СССР в могучую высокоразвитую державу.

¹³ Цит. по «Истории национально-государственного строительства в СССР», М., 1968, стр. 94.

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 215.

¹⁵ См.: «Постановление Первого съезда Советов Союза Советских Социалистических республик», М., 1923.

Суровой проверкой прочности СССР, как подчеркнуто в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР», была Великая Отечественная война. Схватка с опаснейшим врагом — гитлеровским фашизмом наглядно показала, что советские люди только общими силами могут отстоять свою свободу и независимость, свои революционные завоевания. Война опрокинула надежды мирового империализма на возрождение национальных конфликтов, на развал многонационального социалистического государства. Народы СССР в едином строю героически сражались и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, общей победы над врагом. Дружба народов СССР получила свое дальнейшее развитие в послевоенные годы восстановления народного хозяйства и в последующий период развитого социалистического общества. Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действия, доверия и взаимной заботы, которые проявлялись в братском союзе народов нашей страны.

Успехи ленинской национальной политики, дружба между народами СССР, помощь тем из них, которые отставали в своем развитии, со стороны более развитых и прежде всего со стороны русского народа обеспечили общий подъем и расцвет социалистических наций. Поднялась культура народов СССР, выросли национальные кадры, сложилась однотипная социальная структура, которую составляют рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция.

Всесторонний расцвет социалистических наций и постепенное все более тесное сближение между ними представляют собой неразрывный, единый процесс. Это сближение идет как в масштабах всей страны, так и в рамках республик, которые как уже отмечалось выше, включают в себя разнообразные национальные группы. Трудящиеся каждой республики составляют многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетаются с интернациональными, социалистическими, общесоветскими чертами и традициями. Важную роль в этом сближении играет русский язык, который был добровольно избран всеми нациями и народностями СССР в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества, стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советского народа, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры.

«Возникновение новых промышленных центров,— говорится в Программе КПСС,— открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов СССР. В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»¹⁶.

Замечательным выражением сближения всех национальностей СССР служит возникшая за годы строительства социализма и коммунизма новая историческая общность людей — советский народ. Эта общность сформировалась, говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР», на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса. Сложились замечательные черты советского человека: преданность делу коммунизма, социалисти-

¹⁶ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 405.

ческий патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран.

Многонациональный советский народ встречает 50-летие образования СССР могучим, монолитно сплоченным, уверенно и целеустремленно идущим под руководством Коммунистической партии вперед, по пути, намеченному Программой КПСС и XXIV съездом КПСС. Выработанный съездом грандиозный план дальнейшего коммунистического строительства открывает широкий простор для созидательного творчества трудящихся всех национальностей нашей страны.

Постановление ЦК КПСС в связи с подготовкой к празднованию торжественного юбилея образования СССР призывает партийные, советские и общественные организации, редакции центральных газет и журналов, соответствующие министерства, научные и другие учреждения к усилению работы по разъяснению и показу выдающегося значения этого события в его всемирно-историческом масштабе, показу значения этого события в истории нашей страны, в обеспечении свободы и независимости ее народов, в построении социализма и коммунизма. Образование и 50 лет существования Союза Советских Социалистических Республик являются самым убедительным свидетельством правильности марксистско-ленинского учения по национальному вопросу и принципов пролетарского интернационализма. Большое значение имеет показ результатов гигантской деятельности советского государства по подъему экономики и культуры всех наций и народностей, населяющих СССР, по формированию новых межнациональных отношений, основанных на дружбе, взаимоуважении и сознании крепнущего единства.

Особые задачи встают в связи с празднованием этого юбилея перед различными специалистами, работающими в области этнографии, как науки, наиболее тесно связанной с изучением жизни народов, их происхождения, их исторического развития, традиционного хозяйства и расселения, материальной и духовной культуры, обычаев и нравов. Данные этнографической науки, как известно, широко использовались в национально-государственном строительстве. Достаточно напомнить в этой связи деятельность в составе Академии наук Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран, позже преобразованной в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР. Выполненная ею большая работа по изучению этнического состава населения СССР и составлению этнографических карт оказала очень существенную помощь при проведении национально-территориального размежевания в различных областях страны. Большое практическое значение для определения конкретных форм хозяйственного и культурного преобразования национальных окраин, для более действенной помощи отставшим в своем развитии народам имели сводные этнографические труды по отдельным народам и областям СССР; особенно важную помощь в решении практических задач социалистического строительства оказали этнографические работы по Средней Азии, где в советское время развернулся интенсивный процесс перехода на оседлость бывших кочевников и полукочевников, и работы этнографов-сибиреведов, позволившие значительно ускорить темпы развития хозяйства и преобразования культуры и быта наиболее отсталой в прошлом части населения СССР — малых народов Севера.

Многочисленные задачи советских этнографов, непосредственно связанные с празднованием полувекового юбилея Союза ССР, можно условно объединить в три основные группы.

В первой из них — различные вопросы, нацеленные на воссоздание исторической картины национально-государственного строительства в СССР. Эта большая комплексная проблема разрабатывается до сих пор

преимущественно философами, юристами и историками, в результате чего на первый план неизбежно выступают либо общие идеологические принципы национальной политики, либо содержание относящихся сюда государственно-административных актов, либо связанные с этим строительством исторические события; что же касается чрезвычайно сложной и трудоемкой практической работы по территориальному размежеванию и определению форм национальной государственности с учетом особенностей расселения, уровня политического, социально-экономического и культурного развития коренного населения, то она обычно остается в полутени¹⁷. Активное участие в этой работе специалистов-этнографов позволило бы существенно конкретизировать анализ хода национально-государственного строительства, наполнить его живым этнографическим содержанием.

Во вторую группу входят вопросы, связанные с исследованием тех заметных изменений, которые произошли в жизни каждого народа нашей многонациональной страны за годы Советской власти. Над этой тематикой этнографы также работают вместе со специалистами других наук: философами, экономистами, историками и др. Имеющиеся по этой тематике публикации не всегда достаточно полны; авторы зачастую схематизируют рассматриваемые ими национальные процессы, оперируют данными по развитию промышленности и сельского хозяйства, культуры и образования, относящимися ко всему населению той или иной республики, хотя в составе ее находятся значительные, иногда численно преобладающие инонациональные группы. В такой ситуации, естественно, повышается значение работ, в которых подробно рассматриваются изменения в традиционном хозяйстве, материальной и духовной культуре, социальном составе, грамотности, численности, расселении и в других параметрах отдельных народов СССР.

Советские этнографы уже добились определенных успехов в разработке этих проблем, но так как работа их будет разворачиваться и дальше, следует сказать и об имеющихся здесь пробелах и недостатках. Большинство их так или иначе связано с традиционными интересами этнографов к, может быть, и редким, но этнически специфическим элементам культуры и быта и сравнительно слабым вниманием этнографов к явлениям, не имеющим четкой национальной окраски (стандартизированные изделия фабрично-заводской промышленности и т. д.), хотя именно они в современную эпоху научно-технической революции все более определяют быт людей. До сих пор недостаточно изучаются особенности культуры и быта национальных кадров рабочего класса и интеллигенции, а также влияние все растущей урбанизации на культуру и быт как самих горожан, так и сельского населения. Правда, за последнее время в разработке некоторых из этих вопросов наметился перелом, связанный, в частности, с проникновением в этнографию методов конкретной социологии и развитием этносоциологических исследований. Большое значение для изучения современности может сыграть широкое применение специальных анкетных обследований, привлечение обширных статистических материалов ЦСУ и других учреждений, разработка методики сопоставлений количественных показателей и обработка полученных материалов на электронно-вычислительных машинах.

Классики марксизма-ленинизма постоянно подчеркивали подчиненную роль национального вопроса по отношению к общим вопросам о социалистической революции, диктатуре пролетариата и строительстве

¹⁷ Достаточно показательно в этом отношении уже то, что в наиболее обстоятельной работе по данной тематике — двухтомнике «История национально-государственного строительства в СССР, 1917—1936 гг.» (М., 1968) и «История национально-государственного строительства 1937—1967 гг.» (М., 1970) не помещено ни одной этнической карты или хотя бы картосхемы, отражающей реальную картину национально-территориального размежевания.

коммунистического общества. В отличие от типичных для эпохи раннего капитализма движений, направленных на образование национальных государств, национально-государственное строительство в нашей многонациональной стране после победы социалистической революции было не самоцелью, а средством, одним из важных рычагов социалистического строительства. Создание советских республик и других форм национальной государственности было нужно не только для более благоприятного развития тех или иных народов, но и для устранения прежних межнациональных неурядиц, для возникновения новых дружеских интернациональных отношений, для дальнейшего сближения наций. Отсюда ясно, насколько важен и актуален круг вопросов, направленных на комплексный анализ изменения многогранных национальных отношений за годы Советской власти. Решение этих вопросов относится к третьей из отмеченных выше основных групп задач, связанных с приближающимся юбилеем образования СССР.

Все три условно выделенные группы сложных проблем разрабатываются этнографами совместно с учеными других специальностей. Ведущую роль среди них до недавнего времени играли философы, уделяющие основное внимание характеристике политических, социально-экономических и идеологических основ новых национальных отношений. Хотя эти основы и однотипны на территории всего Советского Союза, но развитие чувства интернационализма не является каким-то единообразным процессом, а имеет свою этническую специфику.

На долю этнографов приходится широкий круг исследований особенностей становления новых форм отношений между конкретными народами страны, обусловленных их прежней историей, близостью или отдаленностью языково-культурных элементов и религии, уровнем социально-экономического и культурного развития каждого из этих народов до Октябрьской революции, а также относительными темпами национального развития за годы Советской власти, спецификой расселения и другими факторами. В Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР указано, что непримиримость к пережиткам национализма и шовинизма составляет необходимую часть интернационалистического воспитания трудящихся. Поэтому серьезное внимание этнографов должно быть обращено не только на показ этнически специфического и общего в жизни народов СССР, но и на изучение культурно-психологических и бытовых корней и форм рецидивов национализма. Важное значение здесь может иметь начавшаяся в Институте этнографии АН СССР работа по изучению психологических аспектов национальных отношений, комплекса установок по отношению к другим национальностям, бытующих среди того или иного этноса. Все эти проблемы, как и большинство проблем, включенных во вторую группу, целесообразно изучать как в целом по каждому советскому этносу, так и отдельно — по территориальным, этнографическим, социально-профессиональным и другим составляющим этносы группам; такая конкретизация этнографо-социологических исследований создает основу для практических рекомендаций по оптимизации социально-культурных аспектов процесса развития и сближения наций в Советском Союзе.

Отдельную, особую подгруппу составляют проблемы, связанные с изучением формирования в СССР новой исторической общности людей — советского народа. Прежде всего этнографы могут принять участие в разработке некоторых теоретических положений, в уточнении типа этой общности. Советский народ пока сохраняет свою многонациональную структуру и, хотя он характеризуется общей территорией, единой социалистической экономикой, общими чертами духовного облика и все расширяющимся языковым общением за счет распространения русского языка, его в настоящее время было бы неправильно считать единой этнической общностью типа нации. Следует уточнить, однако, место

советского народа среди других типов исторических общностей, дать ответ на вопрос, является ли такая общность специфичной для Советского Союза или общности такого типа могут сложиться в других многонациональных социалистических странах и в многонациональных государствах «третьего мира» с буржуазно-демократическими формами правления. Не менее важны относящиеся уже к собственно этнографической тематике исследования, направленные на выяснение особенностей путей включения в советский народ отдельных советских этносов, локально-этнографической специфики общего процесса формирования общесоветских элементов культуры и быта, общих черт поведения и т. д.

Весьма важна, наконец, и работа по освещению международного значения исторического опыта успешного решения национального вопроса в СССР.

Вместе со всеми трудящимися Советского Союза этнографы нашей страны видят в приближающемся юбилее — 50-летию со дня образования СССР — яркую демонстрацию единства наций и народностей нашей страны, их сплоченности вокруг Коммунистической партии, верности принципам интернационализма и дружбы народов.

Т. А. Жданко

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Национально-государственное размежевание советских республик Средней Азии было проведено Советским государством в 1924—1925 гг. Оно проходило на основе осуществления национальной политики коммунистической партии в соответствии со свободным волеизъявлением народов, стремившихся после освобождения от гнета царизма к объединению в суверенные национальные республики. В это время национально-государственное строительство шло во всей стране; претворялись в жизнь основные принципы ленинской национальной политики Коммунистической партии, обеспечившей полное равноправие народов, помощь им в преодолении экономической и культурной отсталости и свободу национального самоопределения. Общие интересы трудящихся различных национальностей, вставших на путь строительства нового общества, их стремление к объединению усилий и братскому сотрудничеству нашли свое практическое воплощение в создании в декабре 1922 г. единого многонационального государства — Союза ССР¹. Величайшая заслуга в создании СССР принадлежит Владимиру Ильичу Ленину.

Национальное размежевание Средней Азии, образование новых национальных республик и добровольное вступление их в СССР было важным этапом национально-государственного строительства, одной из главных вех становления и развития великого содружества советских наций.

Помимо прогрессивного воздействия на судьбы народов Средней Азии, этот исторический акт, подготовлявшийся под непосредственным руководством В. И. Ленина, приобрел и широкое международное значение². Во всей предшествующей истории не было подобных случаев мирного разрешения сложных государственных проблем, связанных с разделением по национальному признаку столь обширных территорий с многочисленным, этнически неоднородным населением. Образование национальных республик и областей Советского Востока и их дальнейшее быстрое развитие стали для поработанных народов зарубежного Востока и всего мира убедительным примером реальной возможности справедливого решения национального вопроса в странах, освободившихся от колониального гнета и вступивших на путь социалистических преобразований.

Исторический опыт национального размежевания Средней Азии всесторонне исследуется историками, философами, юристами; не меньшее значение имеет и этнографический аспект его изучения, в первую оче-

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 3.

² См. А. А. Гордиенко, Создание советской национальной государственности в Средней Азии, М., 1959, стр. 213.

редь, освещение его роли как фактора, способствовавшего этническим процессам консолидации и этно-политической интеграции социалистических наций и народностей Средней Азии. Однако для разработки этой проблемы необходимо исследовать прежде всего ту своеобразную этническую ситуацию, которая сложилась в Средней Азии ко времени национального размежевания. Она учитывалась Коммунистической партией и Советским государством при осуществлении этого размежевания.

В период подготовки и проведения национального размежевания всесторонне и тщательно изучался среднеазиатский регион, накапливались новые материалы, уточнявшие этнический состав населения, численность и ареалы расселения основных народов и их локальных групп. Тогда же выяснилась необходимость неотложного изучения целого ряда теоретических этнографических проблем — определения уровня этнической консолидации отдельных народов, установления исторической подлинности этнономов и соотношения их с самоназваниями народов, изучения экономического, культурного и этнического тяготения к тому или другому крупному народу множества обособленных локальных этнографических групп и дисперсно расселенных мелких народностей.

Нужно было выявить также направленность и глубину ассимиляционных процессов в районах смешанного (например, узбеко-таджикского) населения, определить формы этнического самосознания, преобладающие языки у отдельных групп в таких районах. Все эти и многие другие этнографические проблемы приобрели остро актуальное, жизненное значение во время национального размежевания, поскольку они служили обоснованием для избрания оптимальных вариантов границ, территорий, наименований новых государственных и административных национальных образований.

Именно этот круг вопросов, возникавших в период национального размежевания в связи с исторически сложившейся в Средней Азии этнической ситуацией, рассматривается в данной статье.

* * *

Накануне национального размежевания народы Средней Азии, входившие в состав Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных советских республик, находились на разных уровнях социально-экономического развития и этнической консолидации. Их этническая история была многовековым процессом, в котором участвовали в разном соотношении автохтонные и пришлые этнические компоненты древности, средневековья и нового времени. Черты этнической общности начали формироваться у народов Средней Азии — таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов и каракалпаков — уже в IX—XII веках; в этот период складывались основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйственного уклада и образа жизни.

В XIII—XIV вв. в связи с монгольским завоеванием на формирование народов Средней Азии оказали влияние значительные миграции с востока тюрко-монгольских племен, а в XV — начале XVI в. — передвижения кочевых и полукочевых узбекских племен, вызванные завоевательными походами Шейбани-хана и другими политическими событиями в Дешт- и Кыпчаке. В связи с этим исследователи обычно относят к XVI в. завершающий этап этногенеза узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков — народов, на этническом составе которых более всего отразились массовые миграции этих исторических периодов.

В XVI—XVIII вв., несмотря на феодальную раздробленность, постоянные войны и междоусобия правившей в Средней Азии военно-феодальной аристократии степных племен, на ее территории сформирова-

лись три очага централизации — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, возглавлявшиеся узбекскими династиями.

Образование ханств означало лишь частичное, неполное преодоление феодальной раздробленности³. При господстве удельной системы попытки ханов преодолеть сепаратистские тенденции правивших отдельными областями племенных предводителей-феодалов были тщетны. В условиях непрерывных войн и распрей некоторые области многократно переходили во владения разных правителей; практиковались массовые насильственные переселения жителей завоеванных городов и селений, нередки были и миграции населения в связи с разрушениями ирригационных систем во время войн и междоусобий. Таким образом, не только социально-экономическая отсталость, но и общая политическая обстановка не создавали предпосылок для сплочения народов Средней Азии и развития процессов этнической консолидации. Действие такого важного фактора, как образование государств, что обычно является одним из важнейших условий нормального развития этнических общностей⁴, в создавшейся исторической обстановке не могло сказаться и потому, что все три ханства были этнически неоднородными. В Хивинском ханстве, помимо преобладавших численно узбеков, жили туркмены, казахи, каракалпаки, облагавшиеся усиленными налогами и повинностями. В Бухарском ханстве преобладали узбеки и таджики; жили здесь также туркмены, казахи и издавна поселившиеся мелкие народности — арабы, цыгане, среднеазиатские евреи и др. Таким же пестрым был состав населения Кокандского ханства, включавшего кроме узбеков, казахов, равнинных таджиков, каракалпаков и большой этнический массив киргизов. В Восточной Бухаре, в высокогорных областях и долинах Памира, за недоступными перевалами замкнуто жили мелкие припамирские народности — рушанцы, шугнанцы, ваханцы и другие, говорившие на древних восточноиранских языках, непонятных таджикам. Обособленность их от других мусульманских народов Средней Азии усугублялась принадлежностью к религиозной секте исмаилитов.

* * *

В первой половине XIX в., перед присоединением к России народы Средней Азии представляли собой этнические общности того характерного для феодальной эпохи типа, который принято именовать народностями. Они были широко известны мировой и в особенности русской науке, как вполне сложившиеся этносы, с определенными языками, с присущими им типами хозяйства, особенностями быта, материальной и духовной культуры, с установившимися для их основных этнических массивов этнонимами и территориями обитания, т. е. со всеми признаками или свойствами, обладающими «всеобщей значимостью в пределах этноса, традиционностью и характерными для данного этноса специфическими отличительными чертами»⁵. Вместе с тем, для них были характерны и те черты незавершенности этнической консолидации, которые, согласно стадияльно-исторической классификации этносов, отличают народности от наций: изобилие диалектных отличий в языках, множество локальных вариантов в культуре и быту и двойственность этнического самосознания — сознание принадлежности не только к определенному народу, но и к локальной, областной, земляческой или пережиточной родоплеменной группе. Если у таджиков и оседлых земледельцев узбеков преобладало в качестве второго «земляческое» самосо-

³ См. С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 297.

⁴ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 36.

⁵ Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», т. I, М., 1971, стр. 21.

знание, то у туркмен, казахов, каракалпаков и киргизов (кочевых и полуседлых) и у части узбеков (полукочевых) с разной степенью устойчивости сохранялось сознание своей принадлежности к определенным родо-племенным группам.

Известно, что в дореволюционной литературе, как и у некоторых авторов начала советского периода, наблюдалась тенденция принижать уровень социального и этнического развития этих, преимущественно скотоводческих, тюркоязычных народов. На основании того, что в XIX — начале XX в. у них еще устойчиво сохранялись пережитки родо-племенного деления, складывалось мнение о господстве у них родового строя, в этническом плане их характеризовали как аморфные конгломераты разрозненных племен. Позднее проблема социально-экономического и этнического уровня развития этих народов приобрела большое принципиальное значение; в период национально-государственного строительства такие теории способствовали пропаганде всевозможных националистических концепций — от великодержавно-шовинистических (утверждавших «преждевременность» национального самоопределения народов Средней Азии) до пантюркистских (отрицавших реальное существование сложившихся тюркоязычных народностей в Средней Азии). Буржуазные националисты-пантюркисты выступали против создания национальных советских республик, ратуя за объединение мифической «туркестанской нации» в «Тюркскую республику»⁶.

Между тем чрезмерная архаизация социально-экономического и этнического развития тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, использовавшаяся в свое время националистическими партиями и группировками, враждебными советскому государству, не имела научных, исторических обоснований.

Нельзя не учитывать отличие племенных групп, сохранявшихся в составе народов Средней Азии, от племен и родов действительно первобытного типа, которые реально существовали еще в XVII—XVIII вв. в краях более отсталых, чем степные районы кочевого скотоводства, например, у собирателей, охотников и рыболовов тайги и тундры Севера Сибири, переживавших переходные стадии от первобытно-родовой общины к классовому строю. На Крайнем Севере в указанный период племя реально представляло собой древнейший тип социальной и этнической общности. В противоположность этим племенам архаичного типа, сформировавшимся в народности в основном только в советский период, среднеазиатские племена кочевников и полукочевников существовали в классовом обществе⁷ и со времен средневековья органически входили в этнические общности таксономически более высокого порядка — народности; некоторые группы, называемые «племенами», несомненно, являлись осколками средневековых народностей, имевших в прошлом даже свои государственные образования (например, карлуки, кипчаки, найманы и др.). Многие крупные племена туркмен с их неоднородным этническим составом и сложным этногенезом представляли собой, очевидно, этнические компоненты огузской народности, формировавшейся в далеком прошлом, но не успевшей консолидироваться из-за неблагоприятных исторических условий⁸.

По существу же, по своему этническому облику, многие родоплеменные объединения в составе туркмен, казахов, каракалпаков, киргизов и др. тюркоязычных народностей Средней Азии в XIX в. скорее приближались к типу этнических общностей, именуемых этнографическими группами, чем к племенам первобытно-общинного типа; во всяком

⁶ А. А. Гордиенко, Указ. раб., стр. 134—135, 148 и др.

⁷ О поздних племенах классового общества см.: С. М. Абрамзон, Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ, «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 72.

⁸ С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 162.

случае уже задолго до революции шел процесс их трансформации в этом направлении, несмотря на сохранение в их быту многих пережитков древности.

Известный знаток этнографии казахов А. И. Левшин еще в первой половине XIX в. писал: «Сколь ни были различны поколения, составившие нынешние киргиз-казачьи орды, но все они наконец слились в один народ, живший в одном месте... Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством. Предания говорят то же»⁹.

Существует и множество других объективных исторических свидетельств, подтверждающих издавна сложившееся у этносов с пережитками родо-племенной этнической структуры и патриархального быта, сознание своей принадлежности к определенной народности; например, представление об общности происхождения и исторических судеб тех племенных групп, которые составили данную народность.

Отраженные в своеобразной традиционной форме генеалогических и исторических преданий представления о единстве происхождения и целостности народа существовали у туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков¹⁰.

Росту этнического самосознания способствовало развитие в XVII — первой половине XIX в. в Средней Азии освободительных идей и народных движений против своих правителей ханов и иноземных завоевателей, вторгавшихся в Среднюю Азию. Передовые мыслители, поэты (например, узбекский поэт XVII в. Турды, замечательный туркменский поэт XVIII в. Махтум Кули) призывали к прекращению междоусобий, к объединению всех племен и родов своего «единого народа» для борьбы с общими врагами¹¹.

Некоторые исследователи обосновывают свое мнение о низком уровне этнического развития казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии существовавшей, якобы, в XIX в. неустойчивостью их этнонимов, ссылаясь в частности, на ту путаницу, которую вызвала при Всероссийской переписи 1897 г. неясность и неопределенность наименований казахов и киргизов (казахов называли киргизами, киргиз-кайсаками, киргиз-казаками, киргизов — кара-киргизами, «дикоканменными» киргизами, бурутами). Однако, это различие этнонимов было вызвано отнюдь не отсутствием у данных народов устойчивого самосознания. В частности, у казахов оно появилось уже в XV в., у киргизов еще ранее. В русских документах XVI—XVIII вв. казахи еще именовались «казачьей ордой». Замена подлинного этнонима «казахи» названием «киргизы» (вероятно, для отличия их от русского казачества соседних районов Сибири) произошла позднее. Название «киргизы» вошло в официальные документы независимо от народа, продолжавшего употреблять свое самоназвание. Интересно, что еще в 1827 г. появилась статья А. Левшина «Об имени киргиз-казачьего народа», где он утверждал, что «киргиз-кайсакам дают чужое имя, которым ни сами они себя, ни соседи, исключая россиян, не называют... Киргиз есть название народа совсем другого... Название казак... принадлежит киргиз-кайсацким ордам с начала их существования, они себя иначе не называют. Под этим же именем известны они персианам, бухарцам, хивинцам и прочим на-

⁹ А. И. Левшин, Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей, СПб., 1832, ч. III, стр. 5.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абул-гази хана Хивинского, М.—Л., 1958; Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основе родословных сказаний, «Живая старина», 1894, III—IV; Н. Давкараев, Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы, Ташкент, 1959, стр. 192—195.

¹¹ См. С. П. Толстов, К двадцатилетию национального размежевания Средней Азии, «Сов. этнография», 1950, № 1, стр. 7—10; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе, «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 9—10.

родам Азии»¹². Делали попытку восстановить подлинны этнонимы казахов и киргизов и другие ученые, например, Чокан Валиханов¹³, однако неверные наименования настолько прочно укоренились в официальной документации и историографии, что дожили до Октябрьской революции и даже до национального размежевания Средней Азии. Первые советские автономии этих народов носили названия Киргизской и Кара-Киргизской; лишь в апреле 1925 г. V съезд советов Казахстана восстановил исторически правильное название казахского народа, и республика была переименована в Казахскую АССР.

Весьма интересные и убедительные данные об уровне этнического развития указанной группы народов дают лингвистические исследования, в частности изучение истории их языков и диалектов. Известный советский тюрколог Н. А. Баскаков выделяет несколько типов диалектных систем, в том числе: а) диалектные системы, отражающие следы родоплеменной структуры; б) диалектные системы, в которых членение диалектов основано главным образом на территориальном признаке, хотя в этническом составе данного народа сохранялись следы родоплеменной структуры; в) диалектные системы тюркских народов, утративших следы родоплеменного деления и родоплеменные названия. Диалекты подразделяются автором на более ранние, совпадающие с племенными, и на исторически более поздние — феодализованные городские говоры. Согласно этой классификации, к первой категории «племенных» диалектов относятся диалекты туркмен, совпадающие с их крупнейшими племенами (йомутский, текинский, гокленский и др.). Диалектная система узбекского языка причислена к этому же типу, но к другой его группе, исторически более поздней: три группы узбекских диалектов — кыпчакская, огузская и карлукская развивались в сложных условиях этногенеза узбекского народа. В связи с этим, с одной стороны, в узбекских диалектах сохранялось племенное членение, с другой, — развивались городские говоры: из карлукского — наманганский, ташкентский, андижанский, а из огузо-кыпчакских — хорезмские. Что же касается языков киргизов, казахов и каракалпаков, то их диалекты (как и башкирские), по заключению автора, относятся ко второму типу диалектных систем, членение которых определяется уже главным образом не родоплеменной структурой, а территориальными признаками¹⁴. Действительно, как известно, диалекты киргизского языка распадаются на северную и южную группы; казахского — на северо-восточную, южную и западную; в каракалпакском языке — два диалекта — северо-восточный и юго-западный.

Территориальное членение диалектов говорит о том, что родоплеменные пережитки в этнической структуре казахов, киргизов и каракалпаков уже давно утратили значение определяющих факторов в языках этой группы этносов, вступивших в стадию этнического развития, соответствующую народности эпохи феодализма.

После присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX в., независимо от планов и политики царского правительства, объективным ходом истории на этой далекой окраине империи сложились предпосылки для некоторого сдвига в этническом развитии. Установление твердой политической власти прекратило феодальные войны и междоусобицы. С проникновением капитализма экономика постепенно оживала после многовекового застоя. Появились первые железные дороги, росла торговля, развивалось товарное хлопководство, в кочевых райо-

¹² А. Левшин, Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизов, журн. «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 14, стр. 432—433.

¹³ Ч. Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 97.

¹⁴ Н. А. Баскаков, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», М., 1970, т. 5, стр. 682—688.

нах все более развивалось товарное скотоводство, возникли небольшие промышленные предприятия для переработки сырья. Край вытягивался в сферу общероссийского рынка, и это повлекло за собой появление в среде народов Средней Азии новых, хотя еще и небольших, социальных прослоек — местных рабочих, буржуазии и буржуазной интеллигенции. Вопреки усилиям военно-полицейского административного аппарата, в Туркестан стали проникать передовые демократические идеи русского общества, направленные против национального неравенства, против политики самодержавия в Средней Азии. Внимание русских прогрессивных ученых, писателей, художников к истории и этнографии, языкам и быту местных народов также влияло на формирование национального самосознания. Талантливые поэты, ученые-просветители появились в среде узбеков, таджиков, казахов и других местных народностей; их произведения способствовали развитию литературных языков, зарождению национально-освободительных тенденций и настроений. Таким образом, при общей замедленности, застое этнического развития народов Средней Азии в дореволюционный период, у них все же пробуждалась национальная жизнь и культура, распространялось национально-освободительное движение. Часть узбекской и таджикской либеральной буржуазии была вовлечена в движение «джадидизма», предвещавшего требования (хотя ограниченные и робкие) некоторых реформ, в частности — введения светского школьного образования. Рост национального самосознания и национального движения стал особенно ощущаться в Средней Азии и Казахстане после революции 1905—1907 гг. Все эти факторы привели к появлению у некоторых народов — узбеков, таджиков, казахов — зачатков процесса формирования буржуазных наций. Однако этот процесс так и не смог завершиться в колониальном Туркестане, и Октябрьская революция застала эти народности лишь на начальном этапе национального развития.

Одной из форм национального гнета царизма были препятствия, которые чинились развитию местных языков. Проводились идеи нецелесообразности развития и совершенствования «туземных наречий» «возведения инородческих языков в развитые литературные языки, в языки школы и науки»¹⁵. Это откровенно связывалось с боязнью роста национально-освободительных сепаратистских идей. В «Журнале Министерства народного просвещения» в 1867 г., при обсуждении вопроса об образовании инородцев на восточных окраинах Империи, было высказано такое суждение: «Самые попытки... дать письменность и некоторое литературное развитие наречиям, которым все это было до сих пор чуждо и возвести эти наречия на степень языков школы и церкви — не будут ли иметь непреложным своим последствием развитие инстинктов... способных отдалить их («инородцев») от русского народа»?... и далее — «Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы и в церковь, и вы тем самым утвердите и разовьете соответственную народность!»¹⁶. Царское самодержавие создало в Средней Азии «режим, покоящийся на политическом бесправии масс, игнорирующий национальные и экономические интересы местного населения... В таких тяжелых условиях жизни зарождавшийся процесс национальной консолидации народностей Средней Азии, естественно, не мог завершиться»¹⁷.

В Средней Азии еще продолжали преобладать факторы, тормозившие национальную консолидацию народностей. На основной террито-

¹⁵ «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», СПб, 1869, стр. 40.

¹⁶ «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, № 4—6, ч. 134, стр. 91—92.

¹⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 100.

рии края было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в которое вошли части владений Бухарского эмирата, Хивинского ханства и все Кокандское ханство, полностью присоединенное (в 1876 г.) к России. Бухарское и Хивинское ханства в границах их значительно урезанных территорий были признаны вассальными государствами, находящимися под протекторатом России. Ханства были значительно более отсталыми, чем Туркестан, оказавшийся в составе Российской империи. Застойный характер феодализма, деспотизм эмиров и ханов привели их в упадок; фанатизм мусульманского духовенства препятствовал развитию культуры; крестьянство и трудовое население городов обнищало, разоренное налогами, эксплуатацией, поборами и вымогательствами многочисленных чиновников.

Государственные и административные границы разделяли на обособленные части этнические территории Средней Азии, заселенные одними и теми же народами. Как и до присоединения к России, узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки оказались расчлененными между тремя государствами — Российской империей (входившим в нее Туркестаном), Бухарой и Хивой — вассалами России. Казахстан тоже был разделен — часть его вошла в Туркестанское генерал-губернаторство, другая часть — в Степное генерал-губернаторство, а западные районы — в Астраханскую губернию. Закаспийская область долгое время управлялась особым «Временным положением» и только в 1899 году была присоединена к Туркестанскому краю.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла путь к свободному национальному развитию всем народам России, в том числе и народам Туркестана. В 1918 г. здесь началось национально-государственное строительство; 5-й съезд Советов Туркестанского края провозгласил образование Туркестанской АССР (в границах б. Туркестанского генерал-губернаторства). В 1920 г. на территории Казахстана (в границах б. Степного генерал-губернаторства) была образована Киргизская АССР. Обе автономные республики вошли в состав РСФСР. Лишь в 1920 г. революция одержала победу в Бухарском и Хивинском ханствах; на их территории образовались Народные советские республики — Бухарская и Хорезмская. Это были «независимые унитарные народно-советские государства, своеобразная переходная форма к социалистическому государству диктатуры пролетариата»¹⁸. С 1920 по 1923 г. народно-демократическая власть осуществляла там коренную ломку феодально-деспотической системы управления, были созданы органы народно-советского государства, национализированы земля, банки, промышленные предприятия. Народы этих республик вступили на путь некапиталистического развития и незадолго до национального размежевания обе республики были преобразованы решениями своих курултаев — съездов Советов — в Советские Социалистические Республики.

Военная разруха, гражданская война не дали возможности Советскому государству немедленно после революции изменить установленные царским правительством границы государственных образований, разобщившие народы Средней Азии. В 1924 г. общая численность населения в трех республиках достигала 8.131,1 тыс. чел., из них на Туркестанскую АССР приходилось 5.254,6 тыс. чел., в Бухарской республике проживало 2.236,4 тыс. чел., в Хорезмской — 640,1 тыс. чел.¹⁹. Из общего числа узбеков, живших в трех республиках, около 67% находилось в пределах Туркестанской АССР, 22% — в Бухарской НСР, 11% в Хорезмской НСР. Таджики разделялись почти поровну между Бухарской

¹⁸ «От средневековья к вершинам современного прогресса», М., 1965, стр. 51.

¹⁹ Журн. «Новый Восток», 1925, № 8—9, стр. 48.

(52,3%) и Туркестанской (47,7%) республиками. Из всех туркмен свыше 42% жили в Туркестанской АССР (главным образом в Закаспийской области), 27% в Бухарской и 30% в Хорезмской республиках²⁰.

Однако, несмотря на тяжелую политическую и экономическую обстановку, даже в годы интервенции и гражданской войны Советское правительство удовлетворяло пожелания населения о частичных изменениях внутренних административных границ с учетом национального состава жителей. Так, в Туркестанской АССР Закаспийская область была преобразована в Туркменскую, в Бухарской республике были выделены компактные массивы таджикского и туркменского населения путем образования Таджикской и Туркменской областей; в Хорезмской республике по национальному признаку выделились Казахско-Каракалпакская область, Ташаузская (с преобладанием туркмен), Новоургенчская область и Хивинский район, в которых преобладали узбеки.

Эти частичные национально-территориальные преобразования, проведенные Советским государством до национального размежевания по инициативе местного населения, несомненно, отражают стремления к воссоединению, к реализации права на самоопределение обособленных локальных групп туркмен, казахов, таджиков, каракалпаков, что служит одним из многих объективных свидетельств роста национального самосознания у этих народов, новой ступени их этнического развития.

Вскоре очередной задачей национальной политики советского правительства в Средней Азии становится уже коренное изменение государственных границ — национальное размежевание. Этому вопросу Советское правительство и Центральный комитет РКП(б) придавали первостепенное значение. В. И. Ленин предвидел необходимость государственных преобразований в Средней Азии и ему принадлежала теоретическая постановка этой проблемы: еще до создания СССР В. И. Ленин внимательно изучал состояние национального вопроса в Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных Советских республиках. В 1920 г. он непосредственно занимался подготовкой национального размежевания, рассмотрел и одобрил проект туркестанских коммунистов и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР о дальнейшем развитии государственности в Средней Азии. В числе его замечаний и указаний по проекту было поручение составить этнографическую карту с предполагаемыми границами Узбекистана, Туркмении и Казахстана²¹.

В 1920—1921 гг., неоднократно возвращаясь к вопросу о новом государственном устройстве Средней Азии, В. И. Ленин выступил против предложений немедленного разделения Туркестана на ряд республик, против спешки в этом сложном мероприятии, требовавшем большой научной и политической подготовки, широкого выявления мнений трудящихся всех народов Средней Азии; он советовал, не предпринимая заранее вопроса о выделении тех или других республик, тщательно подготовить соответствующие материалы²².

* * *

С 1920 по 1924 гг. была проведена огромная работа по научной подготовке размежевания, в первую очередь — по изучению этнического состава и территориального размещения населения. Тщательно анализировались Всероссийская перепись 1897 г., а также переписи 1917 и 1920 гг., дореволюционные архивные фонды, статистические и другие материалы ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом (1900-е гг.). К изучению населения была привлечена созданная в 1917 г.

²⁰ «История Узбекской ССР», т. III, Ташкент, 1967, стр. 379.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

²² Там же, стр. 153.

в Российской Академии наук «Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран» (КИПС). Организуется подготовка и издание всякого рода сводных материалов, списков народов, статей о составе населения Средней Азии и его истории, составляются этнографические карты.

В этой большой государственной работе по подготовке национального размежевания принимали деятельное участие крупные ученые — историки, этнографы, востоковеды — И. И. Зарубин, М. С. Андреев, А. А. Семенов, П. П. Иванов, А. А. Диваев и др.²³ Многие из них направлялись в специальные этнографические командировки и экспедиции для сбора необходимых данных.

Ввиду недостатка точных данных о численности и национальном составе населения, необходимых для правильного решения проблемы национального размежевания, в дополнение к проведенной в 1920 г. переписи населения, охватившей в Средней Азии только Туркестанскую АССР, было решено организовать в 1924 г. специальное экспедиционное обследование населения Бухарской и Хорезмской республик, где еще никогда до этого не проводились переписи. Впервые в истории этнический состав жителей ханств подвергся детальному научному исследованию²⁴. Участники экспедиции получили инструкцию в сложных, смешанных по этническому составу селениях выяснять пожелания самих жителей о включении в ту или другую республику. Немного позднее была организована, по инициативе Средазбюро ЦК РКП(б), другая крупная государственная экспедиция — для выборочного изучения хозяйства и социально-экономического строя населения наименее известных районов Средней Азии. Были детально обследованы и описаны одиннадцать отдельных волостей во всех трех республиках. Изданная Комиссией в 1920-х гг. серия из одиннадцати томов «Современный кишлак Средней Азии» до настоящего времени является неоценимым научным источником не только для экономистов, но и для этнографов²⁵.

Одновременно и в тесной связи с подготовкой национального размежевания велись начатые еще ранее научные исследования с целью обоснования экономического районирования Средней Азии. Большую роль в организации всех государственных обследований края в эти годы играл Среднеазиатский экономический совет, созданный в 1923 г. для направления экономической деятельности Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик.

Было создано впервые в Средней Азии Статистическое управление, издавшее два тома «Статистического ежегодника»; ряд ценных для изучения этнического состава и этнографии населения данных содержала и серия «Материалы по районированию Туркестана»²⁶. Еще далеко не достаточно изученные литература и архивные фонды материалов по

²³ См. например: И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; его же, Население Самаркандской области, Л., 1926; А. А. Семенов, К проблеме национального размежевания Средней Азии (историко-этнографический очерк), «Народное хозяйство Средней Азии», 1924, № 2—3; П. П. Иванов, Население (в кн. «Вся Средняя Азия», Ташкент, 1926); М. С. Андреев, Из результатов экспедиции в Кызыл-Кумы, «Бюллетень Среднеаз. госуд. университета», 1925, вып. 9; его же, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., «Изв. Туркест. отдела РГО», 1924, т. XVII; А. А. Диваев, Этнографические материалы по казак-киргизам Туркестана, «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1; его же, Опись этнографических материалов, собранных в Семиреченской области в 1920 г. особой командированной комиссией, Там же, и др.

²⁴ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, «Бухара», ч. II, «Хорезм», Ташкент, 1926.

²⁵ «Современный кишлак Средней Азии. Социально-экономический очерк», вып. I—XI, Ташкент, 1926—1927.

²⁶ «Статистический ежегодник 1917—1923 гг.», т. I и II, Ташкент, 1924; «Материалы по районированию Туркестана», вып. 1—2, Ташкент, 1922—1924.

подготовке национального размежевания²⁷ представляют собой исключительно ценный источник для этнографов, исследующих проблемы современности, и в частности — современные этнические процессы. Впервые за историю этнографической науки в этот период накопилось столько синхронных и охватывающих крупные территории массовых, тщательно собранных этнографических данных, в том числе этностатистических сведений и этнических карт. В качестве исходного исторического этапа для изучения современных этнических процессов чрезвычайно важны и те тонкие, глубокие наблюдения, которые были сделаны во время экспедиционных обследований в области национальных взаимоотношений и этнических взаимовлияний. В особенности этим ценным качеством отличаются работы экспедиции И. П. Магидовича, проводившего в 1924 г. обследование территории и населения б. Бухарского ханства.

Необходимость учета этнического самосознания населения при разработке вопроса о включении той или иной территории в границы национальных республик требовала от исследователей, подготовлявших научные данные для комиссии по национальному размежеванию, большого внимания к мелким, этнически неустойчивым группам со слабо выраженными тенденциями этнического тяготения к тому или другому крупному народу, с неопределившимся или «двойственным» родоплеменным этническим самосознанием. В результате этих наблюдений исследователям удалось выявить весьма важные этнические процессы, в частности постепенное исчезновение сознания принадлежности к родоплеменным группам в процессе консолидации узбекской нации. С этой точки зрения исключительный интерес представляют отмеченные И. П. Магидовичем градации «двойственного» этнического самосознания у полукочевых узбеков в обследованных им районах; он установил как бы несколько ступеней (уровней) процесса утраты ими сознания принадлежности к определенной родоплеменной группе. «Есть среди бухарских узбеков, — пишет И. П. Магидович, — такие, у которых даже старики сначала просто не понимают вопроса «к какому племени или роду принадлежит», а затем после долгих разъяснений отвечают, что племен и родов (у них. — Т. Ж.) нет. Другие называют себя прежде всего узбеками, только после длительных расспросов прибавляют название своего племени или родового союза и по всем признакам не очень твердо знают свою родословную. Третьи на вопрос о национальности прежде всего называют свое племя, а затем не так уже охотно говорят, что они узбеки. И, наконец, четвертые — кипчаки, найманы, тюрки часто противопоставляют себя узбекам, киргизам и казахам...»²⁸.

Не менее важные материалы были собраны и обобщены в это же время И. П. Магидовичем и другими исследователями об еще одном направлении национальной консолидации узбекского народа — завершении процесса слияния этнографических групп так называемых сартов (узбекоязычных) с узбеками, что отразилось на этническом самосознании этих групп. Сложный этногенез узбекского народа, связанный с несколькими волнами тюркских племен, оседавших на протяжении веков в оазисах среднеазиатского междуречья Амударьи и Сырдарьи, обусловил сохранение в его составе пережитков деления на три, несколько отличавшихся одна от другой этнографические группы, потомков трех основных компонентов («пластов») этногенеза: первая — потомки тюркизированного еще в VI—XII веках местного ираноязычного населения, исконно оседлые земледельцы и жители городов; их

²⁷ См. Л. М. Ланда, Советская историография национально-государственного размежевания Средней Азии, «История СССР», 1964, № 6.

²⁸ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I — «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I — «Бухара», стр. 180.

обычно называли сартами; в Ферганском, Ташкентском и Хорезмском оазисах это наименование было наиболее устойчивым, оно служило основным самоназванием у коренного оседлого тюркоязычного населения. Вторая этническая группа — «тюрк», потомки столь же давнего тюркоязычного населения, однако, не осевшего и сохранявшего полукочевой быт и родоплеменное деление. И, наконец, третья — узбеки — потомки пришедших вслед за войсками Шейбани-хана степных племен, расселившихся в Средней Азии в XV—XVI вв., также сохранявшие пережитки родоплеменного деления; самоназвание их перешло к консолидировавшейся узбекской народности²⁹. Взаимодействие узбеков и сартов происходило весьма интенсивно на протяжении нескольких веков; однако, наряду с преобладавшим у исследователей мнением о том, что различия между ними заключались лишь в образе жизни и хозяйственном укладе, существовало и мнение об их этническом различии отдельно они фигурировали обычно и в литературе, и в переписях населения — вплоть до национального размежевания, когда вопрос о соотношении сартов и узбеков стал предметом внимательного изучения. И. П. Магидович пишет по этому поводу: «Материалы статистических переписей и обследований, начиная с 1897 г., подтверждают миллионами показаний самого населения, что нет особого народа сарт, отличного от узбеков, и нет особого сартовского языка, отличного от узбекского»³⁰; он отмечает далее, что при каждой переписи или административном опросе в городах и селениях Ферганы и Ташкентского уезда — в «центрах сартовской оседлости» «количество сартов катастрофически убывало», и что подобная неустойчивость самоназвания могла существовать лишь потому, что «само опрашиваемое оседлое тюркское население не видело никакого различия между словами «узбек» и «сарт», но охотнее называло себя первым именем».

Как известно, в переписи 1926 г. «сарты» уже не фигурируют. Однако, сохранение обособленности узбекоязычных групп «тюрк», так же, как и кипчаков Ферганской долины и кураминцев Ташкентской области, выражавшейся в их этническом самосознании, оказалось более устойчивым, и лишь последующие переписи и этнографические исследования установили их постепенную интеграцию и растворение в составе узбекской нации³¹.

Не менее интересные наблюдения этнических процессов сделали участники экспедиции И. П. Магидовича в районах смешанного узбекского и таджикского населения б. Бухарского ханства, где многовековые контакты привели к процессам этнического взаимодействия. Наряду с узбекизированными группами таджиков, экспедиция выявила немало мелких групп узбеков, воспринявших черты культуры таджиков, говоривших на таджикском языке, признававших себя таджиками, но сохранявших при этом узбекские племенные этнонимы³².

Мы привели лишь некоторые наблюдения одного из исследователей населения Средней Азии периода национального размежевания относительно этнических процессов, происходивших в первые годы Советской

²⁹ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 167—172; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 18—20.

³⁰ «Материалы по районированию Средней Азии», «Бухара», стр. 174.

³¹ См.: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 13; Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 6; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959.

³² «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 231—234.

власти, но начавшихся, разумеется, значительно ранее, в дореволюционный период.

Наряду с некоторой консолидацией народностей и наций, в дореволюционной Средней Азии наблюдались и другие этнические процессы: продолжалась длившаяся несколько веков языковая ассимиляция и аккультурация среднеазиатских цыган, арабов и евреев; шел процесс ассимиляции в среде узбекского населения некоторых групп туркмен (в районах Нуратинских гор и Средней Амударьи) и каракалпаков (в Самаркандской области). Проявлялся в известной мере процесс сближения местного населения с русскими — главным образом в переселенческих районах Казахстана и Киргизии; контакты с русскими крестьянами-переселенцами помогали кочевникам-скотоводам приобщаться к земледелию и оседлой жизни, а переселившиеся из центра России крестьяне заимствовали у местных жителей опыт ведения хозяйства в специфических природных условиях края, осваивали их языки.

Этнические контакты усилились в Советский период — в новых условиях становления и развития социалистических наций и народностей. Изучение их составляют одно из главных направлений исследований этнографов на современном этапе³³.

* * *

Вся совокупность столь широко и серьезно поставленных работ по подготовке национального размежевания позволила приступить к составлению проекта территорий и границ новых республик и автономных областей, разработанного на основе экономических и этнографических данных, с внимательным учетом пожеланий населения и задач дальнейшего социалистического строительства. Это давало возможность научно-обоснованно подойти к практическому решению сложной государственной задачи. Реализация национально-государственного размежевания стала возможной в 1924—1925 гг., когда закончилась гражданская война, окрепли в республиках органы Советской власти, было восстановлено в основном народное хозяйство республик, росли национальные кадры, стало быстро развиваться народное образование, культура, искусство на национальных языках. В 1923—1924 гг., как упоминалось, Хорезмская и Бухарская народные советские республики были уже преобразованы в социалистические. После утверждения предложений трех среднеазиатских республик о национальном размежевании, ЦК РКП(б) и Союзным правительством была создана Центральная территориальная комиссия из представителей республик и областей, а также из представителей всех основных национальностей края.

Проект Центральной территориальной комиссии стал основой для определения границ новых союзных республик и автономных республик и областей. 16 сентября 1924 г. III Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР приняла закон о проведении национального размежевания и «Обращение ко всем народам Средней Азии и Туркестана». Постановление о национальном размежевании, его сущность, задачи широко разъяснялись и обсуждались во всех республиках, в городах, кишлаках и кочевых аулах. В феврале 1925 г. состоялись Учредительные съезды в Узбекской и Туркменской ССР, избравшие свои правительства и принявшие декларации о вступлении в СССР.

³³ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб.; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории южной Туркмении, «Сов. этнография», 1964, № 5; Л. Ф. Моногорова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6; Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969; Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского базиса, Нукус — Ташкент, 1963 и др.

Декларация, принятая I Учредительным съездом Советов Узбекской ССР, провозглашала от имени всех народов Узбекистана добровольное желание Узбекистана войти в состав Союза ССР: «Трудящиеся массы узбекского народа перед лицом всего мира заявляют о своем непреклонном решении о добровольном вхождении в Союз ССР на правах полноправного члена...»³⁴. Подобные же решения принял и Учредительный съезд Туркменской ССР.

Подтверждалось предсказание В. И. Ленина, еще в 1916 г. писавшего о том, что «трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»³⁵.

Добровольное вступление в могущественный Союз ССР стало одним из решающих факторов, обеспечивших народам республик Средней Азии быстрый и всесторонний прогресс, переустройство общества на социалистических началах. Братская помощь других народов страны позволила им в кратчайший исторический срок ликвидировать унаследованную от дореволюционного прошлого экономическую и культурную отсталость, осуществить культурную революцию, построить социализм и встать на путь коммунистического строительства.

В итоге национально-государственного размежевания были образованы, помимо двух союзных республик, автономные республики и области, объединившие все основные народы Средней Азии; в состав Узбекистана вошла Таджикская АССР. Киргизия была выделена в автономную область, вошедшую в РСФСР (в 1926 г. она стала автономной республикой).

Каракалпакская автономная область вошла в Казахскую АССР, которой были переданы также находившиеся до этого в составе Туркестанской республики Семиреченская область и районы Сырдарьинской области, населенные казахами. В дальнейшем, по мере развития этих национальных республик и областей, изменились и переходили на высшие ступени формы их государственности. Так, в 1929 г. Таджикская автономная республика была преобразована в союзную, причем территория ее увеличилась за счет придания ей Ходжентского округа, населенного в основном таджиками. Еще в 1925 г. в ее составе была образована Горно-Бадахшская автономная область. В 1936 г. были преобразованы в союзные республики Казахская и Киргизская АССР. В 1932 г. Каракалпакская автономная область преобразовалась в АССР в составе РСФСР; в 1936 г. она вошла в Узбекскую ССР³⁶.

Естественно, что главным результатом национального размежевания было изменение соотношения этнических групп населения в пределах каждой республики Средней Азии.

Вновь образованные республики воссоединили прежде расчлененные, разобщенные народы. Во всех союзных и автономных республиках, образовавшихся при национальном размежевании, основная национальность представляла компактное большинство.

В Узбекскую ССР вошло 82% всех узбеков, живущих в СССР, и они составили 76,1% всего населения республики. В Туркменскую ССР — 94,2% всех туркмен, они составили 71,9% населения Туркмении. В пределах Таджикской АССР оказалось 75,2% всех таджиков, составивших 71,2% населения республики. В Киргизию вошло 86,7% всех киргизов, что составило 66,2% ее населения. В Казахской АССР

³⁴ «История Узбекской ССР», т. III, стр. 406.

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36.

³⁶ Подробнее о национально-государственном строительстве отдельных республик см.: Х. Т. Турсунов, Образование Узбекской Советской социалистической республики, Ташкент, 1957; А. Нусупбеков, Объединение казахских земель в Казахской ССР, Алма-Ата, 1953; С. А. Раджабов, Таджикская ССР — суверенное советское государство, Душанбе, 1957, и др.

сосредоточилось 93,4% казахов СССР, составивших 57,4% всего населения республики. Наконец, в Каракалпакскую автономную область вошло 79,3% всех каракалпаков и они составили 38,1% населения автономной области³⁷.

Однако учет национального состава был основным, но не единственным принципом при создании новых республик. Учитывалась также необходимость одновременного научно-обоснованного экономического районирования Средней Азии, обеспечения каждой республики и автономной области всех условий, способствующих развитию экономической общности, принималось во внимание экономическое тяготение территорий к тем или другим городским центрам, исторически сложившиеся хозяйственно-бытовые связи жителей городов и сельских местностей, земледельческих оазисов и районов животноводства.

Поэтому было признано целесообразным небольшие группы узбекского населения, издавна жившие в этническом массиве казахов (например, в районах Туркестана и Чимкента), не включать в состав Узбекистана. В пределах Узбекистана остались некоторые районы с казахским и таджикским населением. При установлении экономических целесообразных новых границ, писал В. И. Ленин, — «отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за „национального“ момента нелепо и невозможно»³⁸. Именно с этих позиций рассматривался вопрос о судьбах таких городов как Бухара, Самарканд и другие, вошедших в состав Узбекистана, при наличии там большого числа таджиков.

В ходе осуществления национального размежевания было проведено и экономическое размежевание — распределение между новыми государственными образованиями всех материальных ценностей — фабрик, заводов, посевных площадей, поголовья скота, культурно-просветительных учреждений, чтобы после размежевания каждая из новых республик располагала достаточными материальными ресурсами, необходимыми для успешного развития народного хозяйства и культуры. Принималось во внимание также расположение водных источников и ирригационной сети, имеющих в условиях Средней Азии первостепенное жизненное значение.

В процессе проведения национального размежевания пришлось решать немало спорных вопросов, преодолевать трудности, связанные с экономической и культурной отсталостью края. Коммунистическая партия боролась против попыток контрреволюции использовать в своих целях наследие прежней национальной вражды, исказить смысл и задачи национально-государственного размежевания, против проявлений буржуазного национализма и великодержавного шовинизма.

Национально-государственное размежевание послужило сильным толчком к развитию политической активности народов, их участию в политической жизни, в управлении государством; политика равенства языков, введение национальных языков в административное управление, судопроизводство приблизило к народным массам органы власти, не говоря уже о значении непосредственного участия представителей трудящихся в правительственных органах государства и во всех звеньях административного управления. Образование национальных республик способствовало также развитию национального самосознания за счет преодоления пережитков земляческого и родоплеменного этнического самосознания. В процессе быстрого роста экономики и культуры в республиках формировались все элементы социально-экономической и этнической общности, присущие нациям эпохи социализма.

Развитие образования, письменности, литературы на родных языках, формирование национального театра, музыки и других видов

³⁷ Журн. «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 116—125.

³⁸ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 24, стр. 149.

искусства обусловили становление новых национальных форм культуры, социалистических по содержанию.

Образование советской национальной государственности устранило предпосылки национальных противоречий, многих причин, вызывавших национальные трения, рознь, а иногда и вражду, упрочив дружбу и мирное сотрудничество между нациями. «Мы хороним окончательно все еще так или иначе сохранившиеся остатки и пережитки запутанных национально-правовых отношений, оставленных в наследство колониальной политикой царизма» — говорилось в обращении ЦИК Туркестанской АССР ко всем народам Средней Азии в связи с национальным размежеванием³⁹.

* * *

Дальнейшая консолидация социалистических наций Средней Азии выражается в росте их этнической монолитности, в исчезновении диалектов и некоторых этнографических особенностей прежних локальных и этнических групп.

Все большее значение приобретает происходящее уже с первых лет Советской власти постепенное сближение наций, связанное с образованием новой исторической общности — советского народа. «Множатся общие для всех наций черты во всех сферах материальной и духовной жизни советских людей»⁴⁰. Отличительной чертой этнического процесса сближения наций является отнюдь не ассимиляция, не поглощение одной из наций другой, а возрастающая их интернационализация — проявление общесоветских черт в экономической жизни, культуре и духовной жизни народов. Сближение наций — процесс двусторонний, затрагивающий обе контактирующие этнические общности. Интернационализация реально выражается в общем ослаблении этнического фактора, распространении нейтральной в этническом отношении («городской») культуры, широком взаимодействии и взаимном обогащении культур различных народов⁴¹. Характерной особенностью ее является также двуязычие или многоязычие — при необязательной языковой ассимиляции.

«Интернационализация, происходящая в сфере культурной жизни нашей страны, означает прежде всего процесс складывания единой по своему социалистическому содержанию культуры. Неотъемлемым компонентом этой культуры является идеология интернационализма»⁴².

В период коммунистического строительства усиливаются замечательные черты ленинской дружбы и сотрудничества народов СССР. «Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе»⁴³.

В документах XXIV съезда партии, в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР формулируется тезис о том, что «теснейшее единство, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей Советской страны определяются природой нашего строя, выступают как объективная закономерность развития социализма»⁴⁴.

³⁹ См.: Х. Т. Турсунов, Образование Узбекской Советской социалистической республики. Ташкент, 1957, стр. 219.

⁴⁰ «Коммунист», 1969, № 3, стр. 10.

⁴¹ Л. В. Хомич, О содержании понятия «этнические процессы», «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 85—86.

⁴² Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 11.

⁴³ «Коммунист», 1972, № 3, стр. 8.

⁴⁴ «Коммунист», 1972, № 3, стр. 10.

Закономерность этого двустороннего процесса, его диалектического единства выявляется и в историческом акте ленинской национальной политики — национально-государственном размежевании республик Средней Азии в 1924—1925 гг. и добровольном вступлении их в Союз ССР. Недаром еще современники национального размежевания высказывали мысль, что было бы правильнее называть его не «размежеванием», а воссоединением и дальнейшим сплочением народов Средней Азии в великом содружестве социалистических наций и народностей Союза Советских Социалистических Республик.

**THE DELIMITATION OF NATIONALITIES
AND STATES AND PROCESSES OF ETHNIC DEVELOPMENT
AMONG THE PEOPLES OF MIDDLE ASIA**

The National Delimitation carried out in Middle Asia in 1924—1925 and the voluntary entry of the sovereign national republics of the Soviet East into the USSR is considered in the article in its ethnographic aspect as a factor promoting the formation of socialist nations in Middle Asia and their rapprochement with other Soviet nations and nationalities. The ethnic situation that had historically arisen in Middle Asia up to the time of the National Delimitation is closely examined as well as the preparation for this act in the field of scientific research and theory which necessitated more precise and detailed data on the ethnic composition of the population of the republics and an urgent elaboration of a number of ethnographic problems connected with national consolidation processes among the peoples of Middle Asia; this had to be done with the utmost possible consideration of the ethnic self-consciousness of various dispersely settled local groups and small nationalities in delimiting the boundaries of the new states

Ц. П. Каландадзе

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Одно из наиболее важных завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции — это развитие и укрепление братской дружбы народов Советского Союза. Дружба советских народов, их тесное сотрудничество в государственном, хозяйственном и культурном строительстве — выдающееся достижение мудрой ленинской национальной политики, один из решающих источников великих побед социализма и строительства коммунизма.

Революция придала новое качество традиционным культурным связям между народами. Создались экономические, политические, а также идеологические основы социалистического развития народов Советского Союза и их культур. Сотрудничество между народами развивалось на основе интернационального единства трудящихся, воспитываемых Коммунистической партией. Культурные взаимосвязи, постоянно развиваясь, приобретали новые формы, становились все более разнообразными и действенными. Становление и развитие национальных социалистических культур осуществлялось на единой марксистско-ленинской идейной основе.

Победа Советской власти в Закавказье ознаменовала новую эру в истории его народов. Руководствуясь учением В. И. Ленина по национальному вопросу и основываясь на национальной политике Коммунистической партии, большевики Закавказья возглавили трудящиеся массы и разгромили сопротивление классового врага. После создания в 1922 г. Закавказской Федеративной Советской Республики со всей революционной энергией они приступили к мирному социалистическому строительству.

Ревкомы Закавказья, используя опыт строительства в Советской России, учитывали уровень экономического развития закавказских республик, их особенности и соотношение классовых сил. Они руководствовались письмом В. И. Ленина от 14 апреля 1921 г. «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Армении, Дагестана, Грузии, Горской республики», в котором он подчеркнул особенности советского строительства в Закавказье. В. И. Ленин обращал особое внимание на то, «...чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»¹.

Несмотря на трудности, связанные с гражданской войной и иностранной интервенцией, правительство РСФСР во главе с В. И. Лениным систематически помогало национальным советским республикам, и в частности республикам Закавказья, в восстановлении народного хозяйства и культурном строительстве.

Г. К. Орджоникидзе особо отмечал значение этой помощи: «...существованием Советской власти, своим освобождением трудящиеся мас-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198.

сы Грузии, Армении, Азербайджана целиком обязаны России. Не будь Советской России — не было бы Советского Азербайджана, Советской Грузии, Советской Армении, и по сегодняшний день они находились бы под пятой английского империализма»².

С первых же дней своего существования республики Советского Закавказья стремились к союзу и дружбе друг с другом и с братскими народами Советской России. Важное значение в развитии и укреплении этой дружбы и сотрудничества имело культурное развитие.

Социализм действительно «...создал условия для расцвета и взаимного обогащения национальных культур. Сохраняя и развивая свои лучшие национальные особенности и традиции, преодолевая устаревшие формы, каждая национальная культура творчески использует достижения культуры других наций»³.

Важнейшее значение в этом отношении имело правильное разрешение национального вопроса. Если царское правительство старалось посеять вражду между народами Закавказья, большевистская власть ставила одной из первоочередных и основных задач установление мира и дружбы между народами. Претворялись в жизнь идеи В. И. Ленина о создании в закавказских республиках образца национального мира, невиданного при буржуазном строе.

Всестороннее сотрудничество народов Закавказья представляет собой одну из качественно новых сторон, определяющих развитие и расцвет национальных культур, стимулирующих их подъем и выявляющих их своеобразие в условиях социалистического общества и особенно в настоящее время, когда идет интенсивный двуединый процесс: с одной стороны — дальнейший расцвет национальных культур, с другой — формирование единой советской культуры.

Культурные связи народов Закавказья глубокими корнями уходят в прошлое. Они определялись общностью их исторических судеб. Источники творческих взаимосвязей народов Закавказья в прошлом коренились и в длительной общей борьбе этих народов за освобождение от гнета царизма и эксплуататорских классов.

Прогрессивные деятели, такие, как И. Чавчавадзе, А. Церетели, М. Ф. Ахундов, Г. Меликов (Зардаби), Х. Абовян и др. выступали против реакционного национализма и национальной ограниченности. А. Н. Толстой писал: «В годы, когда царские чиновники натравливали друг на друга народы Закавказья, Церетели читал и переводил азербайджанского драматурга и писателя Мирза Фатали Ахундова, дружил с Ованесом Туманяном и Ваганом Терьяном, а к лучшему своему другу, армянскому писателю Габриэлю Сундукяну обращался с такими словами:

«Ты армянин, а я — грузин,
Но оба брата мы родные,
И край родной у нас один —
Кавказа выси ледяные»⁴.

Большое значение в развитии и расширении культурных взаимосвязей народов Закавказья имела идеологическая работа Коммунистической партии, пропаганда марксистско-ленинского учения. Постепенно ширились и укреплялись культурные связи между народами. Для культурного сближения народов Закавказья исключительное значение имело их участие в социалистическом строительстве. Эта сторона вопроса требует специального исследования.

² Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи (1910—1926), М., 1956, стр. 261.

³ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», тезисы ЦК КПСС, М., 1967, стр. 38—39.

⁴ А. Толстой. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 426—430.

С первых же шагов культурной революции Коммунистическая партия воспитывала советский народ, в том числе народы Закавказья, в духе пролетарского интернационализма, усматривая в этом одно из важнейших условий их дальнейшего развития.

В ходе культурной революции большая роль в организации народного образования, упрочении культурного сотрудничества народов принадлежала образованным после утверждения Советской власти органам народного образования и Народному Комиссариату по делам национальностей.

Многочисленные факты свидетельствуют о тесном сотрудничестве Наркомпросов братских республик Закавказья, налаживавшемся с первых лет существования Советской власти. Важную роль в объединении усилий Наркомпросов Грузии, Армении и Азербайджана играли проводившиеся в Закавказье совещания и конференции Наркомпросов. Например, в мае 1926 г. проходило Закавказское совещание Наркомпросов⁵, на котором обсуждались вопросы о рабфаках, о профессионально-техническом образовании, об учебниках и т. д. В резолюции об укомплектовании вузов преподавателями указывалось, что в пределах возможного допускается обслуживание одним и тем же преподавателем вузов нескольких республик. Более того, было признано необходимым «обязать республиканские издательства взаимно снабжать Наркомпросы учебниками и с этой целью делать взаимные заявки на необходимое количество учебников»⁶.

Координации работы руководящих органов народного просвещения закавказских республик способствовали также различные съезды, конференции, совещания в Москве.

Большое значение придавалось изучению в школах русского языка как средства приобщения к русской культуре. Хорошо понимая это, М. Орахелашвили в 1923 г. писала, что русский язык нужен как средство непосредственного и тесного сближения народов закавказских республик в целях их хозяйственного и культурного развития для укрепления Закавказской Федерации⁷.

Коммунистические организации закавказских советских республик проводили единую линию Коммунистической партии во всех областях народного хозяйства и культуры, в частности в области народного образования. В мобилизации усилий народов Закавказья на организацию народного образования, в укреплении культурного сотрудничества народов Закавказья руководящую и направляющую роль играл Заккрайком ВКП(б). Под его руководством и при его непосредственном участии решались все важнейшие задачи по народному образованию, проводились общие мероприятия в этом направлении, созывались объединенные совещания. Например, в январе 1924 г. в ЗКК ВКП(б) состоялось партийное совещание по вопросам народного образования ЗСФСР, на котором обсуждались проблемы начального обучения в системе народного образования и национальной политики в школе⁸.

В мае 1931 г. по инициативе Заккрайкома ВКП(б) был организован диспут, основной целью которого был обмен опытом между педагогами Тбилиси и Баку по вопросам политехнизации школы. В эти годы распространение получила и такая форма культурного сотрудничества, как агитпоходы. Например, 6 июля 1931 г. был организован первый Закавказский агитпоход по ЗСФСР. Путь колонн агитпохода проходил от Тбилиси до Баку, через Ереван и Нахичеванскую АССР⁹.

⁵ Партийный архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ПАГФИМЛ), ф. 13, оп. 1, ч. III, д. 1739, л. 9—27.

⁶ Там же, л. 10, 95.

⁷ «Заря Востока», 11.XI.1923 г.

⁸ ПАГФИМЛ, ф. 13, оп. 1, ч. III, д. 2760, л. 41, 243.

⁹ «Заря Востока», 28.VII.1931 г.

Большую помощь братским народам Закавказья в области народного образования оказывал русский народ. В учебных заведениях РСФСР подготавливались кадры советской интеллигенции не только русской, но и других национальностей страны и среди них посланцы Закавказья.

Несмотря на то, что в Грузии, Армении и Азербайджане существовали высшие учебные заведения, полностью обеспечить кадрами свои республики местные вузы не могли. Поэтому в первые годы Советской власти большое внимание уделялось подготовке национальных кадров в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других крупных центров. Прием студентов в вузы РСФСР из национальных республик происходил по разверсткам¹⁰, в которых определялось количество мест для тех, кого направляли национальные республики.

Например, Постоянное представительство ЗСФСР в Москве обратилось 1 июня 1927 г. к Наркомпросам Грузии, Армении и Азербайджана с просьбой командировать своих абитуриентов в украинские вузы, а также в Вологодский молочнохозяйственный институт¹¹. По разверстке от 16 июня 1927 г. закавказские республики получили, например, 75 мест в различных техникумах РСФСР.

Большую роль во взаимном культурном обогащении и укреплении культурного сотрудничества народов Закавказья играли землячества закавказских студентов в Москве и Ленинграде.

Закавказские землячества заботились об улучшении материального и бытового положения своих членов, помогали им во всестороннем изучении Закавказья, а также проводили мероприятия по их идеологическому воспитанию.

Таким образом, среди закавказского студенчества в РСФСР велась серьезная работа, охватывавшая все стороны их учебной жизни и быта. Деятельность Закавказского землячества и, что самое главное, совместная учеба студентов из Закавказья в учебных заведениях России способствовала развитию и укреплению культурных взаимосвязей как между грузинским, азербайджанским и армянским народами, так и другими народами нашей страны.

Закавказские землячества существовали также в Краснодаре, где организация вела активную культурно-просветительную работу в интернациональном клубе «Нацмен». Существовало также Воронежское закавказское студенческое землячество¹².

Важную роль в культурном сближении народов СССР, а также представителей республик Закавказья сыграли и такие учреждения, готовившие кадры высшей квалификации, как Институт красной профессуры и Коммунистическая академия¹³. Многие их слушатели стали впоследствии видными руководящими работниками, общественными деятелями, учеными. Значительная роль в упрочении дружбы между народами Закавказья принадлежала и Закавказскому коммунистическому университету, открытие которого в ноябре 1923 г. явилось большим событием в культурной жизни Закавказья. В 1932 г. он был реорганизован в Закавказскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу¹⁴.

Таким образом, организованная партией и Советским правительством совместная учеба представителей национальностей советских республик и в их числе представителей Закавказья как в закавказских высших и средних учебных заведениях, на различных курсах и рабфа-

¹⁰ И. Н. Гальчук, Культурное сотрудничество народов в первое пятилетие Советской власти, см. «Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве», М., 1971, стр. 32—54.

¹¹ ПАГФИМЛ, ф. 13, оп. 1, ч. II, д. 2887, л. 22.

¹² Там же, ч. III, д. 2732, л. 197—197 об.

¹³ Там же, ч. II, д. 2742, л. 16.

¹⁴ Там же, д. 1711, л. 1—2, 16 об.

ках, так и в учебных заведениях РСФСР имела большое значение для развития и упрочения культурных взаимосвязей народов Закавказья и их связей с другими народами СССР.

В результате значительного укрепления высших учебных заведений в союзных республиках широкое распространение приобрела такая форма сотрудничества как организованный взаимный обмен абитуриентами между вузами.

Развившиеся в первые годы культурного строительства такие формы содружества советских народов, как подготовка определенного числа специалистов из национальных республик в центральных вузах страны, действуют и сейчас.

Большое количество представителей братских республик учится в таких ведущих высших учебных заведениях страны, как Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Энергетический институт, Институт инженеров железнодорожного транспорта, Высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, Химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, Ленинградский инженерно-экономический институт, медицинские институты Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Ташкента и других городов. Благодаря помощи центральных вузов страны значительно улучшилась подготовка кадров в национальных республиках.

Что касается сотрудничества ученых трех закавказских республик, то до начала 30-х годов в этом направлении делались только первые шаги.

В 1929 г. отмечалось, что «опытно-исследовательское дело в закавказских республиках не получило еще планомерного развития»¹⁵. Кроме того, во многих областях науки еще сильно было влияние носителей старой буржуазной идеологии. Советских кадров научной интеллигенции было мало.

В этот период назрел вопрос о необходимости координации научно-исследовательской работы республик Закавказья, объединения усилий ученых этих республик¹⁶.

Широкое творческое сотрудничество ученых Грузии, Армении и Азербайджана началось и стало развиваться после того, как Коммунистическая партия и Советское государство поставили перед учеными и инженерами новые, ответственные задачи, связанные с выполнением пятилетних планов развития народного хозяйства. Ученым уже нельзя было ограничиться замкнутой кабинетной работой. Срочное выполнение задач, поставленных Коммунистической партией и государством перед наукой, потребовало всемерного развития планового начала.

Для обеспечения развития планомерной научно-исследовательской работы, соответствующей требованиям и хозяйственного и культурного строительства ЗСФСР, с 1929 г. начала расти сеть научно-исследовательских учреждений общезакавказского значения. В отличие от прошлого периода стала практиковаться коллективная работа ученых. Эти формы работы способствовали углублению творческого сотрудничества ученых республик Закавказья.

* * *

В условиях развитого социалистического общества еще более усилилось сближение и взаимное обогащение культур народов Закавказья и их интернациональные связи с другими братскими народами СССР. Ученые закавказских республик имеют неограниченные возможности для теснейшего общения и обмена творческим опытом. Одной из

¹⁵ ПАГФИМЛ, ф. 13, оп. 1, ч. III, д. 2784, л. 219.

¹⁶ Там же, л. 347—348 об.

форм совместной работы являются объединенные научные сессии и симпозиумы ученых Грузии, Армении и Азербайджана. Ученые Закавказья участвуют во всесоюзных и международных симпозиумах, в создании коллективных научных трудов, и т. д.

Например, важным событием в культурной жизни Закавказья явилась созданная Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (при Отделении истории АН СССР) и Институтом истории АН СССР в январе 1971 г. в Москве научная сессия, посвященная 50-летию победы Советской власти в республиках Закавказья. В ней приняли участие ученые Баку, Москвы, Еревана, Тбилиси и других городов.

В апреле 1972 г. в Тбилиси была проведена объединенная научная сессия институтов истории партии при ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии — филиалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященная борьбе за Советскую власть в Закавказье. В координировании научных проблем значительную роль играют годовые общие собрания Академии наук СССР, подытоживающие важнейшие достижения в различных областях науки, в которых участвуют представители академий союзных республик. Аналогичную роль играют регулярно созываемые Отделением исторических наук АН СССР, Институтами археологии и этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР сессии, посвященные итогам полевых археологических и этнографических исследований.

Постоянное общение, взаимопомощь и объединение творческих усилий в области науки характеризуют работу академий наук Азербайджана, Армении и Грузии. В тесном контакте они успешно разрабатывают сложные научные проблемы, касающиеся хозяйственного и культурного строительства Закавказских республик.

Одним из многочисленных примеров совместной разработки учеными Закавказья актуальных научных проблем является творческое сотрудничество энергетических институтов академий наук Грузии, Армении и Азербайджана. Весьма полезными оказались совместные усилия академий наук и высших учебных заведений Закавказья в области сельского хозяйства, биологии и медицины. При президиумах Академий наук Закавказья существуют Советы по координации научной деятельности.

Большая совместная работа проведена и проводится историками, археологами и этнографами, географами, геологами и строителями, химиками и математиками. Историками Закавказья создана фундаментальная монография «Победа Советской власти в Закавказье» (1971), написан ряд работ об экономическом и культурном сотрудничестве народов Закавказья, о литературных связях. Институт истории грузинской литературы выпускает специальные сборники «Литературные взаимосвязи», в которых большое место отведено освещению литературных контактов народов Закавказья. Результатом многолетнего сотрудничества в научно-исследовательской работе явилась обширная работа «Народы Закавказья», в которой подытожены исследования по этнографии Грузии, Азербайджана и Армении. Одним из проявлений общности научных интересов является практика длительных научных творческих командировок молодых специалистов из одной республики в другую, прикомандирование молодежи для прохождения аспирантуры. Нередко ученые одной республики руководят аспирантами, выступают оппонентами при защите диссертаций в институтах другой республики.

Сотрудничество ученых Закавказских республик, их совместные поиски, эксперименты, общие творческие усилия, направленные на решение и разработку важнейших научных проблем, помогают развивать науку и, несомненно, приносят большую пользу.

Сейчас дружба и братство закавказских народов крепки и нерушимы как никогда, и ученые Закавказья со своей стороны укрепляют эту дружбу, используя науку как один из мощных рычагов коммунистического строительства.

* * *

Одной из форм творческих взаимосвязей, одним из могучих средств взаимного обогащения культур народов Закавказья являются взаимные переводы литературных произведений. Основоположник социалистического реализма М. Горький придавал большое значение переводам. «Идеально было бы,—писал Горький,—если бы каждое произведение каждой национальности, входящей в Союз, переводилось бы на языки всех других национальностей Союза»¹⁷. Для многих видных поэтов Закавказья переводы стали важной частью их творческой деятельности.

«Когда в середине тридцатых годов, после первого съезда писателей, прежде всего, поэты взялись за перевод литератур народов СССР,—это было движение повсеместное, массовое»¹⁸. Грузинские, армянские и азербайджанские советские писатели продолжают и развивают эти замечательные традиции.

Основой, на которой смогли развиваться творческие связи между литературами братских народов Закавказья, послужила сама новая социалистическая действительность, победа новой идеологии, новое общественное сознание, идеи интернационализма.

С каждым годом неуклонно возрастает количество переводов на грузинский язык с азербайджанского и армянского. Грузинский читатель получил возможность читать на своем родном языке произведения Низами Гянджеви, М. Ф. Ахундова, О. Туманяна, Г. Сундукяна, А. Исаакяна и др. Широкой популярностью среди армянских и азербайджанских читателей пользуются произведения Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела, Т. Табидзе, И. Гришашвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, Ир. Абашидзе, Г. Абашидзе, И. Нонешвили и др.

Неутомимую деятельность по упрочению дружбы и братства азербайджанского, армянского и грузинского народов вел в продолжение долгих лет поэт И. Гришашвили, близкий друг армянского поэта О. Туманяна. В результате большой творческой работы, проделанной И. Гришашвили, грузинская литература обогатилась замечательными переводами армянских и азербайджанских литературных произведений. У И. Гришашвили имеются не только прекрасные переводы, но и замечательные циклы стихов, посвященные Армении и Азербайджану. Тема дружбы народов Закавказья — одна из главных и для народного поэта Грузии Г. Леонидзе, поэтов Т. Табидзе, С. Чиковани, И. Абашидзе, И. Нонешвили, Х. Берулава и многих других. Дружба народов Закавказья нашла выражение в творчестве А. Исаакяна, А. Акопяна и др. в Армении, С. Вургун, С. Рустама в Азербайджане. Полнокровно вошла в грузинскую, армянскую и азербайджанскую литературу тема любви к братским народам и тесного сотрудничества с ними, тема труда братских народов.

Традицией всей общественно-культурной жизни Закавказья, важным моментом в дальнейшем сближении и обогащении национальных культур его народов стало участие общественности в проведении юбилеев писателей, деятелей науки и искусства. Народы Закавказья отметили в 1937 г. 100-летие со дня рождения великого грузинского писателя И. Чавчавадзе, в 1947 г. — 800-летие со дня рождения великого азербайджанского писателя Низами, в 1963 г. — 250-летие со дня рождения

¹⁷ «Правда», 17.XII.1934 г.

¹⁸ П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский, Художественные переводы народов СССР, «Дружба народов», 1955, № 2.

великого армянского поэта Саят-Нова, в 1966 г.—800-летие бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, в 1971 г.—100-летие великого грузинского композитора З. П. Палиашвили, а в 1972 г.—100-летие со дня рождения классика армянской музыки А. Спендиарова.

Благотворно сказывается на развитии культуры, на дальнейшем упрочении дружбы народов Закавказья объединение творческих усилий и в области искусства.

Гастрольные поездки театров, постановки на их сценах пьес классиков литературы народов Закавказья имеют большое значение для взаимобогащения искусств этих республик. Такие поездки положительно влияют на расширение тематики театров, на повышение художественного мастерства актерских коллективов.

Например, в апреле 1972 г. Тбилисский и Ереванский оперные театры организовали обменные гастроли ряда лучших исполнителей, мастеров оперного и балетного искусства.

Большую роль в укреплении творческого содружества в области искусства играют как концерты коллективов братских республик, так и выступления отдельных исполнителей, концерты, устраиваемые объединенными силами артистов Армении, Азербайджана и Грузии, ставшие традицией.

В последние годы особенно укрепились и расширились творческие контакты между композиторами, отдельными исполнителями, музыкальными учреждениями и учебными заведениями советских республик. Большим вкладом в дело сближения и взаимного обогащения музыкальных культур братских народов Закавказья является проведение конкурсов исполнителей, творческие встречи учащихся музыкальных учебных заведений, обменные концерты музыкантов-исполнителей. Начало проведению конкурсов было положено в Баку, где в январе 1960 г. состоялся первый Закавказский конкурс музыкантов-исполнителей.

Для развития культурных взаимосвязей большое значение имеют смотры творческих достижений театрального и музыкального искусства народов Закавказья. Регулярно проводятся фестивали кинофильмов производства национальных киностудий.

Давние творческие контакты связывают художников братских республик Закавказья. В Армении и Азербайджане не раз устраивались персональные и групповые выставки работ грузинских художников. В Грузии в свою очередь знакомились с произведениями художников Армении и Азербайджана. Такие выставки вызывают большой интерес у общественности. Художники Закавказья не только отражают на полотнах жизнь и историю своего народа, его трудовые подвиги, но и постоянно обогащают изобразительное искусство произведениями, посвященными теме дружбы советских народов Закавказья.

Крупным событием в культурной жизни страны явилась выставка достижений многонационального советского изобразительного искусства, посвященная 50-летию образования СССР, открывшаяся в сентябре 1971 г. в Центральном выставочном зале Москвы.

Первыми 24 ноября были выставлены произведения художников Грузии, Азербайджана и Армении. Выставка стала знаменательным событием в истории изобразительного искусства республик Закавказья, она еще раз подчеркнула торжество ленинской национальной политики. Аналогичная выставка была открыта и в Ленинграде в январе 1972 г.

Традицией стало проведение в Закавказье так называемых «малых декад», во время которых деятели искусств братских республик Закавказья показывают свои достижения.

Одним из мощных средств взаимного обогащения культур народов Закавказья является печать, имеющая здесь славные революционные

традиции. Советская печать Армении, Грузии и Азербайджана широко и всесторонне освещает культурные достижения своих республик, делая их тем самым достоянием всех народов СССР. Это играет значительную роль в подъеме культурного и идейно-политического уровня трудящихся республик Закавказья.

Замечательным начинанием следует признать выпуск объединенных номеров, подготовленных редакциями газет трех республик Закавказья.

В период развитого социалистического общества обмен научными и культурными ценностями между советскими народами, и в их числе между народами Закавказья, ширится с каждым годом, ибо в условиях дальнейшего развития национальных культур и языков каждая нация имеет все возможности использовать и усваивать духовные богатства всех советских народов.

ON THE HISTORY OF CULTURAL LINKS BETWEEN THE PEOPLES OF TRANSCAUCASIA

The development and strengthening of cultural links between the peoples of Transcaucasia is part of a broad general process taking place in the country as a whole.

Nowhere does the exchange of material and cultural values take place with such intensity and on so large a scale as in the Soviet Union.

The fraternal co-operation between the peoples of Transcaucasia, based upon friendship and mutual comprehension, is an outstanding achievement of the wise Leninist national policy; it serves as a graphic example for the countries of the world socialist system, for many developing countries. The study of this experience in cultural co-operation enables us to show the role it plays in cultural construction, in strengthening fraternal links between different peoples.

The great achievements in the cultural development of Transcaucasian peoples have resulted in the opening up before them of new creative vistas. A still greater ideological rallying of all creative forces will be an earnest of further achievements of the peoples of the Transcaucasian republics. Close co-operation between the cultures of the fraternal Soviet republics secures the further development and mutual enrichment of the national cultures of Transcaucasia.

Н. С. Королева

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛАХ СССР

Развитию народных художественных промыслов в настоящее время уделяется большое внимание. Во всех союзных республиках проводится серьезная работа по расширению существующих и организации новых предприятий; увеличивается число работающих в промыслах мастеров, организуется выпуск новых видов художественных изделий. В результате появилось значительно больше узорных тканей, гладких и ворсовых ковров, керамики, ювелирных украшений и многих других традиционных для каждой республики видов изделий.

Основным стимулом активного развития художественных промыслов является повысившийся за последние годы интерес к их изделиям у нас в стране и за границей. Этот интерес объясняется прежде всего ростом материального благосостояния как городского, так и сельского населения, бурным развитием туризма, а главное — расширением сферы духовных потребностей современного человека. Повышенный спрос на подобные изделия определяется главным образом тем, что они противостоят массовой стандартной продукции промышленного производства. Они несут на себе отпечаток ярко выраженных национальных традиций.

В современных изделиях народных художественных промыслов наиболее полно и органично выражена национальная специфика, в них нашел отражение коллективный опыт мастерства, обусловивший их высокий художественный уровень. Мастерство резьбы и росписи по дереву, искусства узорного ткачества, вязания, вышивки передавались из поколения в поколение; они дошли до наших дней во всем многообразии художественных и технических приемов. Сохранилось чувство материала, ритма, цветовой гармонии.

Во всех союзных республиках народное искусство продолжает развиваться как в виде домашнего ремесла, так и в виде организованных промыслов.

Современные художественные промыслы представляют собой сложное и неоднородное явление. По характеру самих предприятий и стилистическим особенностям выполняемых изделий можно выделить несколько уже сложившихся самостоятельных направлений. В данной статье основное внимание будет сосредоточено на промыслах, которые с полным основанием мы можем называть «традиционными», т. е. развивающимися на основе непосредственной преемственности традиций местного народного искусства. В РСФСР к подобным промыслам можно отнести такие крупные центры художественного производства, как богородскую резьбу по дереву, хохломскую роспись, ручное кружевоплетение, балхарскую керамику, ковроткачество и ювелирное искусство Дагестана и многие другие¹.

¹ «Русские художественные промыслы», М., 1966; Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, Художественные промыслы Дагестана, М., 1959; Д. А. Чирков, Декоративное искусство Дагестана, М., 1971.

Богаты традиционными промыслами и другие союзные республики. На Украине это — косовская и опошнянская керамика, решетиловские ковры, гуцульская деревянная резьба². В Белоруссии — плетеные изделия из лозы и соломки, узорные ткани и др. В республиках Закавказья наиболее традиционными промыслами являются художественная обработка металла, ворсовое ковроткачество, гончарство; в Молдавии — паласное ковроткачество. В республиках Средней Азии и Казахстана — национальная вышивка, кошмовалание, гончарство, узорное вязание, паласное ткачество, изготовление туркменских ворсовых ковров и многие другие.

В прибалтийских республиках традиционная группа современных художественных промыслов особенно разнообразна. Здесь получило развитие ювелирное и гончарное производство, резьба по дереву, разнообразные виды узорного ткачества, вышивка, вязание. Многие мастера, работающие в промыслах, — потомственные ткачи, резчики по дереву, ювелиры, гончары, костерезы — восприняли ремесленное мастерство с раннего детства.

Традиционные художественные промыслы можно считать одной из современных форм народного искусства, поскольку в них продолжают развиваться местные национальные традиции. Так, одной из основных особенностей народного искусства прошлого, получившей продолжение в промыслах нашего времени, является сочетание утилитарных и эстетических функций создаваемых произведений. На всех этапах своего развития народное искусство было тесно связано с окружающей его бытовой средой. В условиях натурального хозяйства все нужное для жизни, начиная от самого жилища и кончая мелкой бытовой утварью, приходилось делать своими руками. Поэтому так разнообразен круг предметов ручного производства, входивших в убранство жилища и оформление одежды. Вместе с тем из рук мастеров выходили не только удобные в быту, но и красивые вещи — при изготовлении предметов быта и одежды учитывались и материальные, и духовные потребности³. Жизненная основа народного искусства, то, что оно было всегда обращено к человеку, к его повседневной жизни, сделали его понятным всем слоям населения.

Изделиям современных художественных промыслов также свойственны и функциональность, и декоративность, однако соотношение этих качеств существенно изменилось, поскольку для утилитарных целей применяется сейчас в основном продукция промышленного производства. Фабричные ткани, металлическая и фарфоровая посуда прочно укрепились в быту населения даже самых отдаленных районов нашей страны, а изделия художественных промыслов чаще используются как декоративные и сувенирно-подарочные. При этом особую ценность представляют те из них, которые выполнены вручную из естественных материалов.

Другим, не менее важным, признаком народного искусства прошлого и современных художественных промыслов является взаимопроникновение творческого и исполнительского труда. Народные мастера никогда не занимались мертвым копированием по готовому образцу; несмотря на стойкость древних традиционных форм в самых различных видах искусства, заметно творческое отношение к выполняемой вещи. Отсюда — множественность выражения одних и тех же тем и сюжетов, богатство вариантов в решении однотипных изделий. Ни в деревянной резной посуде, ни в тканых узорных полотенцах мы не встретим двух абсолютно одинаковых решений. Даже при повторении определенного

² «Украинское народное искусство „Ткани и вышивка“», Киев, 1960; «Украинское декоративно-прикладное искусство», Львов, 1969.

³ Т. М. Р а з и н а, Русское народное творчество, М., 1971.

типа узора или объемной формы мастера каждый раз вносили свои оттенки и штрихи, отличающие вновь созданную вещь от предыдущей.

В результате применения ручного труда изделия народных мастеров приобретают черты одухотворенности, человечности; они несут большую эмоциональную нагрузку.

В основе хохломской росписи по дереву лежит свободная кистевая роспись, которая сама по себе предусматривает творческий исполнительский труд⁴. Применяя эту роспись, мастера никогда не делают точную копию с образца, они выполняют его каждый раз по-новому. Творческий исполнительский труд лежит и в основе современного ковроткачества Украины. При сопоставлении нескольких решетиловских ковров, выполненных по одному и тому же рисунку, мы увидим в них резко выраженную вариантность. Сохраняя общий характер рисунка, мастерица каждый раз по-новому заполняет фон, обновляет цветовое решение, изменяет разработку орнаментальных мотивов.

Интересные примеры творческого исполнения изделий можно наблюдать в Эстонии в работе мастеров объединения «УКУ», в Таджикистане, Узбекистане и других республиках. Однако нельзя не отметить, что далеко не во всех современных промыслах исполнительский труд является творческим. На многих предприятиях большое место занимает копирование образца — эталона — не только с помощью машины, но и вручную. Этот принцип работы характерен, например, для многих строчевышивальных предприятий Российской Федерации, Белоруссии и других республик. Такая практика противоречит природе народного искусства. Работая механически, мастер утрачивает живую заинтересованность в своем произведении и теряет возможность реализовать свои творческие наклонности. Продукция промысла начинает при этом приобретать налет трафарета и безликости.

В этом отношении особенно неблагоприятно введение разделения труда на основных операциях, когда мастер уже не выступает как создатель целой вещи, а механически повторяет один и тот же элемент орнамента. По такому принципу, например, выполняются теперь на тамбурных машинах национальные узбекские сюзаны. С целью экономии времени вышивальщица заполняет орнаментальные мотивы лишь одного какого-либо цвета, а затем передает вещь другим мастерам. На предприятиях, где введено пооперационное разделение труда, уже в самой организации исполнительской работы предусмотрено точное повторение выполняемого изделия. Малейшие отклонения и в колорите, и в очертаниях отдельных элементов орнамента приводят к искажению заданного образца, вносят пестроту и дробность в цветовое решение.

Важной особенностью народного искусства является наличие уникального для каждого промысла профессионального мастерства. В вышивке, резьбе и росписи по дереву, узорном ткачестве насчитывается множество своеобразных для каждого района технических приемов, которые складывались на протяжении многих веков. Длительная работа с естественными природными материалами обусловила виртуозность исполнительского мастерства, что, несомненно, сказалось на совершенстве форм и выразительности образов создаваемых произведений.

Овладение традиционными ремесленными навыками — очень важная задача современных промыслов, поскольку применение особых для каждого промысла технических приемов в основном и определяет стилистическое своеобразие продукции⁵. В практической работе современных промыслов можно наблюдать разные подходы к решению этой проблемы. Во многих промыслах технические приемы повторяются без

⁴ Н. М. Василенко, Искусство Хохломы, М., 1959; В. М. Вишневская, Хохлома, Л., 1969.

⁵ В. М. Василенко, Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв., М., 1960.

Рис. 1. Халима Бабокулова, мастерица Шахрезабской фабрики художественных изделий, вышивает тибетейку «Саном», Узбекская ССР, 1972 г.

каких-либо изменений. Так, например, кружевницы Вологодской и Елецкой областей ручное коклюшечное кружево выполняют так же, как это делалось 50—100 и более лет назад. Точное воспроизведение старинных технических приемов лежит в основе всей деятельности объединения «УКУ» Эстонской ССР; старым традиционным способом выполняются вышитые изделия Узбекистана (рис. 1), паласные ковры в Таджикистане, бухарская золотошвейная вышивка (рис. 2), балхарская керамика (рис. 3), кубачинское чернение по серебру (рис. 4), богородская резьба по дереву.

Однако сохранение старинных технических приемов не является самоцелью. Опыт многих поколений свидетельствует о непрерывном усовершенствовании и рационализации, которую вносили народные мастера в свой труд, сохраняя наиболее выверенные приемы, наиболее

оправданные способы обработки материалов, но используя новые инструменты, красители и т. п. Стремления творческих коллективов современных мастеров направлены на сохранение старинных приемов путем их модернизации, разумного сочетания творческого исполнительского труда с частичной механизацией на подготовительных и отделочных операциях. Эта работа очень важна, поскольку многие интересные технические приемы не применяются в промыслах в силу их очень большой трудоемкости. Так, в художественном ткачестве РСФСР за последние годы применялась лишь самая простая ремизная техника⁶. Сейчас специалистами Научно-исследовательского института художественной промышленности разработаны новые рациональные приемы выполнения таких видов старинного узорного ткачества, как браное и выборное. При этом используется обычный ремизный станок, к которому рекомендуется лишь иная заправка и особая система подъема нитей. Новый, более быстрый способ выполнения не нарушает традиционной технологии этих видов ткачества⁷.

Интересная работа по совершенствованию технологии производства проведена в ткацких и ковровых промыслах Украины, Литвы и Латвии. Так, например, выполнение паласных ковров с геометрическим орнаментом на Решетиловской фабрике, в Косовском объединении «Гуцульщина» и других предприятиях Украинской ССР почти полностью переведено на механические станки циклического действия. Работа на новых станках, мастерица не затрачивает физических усилий на прокидку одноцветного утка, прибавку ботана и выполнение других вспомогательных процессов. Все эти процессы механизированы. Ценно то, что новый способ изготовления паласных ковров не нарушил специфику традиционного ткачества, так как основная операция — проборка нитей при образовании узора — выполняется вручную. Практический опыт Украины

⁶ Н. С. Королева, Л. А. Кожевникова, Современное узорное ткачество, М., 1970.

⁷ «Материалы экспериментально-творческой работы по возрождению браного и выборного ткачества», хранятся в научной библиотеке Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности в Москве (далее НИИХП).

Рис. 2. Современные золотошвейные тюбетейки Бухарской фабрики «40 лет Октября», Узбекская ССР, 1971 г.

показывает, что за счет механизации непроизводительного труда в узорном ткачестве и ковроткачестве появляется возможность в самых различных вариантах выполнять сложные и разнообразные рисунки, а главное — создаются благоприятные условия для проявления творческих способностей мастеров.

Гордость современных промыслов Таджикистана составляют предприятия, вырабатывающие традиционные атласные абровые ткани. Несмотря на то, что эти предприятия по существу являются фабриками, в них сохранена характерная народная технология. Многие трудоемкие процессы механизированы, но основной процесс — подготовка основы, перевязка и крашение ее выполняются вручную. Эту сложную и кропотливую работу делают опытные потомственные абрбанщики, которые в совершенстве владеют традиционным мастерством. Используя эффект тонкого перехода одного цвета в другой, они добиваются большого разнообразия и в рисунке, и в красочном решении тканей. Из приведенного примера видно, что введение машин на сложных вспомогательных процессах также не мешает мастерам-исполнителям проявлять свои творческие способности.

Проблема механизации в народных художественных промыслах важна и ответственна, поскольку очень часто в погоне за экономическим эффектом с введением механического оборудования теряется существо самого промысла. Вряд ли следует считать целесообразной замену вышивки на чустских узбекских тюбетейках фотопечатью или перевод ручной национальной вышивки на полуавтоматы «Текстима». При такой механизации утрачивается основное специфическое качество этих традиционных видов изделий — подлинность.

Не совсем правильная, с нашей точки зрения, наметилась тенденция на некоторых керамических предприятиях художественных промыслов, где с целью повышения производительности труда ручная формовка изделий все больше и больше заменяется литьем, а при выполнении росписи вводятся штампы.

Развитие национальных традиций — живой, исторический процесс. В художественных промыслах в соответствии с требованиями времени происходят постоянные изменения. При этом не только развиваются старые, исторически сложившиеся промыслы, но и возникают новые. На

Рис. 3. Современные гончарные изделия селения Балхар, Дагестанская

основе традиций древнерусской живописи родилась и получила интересное развитие миниатюрная живопись Палеха, Мстеры, Холуя⁸. Традиции русских живописных эмалей продолжают мастера фабрики «Ростовская финифть».

Новые художественные промыслы возникают в тесной связи с современными запросами. Так, в Казахстане, несмотря на то, что там в прошлом не было своей традиционной керамики, в 20-х годах было организовано крупное керамическое предприятие, в Грузии — освоено ворсовое ковроткачество и т. д. В этих промыслах мы не наблюдаем живой преемственности местного традиционного искусства, но в художественном решении современных изделий здесь придерживаются традиционных основ, используют типичную для старинного народного искусства данной местности орнаментацию, колорит и общее художественно-образное решение вещей. Отношение к традиционному искусству здесь творческое, в результате чего возникает новое направление, принципиально отличающееся от его исторических истоков.

В современных художественных промыслах возросла роль художника-профессионала. Причем задача и деятельность этих художников совершенно иная, чем, например, на предприятиях художественной промышленности. Если на фарфоровом заводе художник выступает как проектант нового образца, который затем передается в массовое производство для тиражирования, то в промыслах художник в большей степени — консультант, организатор творческой работы, нежели автор самостоятельных композиций.

В промыслах художник-профессионал работает в сложившихся для данного промысла традициях. В каждом новом предложении должны учитываться характерные для народного искусства той или иной местности художественные и технические приемы, особенности орнаментации, специфичность образного решения самой вещи. Но это вовсе не означает, что творческая работа художника в народных промыслах должна сводиться к повторению традиционных форм и сюжетов, напро-

⁸ М. А. Некрасова, Искусство Палеха, М., 1959; Б. И. Керомыслов, Мстера, М., 1970; Л. К. Розова, Искусство холуйской миниатюрной живописи, Л., 1970.

Рис. 4. Винный набор, автор — Расул Алеханов, чернение по серебру, позолота, селение Кубачи, Дагестанская АССР, 1966 г.

тив, предложения художника могут быть смелыми и новыми. При просмотре изделий, созданных художниками-профессионалами для промыслов, мы видим множество новых, оригинальных решений. Это говорит о том, что в промыслах коллективные основы творчества не противоречат проявлениям индивидуальности⁹. Можно привести много примеров, когда художник-профессионал, познав сущность того или иного промысла, способствует его активному развитию. Наиболее показательна в этом плане работа художников строчевышивальных промыслов Российской Федерации Е. И. Ефремовой — в Чувашии, М. Н. Гумилевской — в Тарусе¹⁰, В. Н. Носковой — во Мстере и многих других. Работая в коллективе мастеров, превосходно владеющих приемами традиционной вышивки, эти художники своими работами оказали влияние на развитие творчества мастеров-исполнителей, подняли промысел на более высокий уровень. Аналогичные явления типичны и для народного искусства прошлого. Различными приемами мастерства владели многие жители сельской местности, но среди них всегда выделялись особо одаренные и талантливые мастера, которые не только повторяли или вариировали типичные для той или иной местности традиционные изделия, но и более активно проявляли свои творческие способности. Такие мастера выступали с новыми предложениями, которые затем осваивались и становились нормой для других мастеров.

Активная творческая деятельность художников-профессионалов в традиционных промыслах хорошо видна на примере Гжельского фарфорового завода Московской области. Многие десятки лет здесь работала Н. И. Бессарабова, с ее помощью были возрождены типичные для старого гжельского промысла приемы кобальтовой росписи и разработан новый ассортимент фарфоровых изделий. Сейчас там работают две другие художницы — Л. П. Азарова и Н. Б. Квитницкая, у них иное, своеобразное отношение к наследию прошлого и к художественному решению современных изделий.

⁹ Т. М. Разина, Русское народное искусство и проблемы народного творчества, М., 1966.

¹⁰ И. П. Работнова, Маргарита Николаевна Гумилевская, М., 1959.

Рис. 5. Кружка для пива, резьба по дереву, работа мастеров объединения «УКУ», Эстонская ССР, 1971 г.

Национальных традиций придерживаются художники объединения «УКУ» в Эстонской ССР (рис. 5). Выполняемые ими изделия традиционны по орнаменту, колориту, техническим приемам исполнения. Но в этих изделиях учитывается их современное назначение, а поэтому созданная художниками вещь не является повтором старого, она представляет собой новое предложение, отвечающее требованиям современного человека.

Значительный опыт работы с традиционными промыслами имеют художники московского научно-исследовательского института художественной промышленности. Более 30 лет работает здесь художник А. А. Кораблева, которая за эти годы глубоко и всесторонне изучила традиционную сущность народного кружева Вологды и внесла в этот промысел много нового. Творчество А. А. Кораблевой проходило в тесном контакте с

вологодскими кружевницами. В созданных ею для вологодского кружевного промысла изделиях умело использовано традиционное мастерство, но вместе с тем в этих изделиях довольно отчетливо видно проявление индивидуальных творческих способностей художника. Анализируя старинные вологодские кружева, А. А. Кораблева увидела в них новые декоративные возможности, которые позволили ей создать серию крупных монументальных занавесей, панно и других изделий. Предложения художника были приняты в промысле как новый этап в развитии местных традиций¹¹.

Другой пример — работа художника Е. И. Воронцовой для городецкого промысла. Новые виды изделий, предложенных ею, также появились в результате тщательного изучения основ традиционного искусства.

В таком же плане работают для традиционных промыслов художники-профессионалы научно-исследовательских организаций союзных республик. Созданные в этих организациях новые виды изделий передаются предприятиям художественных промыслов как научно обоснованная методическая рекомендация направления работы для активизации деятельности местных творческих коллективов и не преследует цели их тиражирования.

Особенностью работы научно-исследовательских организаций является то, что ее выполняют специалисты разного профиля — художники, технологи, этнографы, искусствоведы и, что особенно важно, мастера самих промыслов. Например, изучая возможность возрождения северных кистевых росписей, специалисты НИИХП исследовали традиционные приемы росписи на прялках и берестяных изделиях, уточняли технологию самой росписи и отделки изделий, искали ассортимент современных утилитарно-декоративных изделий, а саму роспись выполняли мастера. Под руководством специалистов института было создано более 50 расписных изделий из дерева и 30 берестяных туесков¹².

¹¹ И. П. Работнова, Русское кружево, М., 1959.

¹² М. А. Некрасова, Возрождение северных кистевых росписей. Отчет, Научная библиотека НИИХП, 1971.

За последние годы во всех союзных республиках сделано много для возрождения народного искусства¹³. Художники-профессионалы собирают материалы по народному искусству, выявляют мастеров, владеющих различными традиционными приемами изготовления художественных изделий, выполняют практическую работу по возрождению забытых промыслов.

В тех случаях, когда на местах еще есть старые мастера, которые могут и создать ассортимент изделий, и обучить молодежь забытым видам мастерства, возрождение традиций осуществляется более органично. В связи с этим возникает необходимость детально исследовать локальные центры и определить наиболее ценные в художественном отношении традиционные виды искусства.

Ежегодно организуются экспедиции для выявления очагов народного искусства и создания на их базе предприятий художественных промыслов. Были обследованы различные районы в Российской Федерации: Бурятская АССР, Дагестанская, АССР, Коми АССР, Якутская АССР, Хабаровский край, Архангельская, Брянская, Вологодская, Воронежская, Читинская и многие другие области¹⁴.

В Якутской АССР до 1968 г. не было предприятий, выпускающих художественные изделия. Научная экспедиция НИИ художественной промышленности нашла в республике народных мастеров, в совершенстве владеющих такими видами художественного ремесла, как резьба по дереву, ювелирное искусство, меховая мозаика. При активном участии местных организаций было создано объединение «Сардаана». Оно выпускает очень интересные художественные изделия, близкие к тем, которые эти же мастера делают для своих нужд. Это резные чароны, меховая орнаментированная обувь, меховые рукавицы и многое другое.

На Украине художники экспериментальной лаборатории Главного управления Министерства местной промышленности организовали экспедиции в Волинскую, Днепропетровскую, Житомирскую, Львовскую, Одесскую, Черновицкую и другие области. В результате этой работы возрождены забытые художественные и технические приемы узорного ткачества, резьбы по дереву, паласного ковро ткачества, керамики. Для этого нужно было найти и привлечь к работе в промыслах народных мастеров.

Рис. 6. В. И. Гаврилюк, народный мастер по выполнению изделий из лозы, соломки, Брест, Белорусская ССР

¹³ Проблеме возрождения народного искусства в художественных промыслах союзных республик было посвящено специальное заседание искусствоведческо-творческой секции Координационного совета, которое состоялось в марте 1971 г. в Таллине. Материалы заседания находятся в научной библиотеке НИИХП.

¹⁴ Отчеты по экспедициям находятся в научной библиотеке НИИХП (Н-30, К-68, К-70, П-81 и др.).

Рис. 7. Тройка, автор В. И. Гаврилюк, плетение из соломки, Белорусская ССР, 1971 г.

В Белоруссии специалисты-художники изучали современное состояние народного искусства и художественных ремесел в Брестской, Могилевской, Гродненской и других областях. Теперь там налажено производство художественных изделий из соломки. Тканые изделия создают народные мастера, они повторяют и варьируют бытовавшие в данной местности скатерти, покрывала, полотенца. Такие мастера работают сейчас в девяти областях Белоруссии. В аналогичных условиях выполняются и изделия из соломки. В последнее время созданы бригады мастеров-надомников. Так, например, прославленная мастерица В. И. Гаврилюк из Бреста (рис. 6) не только сама выполняет превосходные изделия из соломки (рис. 7), но и объединила в бригаду 80 мастериц. Аналогичные бригады организовали потомственные мастера Е. Г. Артеменко в Могилеве, А. Д. Дегтяренко в Жлобине. В этих бригадах работают не только старые опытные мастера, но и молодежь.

Рис. 8. Современные гончарные изделия мастеров Унгенского р-на Молдавской ССР, 1971 г.

В Казахстане экспедиции обследовали Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Чимкентскую, Джамбульскую, Карагандинскую области и др. Работа экспедиций способствовала объединению мастеров-надомников, владеющих тем или иным видом национального художественного ремесла. Современные художественные промыслы Казахской ССР носят в основном промышленный характер, поэтому работа по возрождению различных видов традиционного искусства здесь особенно важна. Эта задача вполне реальная, поскольку в республике повсеместно сохранилось мастерство изготовления «алаша», «текиметов»,

«сырманов» и других национальных изделий¹⁵.

Объединение предприятий народных художественных промыслов «Солани» Грузинской ССР направило экспедицию для изучения и возрождения традиционных центров народного декоративного искусства в Ахметский, Душетский, Сигнахский, Телавский и другие районы. Участники экспедиций привлекали для работы в промыслах народных мастеров, владеющих искусством изготовления ковров и керамики. Сейчас уже налажен выпуск этих изделий, оказана консультативная по-

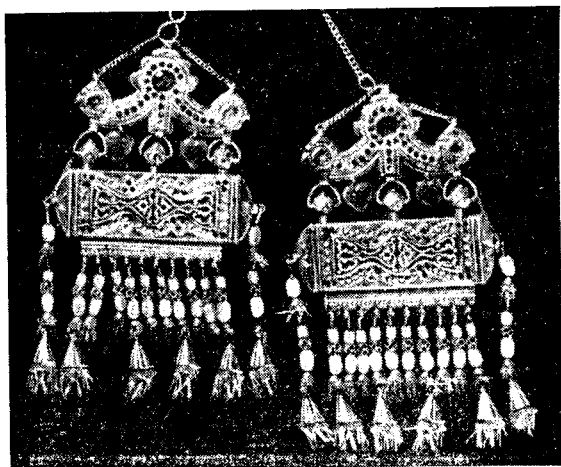

Рис. 9. Национальные украшения таджикской женщины, начало XX в.

мощь мастерам в определении современного ассортимента изделий.

В Азербайджане организовано производство медночеканных и вязаных изделий, в Молдавии — гончарство (рис. 8), в республиках Прибалтики — узорное ткачество, ювелирный промысел и др.

Активно развиваются традиционные художественные промыслы в Таджикистане. Здесь не только сохранились удивительные по красоте предметы одежды и жилого интерьера — сюзане, зардеволы, платки, халаты, тюбетейки, но и до наших дней дошло мастерство их изготовления. Еще живы люди, в совершенстве владеющие приемами обработки самых различных материалов. С давних пор в народном таджикском искусстве — вышивке, ювелирных украшениях, керамике, узорном ткачестве и вязании — прочно укрепились локальные различия, которые называются в орнаменте, художественных и технических приемах. Эти различия строго соблюдаются в работе современных мастеров.

В Таджикистане возрождена национальная вышивка, активно развивается традиционное паласное ткачество. Паласы и сегодня — необходимый предмет быта каждой семьи. Как и раньше, ими устилают полы комнат, открытых веранд и чайхан. Паласы выполняют женщины из района Ашт на так называемых «земляных ткацких станках», в объединении уже около 400 мастериц. Большие возможности имеются в Таджикской ССР по возрождению и развитию народной керамики и ювелирных украшений (рис. 9).

За последние годы в художественных промыслах получила распространение такая форма организации производства, как объединение мастеров, работающих на дому. К числу наиболее крупных таких объединений относятся: «УКУ» в Эстонии, «Дована» в Литве, «Дайльраде» в Латвии, «Диляром» и «Аштское» в Таджикистане, «Солани» в Грузии, «Тускииз» в Казахстане и многие другие. Число мастеров, работающих в этих объединениях, с каждым годом увеличивается: в 1969 г. их было около 20 тыс., в 1970 — около 30 тыс., к началу 1972 г. их число достигло 40 тыс. человек.

За последние годы сделано очень много для развития традиционных промыслов и все же даже такая активная деятельность по восстановлению художественных промыслов не может сразу дать желаемых результатов. Это процесс очень сложный, кропотливый, поскольку для

¹⁵ «Народное декоративно-прикладное искусство казахов», Л., 1970.

воспитания нового поколения мастеров нужно много времени. Главная задача состоит в том, чтобы создать условия, при которых народный мастер мог бы творчески относиться к своему делу. Невыполнение этого основного требования приводит к тому, что в ряде республик под видом художественных промыслов организуется производство однотипной малохудожественной продукции, внешне подражающей народному искусству. Таковы токарные фигурки, коробочки и вазочки из дерева с выжиганием и с сухой однообразной резьбой, которые в недалеком прошлом пользовались спросом у покупателей. В настоящее время интерес к ним полностью исчез.

Наблюдается не совсем правильное отношение к использованию наследия прошлого, когда от старого традиционного искусства берутся лишь отдельные элементы орнамента без должного изучения и проникновения в его существо. В качестве примера можно привести массовый выпуск так называемых «сувенирных» изделий. В подобного рода изделиях часто допускается стилизация, подделка под народное искусство, имитация ручных традиционных приемов машиной, вольная замена одних материалов другими.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, в развитии традиций национального искусства уже накоплен большой положительный опыт. В канун 50-летия образования СССР каждая республика может не только продемонстрировать своеобразные изделия народных художественных промыслов, но и высказать предложения по перспективам развития этой своеобразной отрасли художественного производства.

Во всех союзных республиках имеются большие потенциальные возможности для расширения выпуска художественных изделий на основе восстановления и развития местных национальных традиций. Очень важно, чтобы предприятия художественных промыслов стали действительно очагами развития народного искусства. Решить эту задачу можно, проделав большую предварительную работу по изучению традиций местного народного искусства.

THE DEVELOPMENT OF NATIONAL TRADITIONS IN MODERN ARTISTIC HANDICRAFTS IN THE USSR

Popular artistic crafts are at present being actively developed in all the Union Republics. The attention of artists working in crafts is focussed on studying the national cultural heritage; for this work they enlist craftsmen who are masters of various modes of processing materials.

The value of popular decorative art that has come down to us from the past lies primarily in its democratic character. It was always closely linked with the everyday life of the people.

An exceedingly important feature of popular art, one which lends artistic handicraft wares their local distinctive character, is the professional mastery over material processing unique for each craft (lace-making, nielloing on silver, brush-painting upon wood, pottery, and many others).

The development of traditions is an active historical process. In every branch of art there are definite kinds of articles catering for the everyday life of the people, for their aesthetic needs. Hence the flowering or the dying off of this or that handicraft. During the half-century that popular artistic crafts have been developing in the USSR many new traditions have been formed, new crafts have arisen (lacquered miniatures, articles fashioned from horn, plastics etc.).

Н. М. Гиренко

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЗАНЗИБАРЕ

Острова Занзибар и Пемба входят в состав Объединенной Республики Танзания. Общая площадь островов 2643 км^2 , площадь остальной части республики $939\,000 \text{ км}^2$. Плотность населения на островах — 142 чел. на 1 км^2 , на континенте — немногим более 12 чел. на 1 км^2 . Из 12 231 000 граждан Танзании на островах проживают лишь 354 360 чел.¹ Несмотря на такую разницу по многим показателям, острова под общим названием «Занзибар» являются политико-административной единицей такого же значения, как и вся континентальная часть страны.

Взаимоотношения двух частей Танзании — большая и сложная политическая тема, которой уделяется все больше внимания². Однако было бы неосторожно рассматривать их исключительно как взаимоотношения двух народов в пределах одного государственного объединения, или взаимоотношения двух частей одного народа, некогда насильственно на долгое время разделенного политическим барьером. Практически Танзания является своеобразным примером развития единого молодого государства, где можно выделить черты как того, так и другого процессов. На всех официальных документах, издающихся на островах, теперь, как правило, ставится штамп «Танзания/Занзибар», так как официально Занзибар как самостоятельная политическая единица уже не существует. По декрету 1964 г. обе стороны — Республика Танганьика и Народная Республика островов Занзибара и Пембы — согласились создать новое единое государство, получившее название — «Объединенная Республика Танзания». Теперь уже во многих политических и административных мероприятиях, проводимых на островах, все яснее прослеживается инициатива центрального правительства³. Другими словами, старая пословица о занзибарской флейте, под которую пляшет вся Восточная Африка, в настоящее время постепенно теряет свой смысл.

Однако из моих бесед с людьми, принадлежащими к самым различным группам населения (во время моего пребывания в Танзании в 1968—1969 гг.), можно сделать вывод, что и сейчас многие жители континентальной части страны по традиции продолжают считать Занзибар центром: житель Занзибара и сейчас еще считается как бы столичным жителем, а занзибарский говор — говором человека культурного и добропорядочного. Традиционное представление о таком человеке предполагает умение вежливо начать разговор с собеседником, определенную степенность, образность речи, знание пословиц, поговорок, обычаев и традиций. В общем, идеал почтенного африканца со «старого, доброго» Занзибара». Этот абстрактный идеал, наверное, просуществует в

¹ По официальным данным переписи 1967 года, опубликованным в газете «The Nationalist», Dec. 29, 1967.

² См., например: В. Н. Денисов. Объединенная Республика Танзания. Очерк становления и развития национальной государственности, Киев, 1969.

³ См. интервью первого вице-президента Танзании А. А. Каруме корреспондентам газет: «The Standard», Apr. 26, 1969; «The Nationalist», Apr. 25, 1968.

общественном сознании еще довольно долго. В настоящее время на континенте его поддерживают многочисленные бывшие занзибарцы самого разного происхождения.

Представление о Занзибаре, как о традиционном центре культуры и языка суахили, сложилось в результате исторического развития этой части Восточной Африки. Еще в древние времена, с установлением торговых связей народов этой части африканского континента с народами других стран Индийского океана, образовался суахилийский культурный комплекс, центрами которого в разные периоды были различные города восточноафриканского побережья. На основе языков различных народов, участвовавших в процессе формирования этого комплекса возник язык суахили⁴. В силу своей близости к различным языкам банту его легко понимали многие народы и внутренних районов континента, говорящие на языках этой группы. С развитием торговли расширялась и сфера влияния суахили. Знание этого языка означало причастность и к суахилийской культуре.

В XIX в. одним из наиболее значительных торговых и политических центров прибрежной зоны становится Занзибар, где сходятся многочисленные торговые пути, связывающие внутриконтинентальные районы восточной Экваториальной Африки с внешним миром. Одновременно возрастает и роль занзибарского диалекта *Kiunguja* (киунгуджа) — диалекта столицы Занзибарского султаната, в состав которого входила и широкая полоса побережья континента. С установлением колониального господства в этой части Африки язык суахили, центром распространения которого к этому времени был Занзибар, стал языком колониальной администрации. Занзибарский диалект лег в основу первых грамматик, словарей, пособий, предназначенных для обучения колониальных чиновников⁵. И немцы и англичане в равной степени были заинтересованы в стандартизации и распространении языка суахили⁶. После второй мировой войны, с нарастанием борьбы за предоставление независимости, значение суахили особенно усилилось. На нем велась пропаганда идей освобождения среди самых широких кругов населения будущей Танзании⁷. Распространение языка суахили, в частности занзибарского диалекта, шло и через многочисленных сезонных рабочих, ежегодно приезжавших на острова на время сбора гвоздики. Многие из них задерживались здесь и на более продолжительное время. По переписи 1948 г., на о. Занзибар проживало 28,3% населения, лишь недавно прибывшего с континента⁸.

Сейчас развитие суахили, ставшего государственным языком Танзании и символом единства страны, идет особенно быстро, и занзибарский диалект, принятый за основу стандартизированной формы этого языка, пока продолжает оставаться эталоном. Именно поэтому и сохраняется традиционное отношение к Занзибару как к культурному центру африканского побережья Индийского океана.

В прошлом на Занзибаре население было более образованно, чем на континенте. На островах и сейчас почти в каждой деревне или неподалеку от нее имеется «традиционная» школа. Как правило, в ней преподает старик-учитель, у которого собираются дети пяти, шестилетнего

⁴ Подробно об этом см.: В. М. Мисюгин, О происхождении и распространении языка суахили, «Африканский этнографический сборник», III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LII, М.—Л., 1959.

⁵ О языковой политике в колониальный период см.: W. Whiteley, *Swahili (the rise of a national language)*, London, 1969.

⁶ По Гельголандскому договору 1890 г. континентальная часть современной Танзании стала Германской Восточной Африкой, а островная — Занзибарский султанат — была объявлена британским протекторатом. С поражением Германии в первой мировой войне эта колония Германии перешла под управление Англии.

⁷ I. N. Kimambo, A. J. Temu (eds.), *A history of Tanzania*, Nairobi, 1969, p. 223.

⁸ Там же, стр. 212.

возраста, а то и моложе. Этот учитель 3—4 дня в неделю по 2—3 часа обучает детей чтению: он сам читает, а вся группа хором повторяет за ним. На первых порах это скорее уроки дисциплины, где по ходу дела детям внушается, как им подобает вести себя в различных ситуациях, воспитывается уважение к старшим и т. п. В этих же школах дети заучивают первые молитвы, знакомятся с мусульманской религией. Затем начинается обучение чтению: читают Коран или отдельные списки с Корана. Платят учителю в таких школах обычно натурой в зависимости от достатка родителей учеников. В некоторых школах обучают и старосуахилийскому письму на основе арабской графики, дополненной рядом знаков для обозначения звуков, не существующих в арабском языке. Называется это письмо киарабу (*kiarabu*), как и язык Корана. Раньше эта форма суахилийского письма была распространена очень широко. Но и сейчас им пользуются крестьяне островов гораздо шире, чем это обычно считают. Часто человек, не владеющий латиницей, довольно бегло читает и пишет, пользуясь старой суахилийской графикой. Своим существованием вплоть до наших дней старосуахилийское письмо обязано в большой степени «традиционным» сельским школам. Подобные школы по изучению Корана есть и в городе. На континенте, в частности в Дар-эс-Саламе, этих традиционных школ было меньше. По словам стариков, раньше отсюда предпочитали детей посылать учиться к родственникам на Занзибар.

Сфера применения старосуахилийского письма сравнительно узка. Во-первых, это личная переписка, в особенности между родителями и детьми; во-вторых, записки и пометки для личного пользования; в-третьих, запись стихотворных произведений (любителей же сочинять стихи на островах очень много). Естественно, что и из этих сфер старое письмо все интенсивнее вытесняется латинской графикой. Но письма, сообщающие о смерти родственника, как правило, пишутся арабской графикой. Это объясняется необходимостью вставлять определенные, подходящие моменту фразы из молитв и Корана, которые надлежит писать по-арабски. Шире всего старая письменность распространена на о. Тумбату, затем идет о. Пемба, затем о. Занзибар. В такой же примерно последовательности можно было бы говорить и о степени устойчивости других культурных традиций у населения в этом районе.

«Традиционные» школы постепенно теряют свое значение, так как государство все решительнее берет воспитание молодого поколения в свои руки. В государственных учебных заведениях Коран не преподается. Образование на островах сейчас бесплатное, частных колледжей нет. Во многих деревнях организованы государственные школы. Идет подготовка к введению всеобщего восьмилетнего образования. Преподавание в начальной школе ведется на языке суахили, в старших классах — на суахили и английском. Полностью перейти на суахили пока трудно, так как нет школьных учебников и вспомогательных материалов на этом языке, не хватает учителей. Однако стремление осуществить этот переход очень сильно. Сейчас, когда суахили наряду с английским считается официальным языком Объединенной Республики Танзания, власти всячески поощряют любую инициативу, направленную на расширение сферы его применения⁹. Недавно в Танзании вышел англосуахилийский словарь юридических терминов. Его издание рассматривается на континенте как шаг к введению судопроизводства на суахили, а на Занзибаре все судопроизводство уже ведется на этом языке. В последнее время на островах были созданы районные «Народные суды»¹⁰,

⁹ О соотношении суахили, английского и племенного языков в континентальной части Танзании см.: W. Whiteley, *Ideal and reality in national language policy: Tanzania*, сб. «Language problems of developing nations», New York—London, 1968.

¹⁰ «Uhuru», Jan, 2, 1970.

члены которых — судья и два заседателя — обычно просто не могут вести дела на английском, так как недостаточно знают его. Для островной части Танзании соревнование английского и суахили уже закончилось полной победой последнего. В континентальной же части это соперничество еще продолжается, но и там, несомненно, суахили постепенно вытесняет английский.

В отличие от соседних с Танзанией стран Восточной Африки — Кении и Уганды, где языковая ситуация гораздо сложнее, в Танзании язык суахили знают во всех районах страны и не стесняются разговаривать на нем, даже имея ограниченный лексикон. Судя по информации, полученной от танзанийцев, в Уганде у значительной части населения суахили считается языком типа «базарного» и не ассоциируется с принадлежностью к древнесуахилийской культуре¹¹. Образованный (или считающий себя таковым) человек в обществе избегает говорить на нем. Некоторые танзанийцы утверждают, будто угандиец даже если и знает суахили, в большинстве случаев старается сделать вид, что не понимает языка, если разговор не касается какой-либо коммерческой сделки. Выдвигались даже такие курьезные предположения, что угандийцу, гордому по своей натуре, трудно признать, что кто-то лучше него знает что-либо. Я случайно оказался свидетелем одной сцены в аэропорту в Энтеббе. Торговец, с виду мтуси¹², подошел к продавцам сувениров в киоске аэродрома и стал интересоваться, нельзя ли продать им что-либо из своих поделок. Пока шло выяснение вопроса в принципе, беседа велась на приличном английском языке. Когда стало ясно, что продавец в киоске согласен совершить сделку, мтуси начал доставать из саквояжа самодельные ожерелья из полудрагоценных камней, и вся последующая часть беседы уже шла на континентальном варианте суахили. Когда торговец удалился, я заговорил с продавцами на суахили, но в ответ на мои суахилийские фразы слышал вежливые английские.

В столице же Танзании — Дар-эс-Саламе даже в государственных учреждениях предпочтительнее говорить на суахили, правда, при том условии, что собеседником будет африканец: если же это индеец, то проще говорить по-английски. Индийцев в государственных учреждениях работает еще много, но они постепенно уступают место африканцам. Встречаются «англомены» и среди африканцев, но их становится все меньше.

Если спросить жителя Занзибара, что такое язык суахили, то он изложит в ответ примерно следующую схему: есть Kiswahili cha Mwanbaao (кисвахили ча мвамбао), т. е. язык побережья с островами (мвамбао), в противоположность языку суахили континентальных районов Kiswahili cha bara (кисвахили ча бара). Континентальный суахили от прибрежного отличается большей размерностью речи, сглаженностью интонаций, меньшим количеством арабизмов, тем, что в речь вставляются слова из родного языка говорящего. На кисвахили ча бара говорят тогда, когда язык родного племени знают лучше, чем суахили, и это заметно в речи. Через континентальный вариант суахили, вернее, через употребление суахили различными народами континента в язык входят новые слова. Так, стало общеупотребительным слово Ikulu (резиденция) — слово совсем недавно вошло в язык суахили из языка ваньямвези, где обозначало «большой дом».

Говорить на прибрежном (cha mwanbaao) языке означает владеть языком суахили «в полном объеме», уметь свободно беседовать на любые темы, быть способным понимать и быть понятным на всем мвам-

¹¹ Ко времени проникновения суахилийских купцов в Уганду там уже существовала довольно сильная политическая власть, которая могла препятствовать распространению других культурных влияний.

¹² Высокорослый житель Руанды.

бао. В идеале это означает быть mswahili, мусульманином, и знать суахили лучше, чем язык племени, из которого вышли родители (если они не были waswahili — мн. число от mswahili).

Все жители мвамбао, владеющие языком суахили и принявшие ислам, называют себя васвахили, вне зависимости от того, к какому племени принадлежат их родители. Острова Занзибар и Пемба тоже относятся к мвамбао, и все жители их (имеются в виду «коренные» жители — африканцы) имеют все основания считать себя васвахили.

Прибрежный суахили состоит из целого ряда диалектов, подразделяемых в свою очередь на прибрежные континентальные и островной — Kiuunguja (занзибарский диалект). Все вышеупомянутые диалекты на суахили носят название «язык» (lugha). Диалекты же внутренних частей островов, как правило, называются «вилугха» (vilugha), т. е. языки мелкие, незначительные, хотя подчас сами носители их утверждают, что как раз они-то и разговаривают на самом чистом cha Asili (исконном) языке суахили.

Прежде чем перейти к краткому обзору этнических групп и диалектов на островах, будет, вероятно, уместно привести некоторые из записанных мною высказываний самих жителей по этому вопросу (сохраняя по возможности их эмоциональную окраску).

Абдалла Мзее (около 60 лет). Ваширази (washirazi) — это те, кто как-то хотел выделиться. И сейчас еще таких много. Мол, я не простой африканец, а ширазец (mshirazi)! Говорят, что ваширази первые поселились на острове. За ними прибыли португальцы, а потом арабы (waarabu). Ваманга (wamanga) были самыми последними.

Хамис Хемед (около 60 лет). Коморец (mngazija) kingazija не знает. Ватумбату (watumbatu) не племя (kabila gani!). Они просто по району своему так называются. Язык их трудно понять, хоть и много есть общих слов. Вахадиму (wahadimu) — те же ватумбату. Это кто не знает, что к чему, так тот и говорит, что вахадиму и ватумбату разные племена (makabila mbali mbali). Ваширази — это как раз и есть ватумбату. Они как приехали, так и поселились на острове Тумбату. Вот и назвали их ватумбату, а сами себя они называют ваширази. Потом уж они расселились по острову. И в Макундучи, и в Падже, и в Мангангани — все ваширази. Ватумбату и те, кто сейчас живет в Мангангани или в Макундучи, — они понимают друг друга. Ваарабу (waarabu) — это те арабы, которые давным-давно здесь живут. Или если отец араб, а мать из другого племени, так сын — араб (mwarabu). И мманга (mmanga) — тот же араб, только он иностранец, приезжий. И mwarabu если поедет в арабские страны и останется там, тоже станет мманга. Нет разницы. А васвахили это мы, африканцы, с черной кожей. Но если отец араб, то и сын будет араб — цвет кожи тут ничего не меняет.

Хамис Али (20 лет). Правда, те, кто живет на острове не называют себя ватумбату, как не называют себя «макундучцы» (wamakunduchi). Можно говорить mkoaji wa, или mwenyeji wa... — проживающий в... или житель острова Тумбату. Но ведь во всех районах свои жители. ...Тумбату особенно известен своей религиозностью. Все обряды, обычаи, связанные с исламом, строго выполняются. ...Большинство населения на островах сейчас сунниты. Но непосредственно перед революцией (Siku za Siasa) было много ибадитов, так как сами правящие арабы были ибадитами. ...Язык острова больше похож на городской суахили (kiswahili cha kiji), чем, например, язык макундучи (Kimakunduchi). В Макундучи они так говорят, будто ругаются, а спросишь, о чем, — оказывается, просто беседуют. Понять их трудно, а на Тумбату говорят медленно-медленно — кто знает суахили, тот все понять может. Спрашиваешь, кто же ваширази — мы или в Макундучи? Думают, что мы. Может быть, потому так говорю, что сам родился на Тумбату. Но и в Макундучи ваширази тоже есть.

Комбо Табу (32 года). Вахадиму — раньше называли всех, кто бедный, у кого мало земли. От арабов это пошло. Сейчас, после революции, уже не осталось вахадиму.

Джума Макаме (примерно 35 лет). Ваширази — это все жители о. Занзибар (Unguja), т. е. отцы которых и деды жили здесь испокон века. Еще можно сказать, что все те, кто ведет свой род от Мвиньи Мкуу (Mwinyi Mkuu) — родоначальника всех исконных жителей Занзибара. Как правило, всех жителей сельской местности (shamba) можно назвать ваширази. Вахадиму — это то же самое, что и рабы (watumwa), так что после революции их не осталось [о понятии вахадиму см. далее. — Н. Г.]. Это не племя (kabila). Ваширази, правда, тоже не племя — все здесь ваширази.

Амер Насибу (40 лет). Ватумбату — настоящие ваширази. Жители южных районов — тоже ваширази (киширази?). Нет, такого языка нет. Есть kiswahili cha kiji и kiswahili cha ndani — суахили городской и суахили внутренний¹³. Во «внутреннем

¹³ Это же выражение — Kiswahili cha ndani употребляется в языке суахили для обозначения речи с большим количеством архаизмов и слов, имеющих двойкий смысл.

суахили» есть малые языки (vilugha): kitumbatu, kimakunduchi, kizimkazi, kidonge, kijambani. Они отличаются друг от друга. На Pembe тоже есть свой kilugha (малый язык)—kipemba. Но он очень похож на kitumbatu. Все малые языки (диалекты) «внутреннего суахили» — vīna mahadhī kidogo (несколько певучи). Есть еще диалект, который называют kichaani — он почти как kidonge, да и живут они в одном районе. Вахадиму есть немного и среди жителей Макундучи, есть и на севере, есть и на Тумбату. Языка kihadimu нет.

Из этих сведений, полученных мною в результате бесед с жителями островов — людьми разного социального происхождения и положения и разного возраста, можно, по-видимому, сделать следующие общие выводы: 1) все островные диалекты сами жители относят к языку суахили, считают их его вариантами, 2) структура общества, породившая такие этносоциальные термины, как «ваширази», «ваарабу», «вахадиму», настолько ушла в прошлое, что у местного (занзибарского) населения уже нет твердого представления о тех реалиях, которые этими терминами когда-то обозначались, 3) название диалекта зависит от названия местности, где живут говорящие на нем.

Киунгуджа — принятый за основу «стандартизованного» языка суахили — это прежде всего говор города Занзибара, т. е. язык мелких торговцев, ремесленников, прислуги, портовых рабочих и рыбаков, а в настоящее время язык государственной администрации, многие представители которой вышли из перечисленных групп. Все разновидности говора сельского населения называют kishamba — «деревенский говор».

Из многочисленных вариантов деревенского говора к городскому произношению ближе всего произношение жителей северной и центральной части острова Занзибар. Отличия очень незначительные: фразы несколько резче по своей мелодике, слова во фразе выделяются яснее благодаря более сильному по сравнению с городской речью выделению ударных слогов. Звук «R» выговаривается более четко, чем в городском варианте, и приближается к русскому «р». Губные и носовые звуки произносятся как бы с большим резонатором. В целом речь кажется более резкой.

Все жители этого района (север и центр) называют себя *ваширази*. Арабы, содержащие мелкие лавки, называют себя *ваарабу*. Лавочек, принадлежащих африканцам, в этом районе очень мало; индийских несколько больше. На суахили арабы говорят с заметным акцентом. Многие слова арабского происхождения произносятся просто по-арабски.

В сельскохозяйственном отношении это наиболее развитый район. Почвы здесь гораздо плодороднее, нежели на юге и юго-востоке. Именно здесь находились наиболее крупные плантации, принадлежавшие арабам. В свое время эти районы служили опорой Националистической партии. Влияние партии Афро-Ширази здесь, на севере, было не очень значительным. Сейчас, разумеется, почти все местные жители, многие из которых получили землю после революции, являются членами этой правящей и единственной партии на Занзибаре.

Юг и юго-восток Занзибара не столь богат в природном отношении, как север. Почвы и здесь не скудные, но столь каменисты, что непонятно иногда, как тут вообще можно что-то выращивать. Однако крестьяне уверяют, что камни им совсем не мешают и отказываются перебираться на более плодородные почвы к северу. В отличие от густонаселенных северных и центральных районов, где порой трудно определить, где кончается одна деревня и начинается другая, на юге деревни расположены одна от другой на значительном расстоянии.

В этих каменистых районах юга и юго-востока о. Занзибар живут те, кого иногда называют *вахадиму*. Они говорят на сельском варианте суахили — kishamba. Но здесь же распространен в различных вариантах диалект, который в исследованиях по языку суахили называют *кихади-*

му, или кикае, или кимакундучи¹⁴. Вахадиму — понятие расплывчатое, по крайней мере для современного Занзибара.

По поводу происхождения самого названия мне рассказал следующую историю Исса Мухамед (33 года, в прошлом рыбак, а сейчас государственный служащий, член партии Афро-Ширази). Как ему говорили старики, до прихода португальцев о вахадиму никто не слышал. Жили всякие люди — и с континента, и местные — и все были вассалами. Торговали с арабами, но арабов тогда на острове еще было мало. Потом пришли португальцы, наложили поборы, построили крепость, которая сейчас называется Нгеме-Конгве. Они же ввели право первой ночи, что было нетерпимо для населения, уже принявшего ислам. Кончилось все это тем, что жители Занзибара обратились за помощью к мусульманам из Омана, и те изгнали португальцев с острова. Жители же, считая себя обязанными арабам за освобождение от португальской скверны, разрешили им пользоваться Занзибаром как своей родиной, назвали себя вечными слугами. С тех пор и стали они называться вахадиму.

Слово «хадиму» арабского происхождения и означает «слуга». Мхадиму — суахильская форма этого слова — может обозначать «из обязанных», т. е. очевидно, что этот термин имел определенный социальный смысл.

Языка кихадиму на Занзибаре нет. Слово «kihadiimu» может употребляться в значении «по-сельски», как и «kishamba», но с уничижительным оттенком.

Совершенно очевидно, что название «вахадиму» не связано с какой-либо этнической группой. Сейчас очень редко можно встретить человека, именующего себя «мхадиму», но это совсем не означает, что назвавший себя так будет знать южный диалект. Мне встретилось несколько довольно пожилых занзибарцев, которые назвались вахадиму, но говорить могли лишь на кишамба, правда, в южном варианте произношения, для которого характерна некоторая сдавленность речи, более резкое выделение ударных слогов. В целом кишамба является как бы переходной ступенью от городского языка к диалекту кикае.

Диалект кикае не монолитен. Почти в каждой деревне на юге говорят на своем варианте, несколько отличном от остальных и в лексике, и в произношении. Центром распространения диалекта считается деревня Макундучи.

Диалект кикае отличается от городского диалекта прежде всего весьма своеобразной мелодикой речи, напоминающей мелодику тональных языков. Ударение в слове часто приходится не на предпоследний, как обычно принято в языке суахили, а на последний слог:

кисуахили	кикае	
Jina láko nání?	Liná lyakó nani?	Как тебя зовут?
Nilikúwa pale.	Nivù palyá.	Я там был.

Некоторые выражения совершенно непохожи на суахили:

Ametóka hápa.	Kevù vâ vâ vâ.	Он ушел отсюда.
Yúpo húko.	Kavâ vò vò.	Он вон там.

В лексике есть довольно существенные отличия от суахили:

asubuhi	únju	утро
hapa	ga	здесь
pikipiki	kitùtùtù	мотоцикл
kifuu	kipánga	кокосовый орех
sinema	ulagaíto	кино
kijana	mwanakele	юноша/девушка

Все говорящие на кикае считают себя исконными занзибарцами. Среди них много так называемых *ваширази*, ведущих свое происхождение от мифических персидских переселенцев, но есть и такие *ваширази*, которые не связывают свое происхождение с выходцами из Шираза. Сейчас этот диалект постепенно исчезает, так как рушится изолирован-

¹⁴ См., например, H a j i C h u m, A vocabulary of the Kikae (Kimakunduchi, Kihadiimu) dialect, «Swahili», vol. 33, № 1, 1962/63, p. 51—68.

ность деревень. Молодежь стремится попасть на государственную службу, часто стесняется говорить на нем.

Вторым, обычно выделяемым диалектом островного района Танзании является диалект небольшого островка Тумбату, отделенного от о. Занзибар лишь узким проливом. Жителей острова их соседи именуют ватумбату. Сами они так называют себя редко. До последнего времени они предпочитали называться ваширази. Ватумбату отличаются своей религиозностью. Мужчины, как и в южных районах о. Занзибар, занимаются рыболовством, женщины обрабатывают небольшие участки земли. Почвы на острове довольно плодородны, но очень каменисты. Очень часто крестьянам при подготовке поля к посевам приходится пользоваться ломом. Словом, природные условия здесь примерно такие же, как и на юге Занзибара. Утечка молодежи из деревень здесь еще большая. Крестьяне говорят, что некому скоро будет и рыбу ловить. Очень многие жители о. Тумбату в колониальные времена занимались контрабандой — вывозили с континента слоновую кость, рог носорога, шкуры. После революции 1964 г. занзибарские власти начали серьезно бороться с контрабандой и многие рыбаки занялись другими видами деятельности, не связанной с морем.

Жители Занзибара, живущие в северных районах, напротив о. Тумбату, говорят, что язык китумбату не сильно отличается от киунгуджа, но к нему надо привыкнуть, чтобы понимать. Самому же говорить на этом языке довольно трудно.

По мелодике речи диалект китумбату очень похож на кикае, но слова произносятся с большей расстановкой, речь более медлительная. Многие слова (как и в кикае) несут ударение на последнем слоге, в целом речь также кажется тональной. По сравнению с киунгуджа заметно большее количество арабских заимствований. «Арабская» часть слова чаще произносится на арабский манер.

Есть существенные различия в лексике диалектов китумбату, кикае, так:

кикае	китумбату	кисвахили	
-choweya	-tongoya	-ongea	разговаривать
mwakele	mwanakele	kijana	юноша
jakele	kuwambole	mpimbavu	дурак

Диалект китумбату очень слабо изучен, как и диалект о-ва Пемба кипемба.

Диалект кипемба — мало отличается от киунгуджа. Но в нем можно выделить довольно много черт, связывающих его с кикае и китумбату. От киунгуджа диалект о. Пемба отличается в первую очередь большим количеством арабизмов, зачастую неизвестных на Занзибаре.

По своему облику коренные жители Пембы — типичные африканцы, но, как правило, с заметной примесью арабской крови.

Говорить о единстве, монолитности диалекта о. Пемба, по-видимому, нельзя, так как имеются различия в говорах по деревням. То, что принято считать диалектом острова, — это говор прибрежной зоны, обращенной к проливу, отделяющему Пембу от материка. Побережье, обращенное к Индийскому океану, не столь едино в лингвистическом отношении. Существуют деревни, говор которых непонятен для жителей, владеющих кипемба. Интересно отметить, что многие жители Пембы считаются арабами, хотя арабский язык знают не лучше, чем большинство жителей о. Занзибар.

Рассказы занзибарцев об о. Пемба обязательно содержат элемент загадочности, таинственности. Так, есть на Пембе место, известное под названием Гининги. О нем существует установившееся на «всем мвамбао», т. е. в прибрежной зоне, мнение, как о «Макао Макии уа uchavi», что в переводе с языка суахили обозначает примерно «центр черной ма-

тии». Жители считаются оборотнями, они, якобы, умеют принимать облик различных животных.

С особой таинственностью рассказывают о «племени» (kabila) вакоджани (wakoјani), члены которого держатся очень изолированно от остального населения острова, не вступают в браки с жителями из других мест. Коджани — это маленький островок у восточного побережья о. Pemba. У них; судя по рассказам, своеобразный язык, сильно отличающийся от кипемба. Вакоджани — мусульмане, но их обычаи несколько другие, чем у остальных мусульман на острове. Имеются различия в женской одежде. Характерно употребление многочисленных украшений. Мужчины занимаются рыболовством, надолго уходят в море. Женщины обрабатывают маленькие участки земли около дома.

В языке суахили есть выражение: Kwetu Pemba halitendeki — «даже и на Пембе такого нет». Оно используется в разговоре для обозначения чего-то уж слишком необычного, непонятного. Смутное представление жителей Занзибара о Пембе объясняется тем, вероятно, что в прошлом о. Пемба больше был связан с той частью африканского побережья, которая сейчас входит в состав Кении, чем с о. Занзибар.

В прошлом Занзибар недаром был подобием Мекки для Восточной Африки. Из африканцев кроме коренных жителей сейчас здесь можно встретить представителей чуть не всех народов, проживающих на континенте от Южной Родезии до Сомали. Сейчас все переселенцы активно участвуют в самых различных областях жизни Занзибара. Многие из них после революции получили участки земли. Сколько таких переселенцев сейчас находится на островах — неизвестно, поскольку перепись 1967 г. таких данных не дает.

Из неафриканцев наиболее тесный контакт с коренными жителями Занзибара в настоящее время поддерживают выходцы из Ирана, Пакистана, Афганистана. В основном они занимаются мелкой торговлей (содержат продуктовые лавки — скупают оптом товар у местных крестьян и продают его городским жителям), ремеслом (среди них есть сапожники, портные, жестянщики и т. п.). Некоторые из них содержат кондитерские лавочки. Все они хорошо владеют языком суахили, но говорят, как правило, с небольшим акцентом. Представители этой группы издавна нередко вступали с африканцами в браки. Многие из них являются членами партии Афро-Ширази, и в целом эта группа не является на островах «инородным телом», как это можно сказать о выходцах из Индии.

Индийцы на Занзибаре составляли привилегированный слой населения. Именно индейцы содержали многочисленные агенства, конторы оптовой торговли. Через них шла вся внешняя торговля. Индийцы никогда не вступали в тесный контакт с коренными жителями. После революции 1964 г. многие из них сразу же переселились на континент или в другие страны. Оставшиеся ведут довольно замкнутое существование. Почти все лавки и конторы индийских купцов и чиновников в «каменном городе» — центральной части города Занзибар — закрыты. Дальше других держатся ювелиры, но и те сворачивают дела, так как сырье для своих изделий они вынуждены покупать у правительства со всеми пошлинами. Среди выходцев из Индии наиболее употребителен язык гуджарати. Большинство индийцев и в настоящее время поддерживает самые тесные контакты с родственниками, живущими в различных районах Индостанского полуострова.

Кроме родного языка мужчины-индийцы хорошо владеют английским. Женщины зачастую английского не знают. На суахили индийцы, как правило, говорят плохо. Примеры «индо-суахилийской» речи часто используются в комедийных сценках.

Этническая и лингвистическая пестрота населения Занзибара, равно как и материковой части Танзании, и доставшаяся в наследство от прош-

лого этносоциальная стратификация общества заставляют правительство республики уделять особое внимание сплочению различных по происхождению групп населения. Большим преимуществом для Танзании по сравнению с другими африканскими государствами, которым приходится решать аналогичные задачи национального строительства, служит наличие высокоразвитого языка суахили, понятного практически всем этническим группам, составляющим население страны. Не случайно для развития этого языка выделяются значительные средства и прилагаются немалые усилия со стороны государственных органов. В 1969 г. вышел на суахили первый номер журнала «Lugha yetu» — «Наш язык», инициатором издания которого было правительство. Цель журнала была сформулирована так: способствовать тому, чтобы «каждый гражданин прилагал все усилия для укрепления и развития танзанийского самосознания, употребляя избавленный от искажений язык суахили»¹⁵.

Трудно преувеличить роль диалектов островной части страны, в особенности городского диалекта Занзибара — киунгуджа в формировании этого литературного языка. Однако сейчас сложившийся на основе киунгуджа современный язык суахили существует и развивается уже самостоятельно. Объективные условия развития сегодняшней Танзании, в которой язык оказывается одним из важнейших объединяющих факторов, неизбежно поведут к постепенному, но все убыстряющемуся вытеснению диалектов островов единым общегосударственным языком суахили.

THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN ZANZIBAR

The ethnolinguistic situation on Zanzibar and Pemba — a part of Tanzania — is dealt with in the article. The author who lived in Tanzania in 1968—1969 examines local dialects of Swahili — the state language of Tanzania Republic. Swahili is understood practically by all ethnic components of the country's population. Considerable means are allocated by government bodies for the development of this language since it may serve as a basis for the amalgamation of population group of different ethnic origin into a united Tanzanian nation.

¹⁵ «Lugha Yetu», v. I, № 1, Dar-es-Salaam, 1969, p. IV.

Ю. В. Бромлей

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Этническая структура человечества чрезвычайно сложна. Это проявляется как в обилии форм существования этноса, вариантов этнических общностей, так и в их иерархичности. Однако для обозначения всего этого типологического многообразия используется весьма ограниченный арсенал символов (терминов). В результате нередко различные исследователи употребляют одни и те же термины для обозначения типологически различных этнических явлений. Этим, в частности, во многом обусловлены те расхождения, которые отчетливо проявились в ходе недавних дискуссий, посвященных характеристике этнических общностей в целом и их отдельных типов¹. Следует иметь в виду и то, что существующие классификации этнических общностей обычно ограничиваются лишь указанием на основные последовательно сменяющиеся типы этноса, оставляя, как правило, в тени вопрос о всем многообразии его одновременно сосуществующих форм.

Таким образом, совершенно очевидна настоятельная необходимость как более четкого семантического разграничения уже имеющихся терминов, так и введения новых.

Прежде всего, представляется целесообразным терминологически разграничить различные уровни этнической иерархии. Для этой цели предлагается ввести следующие понятия²: а) «основные этнические подразделения», или «этносы», — совокупности людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств; б) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы», — те наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «макроэтнические единицы» — этнические общности, охватывающие несколько основных подразделений.

Во-вторых, необходимо четко различать употребление понятия «этнос» в узком и широком значении данного слова: «этникос» и «этносоциальный организм» (эсо). При этом под этникосом нами понимается исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего определенного единства и отличия от других таких же совокупностей. Термином «этносоциальный организм» обозначаются сложные образования, возникающие в результате взаимопересечения основных собственно этнических подразделений

¹ Особенно показательна в данном отношении дискуссия о понятии «нация», развернувшаяся в 1966—1968 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». См. также дискуссию об этносе в журнале «Сов. этнография» за 1967—1972 гг.

² Ср.: В. Ф. Генинг, Этнический процесс в первобытности, Свердловск, 1970, стр. 40—41.

(этнических) с так называемыми социальными организмами, под которыми понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития³. Аналогичные разграничения следует проводить и на всех остальных уровнях этнической иерархии, различая собственно этнические и этносоциальные микроединицы и макроединицы.

В-третьих, необходимо дифференцировать этническую номенклатуру в историко-стадиальном плане, в зависимости от принадлежности этнической общности к той или иной социально-экономической формации или к группе формаций.

В-четвертых, условимся о разграничении понятий «этнические» и «этнографические» общности, используя прежде всего такой показатель, как наличие или отсутствие самосознания. Определенным основанием для этого разграничения служит, с одной стороны, отсутствие этнических общностей без самосознания, с другой, — то, что в таком случае название «этнографическая общность» будет обозначать общность, которая, не имея четкого самосознания, может быть выявлена лишь путем специальных этнографических исследований. Таким образом, название общности будет соответствовать специфике ее выявления⁴.

В-пятых, при классификации этнических общностей (особенно при разграничении основных подразделений и макроединиц) следует учитывать, обладают ли такие общности единством, внутренней однородностью или лишь этнической близостью, представляя по существу ассоциацию нескольких близких по своей культуре этносов.

Наконец, представляется существенным подчеркнуть, что понятие «этническая общность» мы прилагаем ко всем подразделениям этнической иерархии (начиная с этнической группы), термином же «этнос» именуем лишь основное этническое подразделение⁵.

Приступая после всех этих предварительных замечаний к непосредственному рассмотрению интересующей нас проблемы, начнем с вопроса об основном этническом подразделении первобытности. Известно, что в качестве такого подразделения в нашей литературе обычно называется племя. Однако в последнее время эта традиционная точка зрения поставлена под сомнение. Высказывается, например, мнение, что «отдельное племя со свойственными ему социальными институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность». Соответственно делается вывод, что «основными типами этнических общностей эпохи первобытного строя были, вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры». Это точка зрения Н. Н. Чебоксарова⁶, ее разделяет и С. А. Арутюнов⁷.

Примерно такого же характера возражения против отнесения племени не только к основным этническим подразделениям, но и вообще к этническим формированиям приводит В. Ф. Генинг. Он ссылается на то, что в понятии племени «определяющей остается система организации власти»⁸.

³ См.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник Академии наук СССР», 1970, № 8; его же, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», 1, М., 1971.

⁴ Характерно, что согласно общепринятой точке зрения, в такой разновидности этнографических общностей, как историко-этнографическая область, население не обладает самосознанием. (?)

⁵ Ср.: Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 96.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», 2, М., 1972, стр. 23.

⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 59.

Для племени, действительно, характерно осуществление функций власти. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил внимание Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, народного собрания, совета старейшин и т. п.⁹ Этот аспект функционирования племени условно может быть назван «социально-потестарным» (от лат. potestas — власть). Но у племени есть и другая, не менее важная сторона. По Энгельсу, племя характеризуется также определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем¹⁰. Очевидно, что перед нами собственно этнические свойства племени. Таким образом, племя одновременно и социально-потестарная и этническая общность. А это значит, что оно представляет собой этносоциальное образование.

Но в таком случае остается вопрос: какое место в иерархии этносоциальных общностей принадлежит племени? Решение этого вопроса, в свою очередь, зависит от определения того, какую из основных социальных единиц первобытности — род или племя — следует считать социальным организмом. Представляется, что род нельзя рассматривать в качестве социального организма, поскольку в силу экзогамности его «внешняя» независимость весьма ограничена. Племя, напротив, обладает не только внутренним единством, но и определенной «внешней» независимостью (особенно до образования союзов племен), обеспечиваемой его потестарными функциями. Это и позволяет считать именно племя социальным организмом первобытнообщинной формации. Но так как племя в то же время и этническое подразделение, очевидно, есть достаточно оснований рассматривать его в качестве этносоциального организма (или *эсо*).

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь идет о племенах развитого первобытного общества. Они охарактеризованы Ф. Энгельсом на материалах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению классов у американских индейцев, древних греков, римлян и германцев. Но, как известно, в этнографической литературе племенем подчас именуют также общности, не обладающие необходимыми для социальных организмов атрибутами¹¹. Примером их могут служить австралийские племена. Представляя собой совокупность экзогамных родов или групп, связанных общими чертами культуры и сознанием общего происхождения, такие племена обычно не имеют единых органов власти¹². Ссылаясь на это обстоятельство, а также на некоторую неустойчивость подобных образований, отдельные исследователи предпочитают даже говорить в данной связи не о племенах, а лишь об этнических общностях¹³. Действительно, перед нами этнические, а не потестарные единицы. Но думается, что все же нет оснований отказываться от наименования их племенами. Правда, это всего лишь племена-этникосы, не превратившиеся еще в племена-эсо. Однако в нашем распоряжении есть прямые этнографические свидетельства о возможности подобного превращения. Примером этого могут служить, в частности, австралийское племя диери и племена Западной Виктории. Так, у диери в отличие от подавляющего большинства других австралийских племен уже появилось подобие общеплеменного совета из главарей отдельных родов и общеплемен-

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92—95; 105—106; 126—127; 142—149.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Д. А. Ольдерогге, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 138—140.

¹² См., например: В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969, стр. 334.

¹³ См., например: В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 59.

ной главарь, власть которого еще основывалась преимущественно на личном авторитете, но уже становилась наследственной¹⁴.

Таким образом, племена-этникосы, очевидно, представляют раннюю стадию племенной организации¹⁵. А если это так, то они могут рассматриваться в качестве самостоятельных этнических подразделений ранней ступени развития первобытнообщинного строя. Лишь на более позднем этапе своего развития¹⁶ племя приобретает постаршие функции, становится, так сказать, «классическим» и превращается, как уже говорилось, в этносоциальный организм.

Вывод, что племя на ранней стадии первобытности выступает в роли этникоса, неизбежно выдвигает вопрос о месте в этнической иерархии того времени такой социальной ячейки, как род. Казалось бы, ответ на данный вопрос напрашивается сам собой: если племя — этникос, то род — эсо. По существу именно такое причисление рода к этносоциальным общностям и подразумевают встречающиеся в нашей литературе случаи, когда им открывается перечень основных типов этих общностей (род, племя, народность, нация)¹⁷. Однако весьма показательно, что данная схема все же не получила у нас признания и перечень основных типов исторических (фактически этнических) общностей обычно ограничивается лишь тремя основными единицами (племя, народность, нация). И то, что в ней отсутствует род, на наш взгляд, не случайно. Дело в том, что функции рода в сфере культуры принципиально отличны от аналогичных функций племени, народности и нации. Существование каждого из этих образований в качестве этнических общностей неразрывно связано с сохранением определенной культурной целостности, с определенной замкнутостью (так сказать, с эндогамностью) в сфере культуры. Между тем для рода, напротив, характерна экзогамность: именно она выступает в роли основного для него структурообразующего фактора. Соответственно основная функция рода — смешение; притом не только биологическое, но и культурное. И в этом смысле род — фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос».

По существу не отличается в рассматриваемом отношении от рода и родовая община. Поскольку она как раз и выступает в качестве той конкретной формы, в которой реализуется родовая экзогамия, очевидно, ее в целом, так же как и род, нет основания рассматривать в качестве самостоятельной этнической единицы. Пожалуй, следует отметить лишь несколько особую роль так называемой локализованной части рода, составляющей ядро родовой общины. Судя по всему, именно эта часть рода была основным хранителем его устоев и традиций. К этому свойству локализованной части рода нам еще предстоит вернуться. Здесь же лишь подчеркнем, что, будучи составной частью не только родовой общины, но и рода в целом, она уже в силу последнего обстоятельства не может считаться самостоятельным этническим подразделением.

Таким образом, на ранней ступени первобытности самостоятельными этническими подразделениями были лишь племена — этникосы, которые, как уже говорилось, в развитом первобытном обществе превращаются в этносоциальные организмы.

Но это отнесение племен к категории эсо, в свою очередь, выдвигает вопрос об этникосе на соответствующей стадии первобытнообщинной

¹⁴ См.: R. Dawson, *The present state of Australia*, London, 1830; A. Howitt, *The native tribes of South-East Australia*, London, 1904.

¹⁵ Вопрос о времени возникновения племен остается дискуссионным; одни археологи относят их появление к мезолиту (А. А. Формозов, *Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке*, М., 1959, стр. 110) другие — к верхнему палеолиту (Г. Н. Григорьев, *Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 150).

¹⁶ См.: С. М. Абрамзон, *Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ*, «Сов. этнография», 1970, № 6.

¹⁷ См., например: В. П. Алексеев, *Род, племя, народность, нация*, М., 1962.

формации. Этническую общность такого рода, на наш взгляд, составляют все члены каждого племени, независимо от того, находятся ли они в пределах или за пределами его территории. Эта общность для краткости может быть названа «соплеменностью»¹⁸. Ее члены — соплеменники остаются таковыми, если даже проживают далеко за пределами своего племени, ибо они сохраняют не только общую с ним культуру, но и сознание принадлежности к нему.

Яркие примеры, несомненные соплеменности и племени дают кочевые народы с их широко распространенной практикой адаптации отдельных иноплеменников и целых иноэтнических родоплеменных подразделений. Много таких фактов зафиксировано, в частности, у арабских кочевников на протяжении всего огромного периода времени от первых веков хиджры до начала нынешнего столетия. Инкорпорируя в свой состав выходцев из других племен, арабское племя объявляло их своими членами «по крови и по имени», постепенно ассимилировало и даже как бы «привязывало» к себе вымышленной генеалогией. Но это, конечно, происходило далеко не сразу и какое-то, часто весьма длительное время узкоэтнический статус инкорпорантов оставался двойственным: они были носителями этнических традиций и принявшей их новой и своей прежней общности. Так, с одной стороны, они должны были, следуя нормам племенной эндогамии, брать себе жен только из своего нового племени, мстить и отвечать за кровь в соответствии с обычаями этого племени и т. д.. Но, с другой стороны, они подолгу сохраняли свои прежние диалектные особенности, генеалогические предания, знаки для клеймения скота, военные кличи, родоплеменные культы, особенности расцветки плащей, головных платков, орнамента, причесок и т. п. Это двойственное положение инкорпорантов не только фиксировалось этнографически, но и хорошо осознавалось как ими самими, так и их соседями. Известно, например, что в иорданском племени бану сахр в конце XIX — начале XX в. одно из его трех основных подразделений — каабна — считалось «не настоящими» бану сахр, так как еще не изгладилось воспоминание о его включении на рубеже XVI в. в состав этого племени. По той же причине в саудийском племени дава-сир «не настоящими» соплеменниками считались так называемые абат дава-сир — четыре некогда присоединившиеся группы, еще сохранявшие собственные генеалогические традиции¹⁹.

Соплеменность какое-то время, очевидно, сохранялась и после распада единого племени на части. Примером этого может служить славянское племя дулебов. Известно, что после того как авары разгромили дулебов (602 г.), отдельные части этого племени, оказавшись на значительном расстоянии друг от друга, первоначально сохраняли свое прежнее наименование (об этом наглядно свидетельствует топонимика)²⁰.

Итак, на стадии развитого первобытного общества этносоциальным организмом было племя, обладающее потестарными функциями, а этни-
косом — соплеменность.

Но вслед за этой констатацией в свете предложенного нами членения иерархии этнических общностей неизбежен вопрос: каковы на данной стадии макроэтнические единицы? Притом вопрос этот распадается, в

¹⁸ Этим термином, правда, недавно предложено именовать совокупности нескольких «родственных» племен (см. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 23). Однако такое употребление термина «соплеменность» представляется не вполне удачным. Сколь ни широк семантический аспект понятия «соплеменность» в русском языке, все же оно в первую очередь ассоциируется со словом «соплеменник». Между тем это слово прежде всего означает принадлежность к одному и тому же племени.

¹⁹ См.: А. И. Першиц, Некоторые особенности этнического развития арабов Саудовской Аравии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 83, М. — Л., 1963, стр. 130—132.

²⁰ См.: «Historija naroda Jugoslavije», I, Zagreb, 1953, str. 100.

свою очередь, на две части: в одном случае речь должна идти об этносоциальной, в другом — о собственно этнической макроединице.

Сам факт существования в первобытности культурных общностей, охватывающих несколько племен, как известно, не вызывает сомнений. Правда, на раннем этапе развития первобытного строя подобные широкие общности²¹, очевидно, не обладали сознанием своего единства и, следовательно, представляли лишь этнографические или хозяйственно-культурные образования. Не исключено, однако, что уже у австралийских аборигенов имела место тенденция к превращению «надплеменных» объединений из этнографических в этнические общности. Для этих объединений были характерны языковые различия и отсутствие достаточно четкого сознания единства, но их связывала общая мифология²².

Более уверенно можно говорить о существовании «надплеменных» этнических общностей лишь применительно к заключительной фазе первобытнообщинной формации. На этом этапе отдельные совокупности «родственных» племен, несомненно, приобретают представление о своей общности. Недавно это было убедительно показано на примере ранне-средневековых славян²³. Немалая роль в осознании «родственными» племенами своей общности принадлежала их контактам с другими, более развитыми этническими образованиями²⁴.

Характеризуя по этнографическим материалам развитие этнического самосознания «на первой стадии распада первобытного общества», В. Ф. Генинг не без основания приходит к выводу, что именно в данный период появляются представления об общности, выходящей за рамки племени; при этом процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого имени для каждой такой этнической общности²⁵.

В. Ф. Генинг предлагает называть «надплеменные» этнические общности²⁶ «межгрупповыми» (сокращенно — мегрэо). Это название, по его мнению, «отражает не только общий характер этнических связей (связей между группами), но и наиболее специфическую черту этнического процесса данного периода — прочное этническое единство каждой из входящих в общность этнических групп»²⁷. Однако наименование «межгрупповая этническая общность» отличается крайней неопределенностью: оно может быть приложено к «надгрупповым» этническим образованиям любой социально-экономической формации, притом образованиям самых

²¹ Как свидетельствует археология, обширные культурные ареалы, охватывающие подчас целые субконтиненты, прослеживаются очень рано — со времен палеолита (см., например: А. А. Формозов, Указ. раб.).

²² А. Элькин, Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 52.

²³ В. Д. Корольков, К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв., «История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968, стр. 101—113.

²⁴ Известно, например, что древние германцы, распавшись на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего самоназвания. «Имя же Германия, — по свидетельству Тацита, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми... (сначала галлы) так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя германцев, приданное им (галлами)». (Публиций Корнелий Тацит, Германия. В кн: «Древние германцы», М., 1937, стр. 56). Вообще весьма показательно, что античные авторы обычно достаточно четко выделяли совокупности родственных племен, давая каждой из них особое общее наименование (например, галлы, иллирийцы, паннонцы и т. п.); при этом они указывали, из каких именно племен состоят такие общности (например, Strabon, VII, V, 3; «Племена паннонцев суть: бревки, андеситии, дитионы, пирусты, мазен, диситиаты...»; Herodot, VII, 110; племена фракийцев — петы, киконы, бистоны, сапей, дерсен, сатры).

²⁵ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 96—97.

²⁶ Н. Н. Чебоксаров и С. А. Арутюнов, как уже говорилось, предлагают именовать их «соплеменностями».

²⁷ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 98.

различных уровней. В. Ф. Генинг, впрочем, приводит более определенное название «межплеменная этническая общность», но лишь для того, чтобы заявить о своем негативном отношении к этому названию. Основанием для такого отношения ему служит тезис, согласно которому на данной фазе «далеко не повсеместно этнические группы организуются в племена». Однако при этом к последним причисляются лишь те «надродовые» образования, которые имели «четкую структуру» с развитыми органами власти²⁸. Между тем, как мы знаем, наличие самоуправления не является обязательным признаком племени. И поэтому утверждение В. Ф. Генинга, что «разложение первобытных отношений не всегда и не везде сопровождалось формированием племенной организации»²⁹ можно принять лишь при условии, если полагать, что оно направлено против представления о непременном существовании в таких случаях племен как потестарных общностей. Но если при этом имеется в виду вообще отсутствие у многих народов на соответствующей ступени развития племенных образований, то с подобным представлением трудно согласиться. Не дают для этого основания, в частности, и те конкретные ссылки на отдельные народы, которые делает В. Ф. Генинг, пытаясь подкрепить рассматриваемый тезис³⁰.

Все это, на наш взгляд, позволяет полагать, что существовавшие в конце первобытности широкие этнические общности представляли собой преимущественно совокупности племен. Следовательно, наименование их «межплеменными» не лишено оснований. Конечно, возможны и другие названия. Например, их можно именовать «семьей племен». Такое обозначение, пожалуй, даже имеет определенное преимущество, поскольку отражает тот факт, что в большинстве случаев речь идет о совокупности племен «родственных» в генетическом отношении.

Вместе с тем необходимо учитывать, что рассматриваемые совокупности племен являлись, как правило, этнолингвистическими общностями, то есть образованиями, обладающими не только самосознанием, но и языковым «родством». Однако, как известно, такие образования обычно сохраняются и в классовых обществах. Стало быть, межплеменные этнические общности или семьи племен — лишь одна из стадийальных разновидностей этнолингвистических общностей.

Следует, однако, иметь в виду и то, что межплеменные общности (семьи племен), как и этнолингвистические общности вообще, по своим основным параметрам представляли не столько единство, сколько сходство, близость: в частности, у них, как правило, не было одного общего для всех составных частей языка.

В роли же социально-этнических макроединиц развитого первобытного общества выступают, на наш взгляд, союзы племен. В самом деле: с одной стороны, они представляют собой относительно автономные потестарные единицы, с другой, — обычно обладают если не целиком, то по крайней мере в большей своей части определенной культурной общностью и сознанием единства. В то же время союзы племен, очевидно, не могут рассматриваться в качестве основных этносоциальных подразделений (эсо), поскольку они, как правило, характеризуются значительно меньшей целостностью, чем входящие в их состав племена.

Следует сразу же подчеркнуть различие понятий «семья племен» и «союз племен». Если во втором случае перед нами — этносоциальная

²⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 98.

²⁹ Там же, стр. 90.

³⁰ В первую очередь он ссылается (там же, стр. 90) на северо-восточных палеоазиатов (коряков, чукчей и ительменов) и народы Амура, Приморья и Сахалина (нанайцев, ульчей, орочей). Но, как показали новейшие исследования вопроса, в первом случае «довольно четко выявляются диалектально-территориальные группировки, которые можно считать племенами»; во втором — «каждая позднейшая народность по всем данным совпадала с первоначальным племенем» (Б. О. Долгих, *Племя у народов Севера*, «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 352, 355).

общность, то в первом — этническая общность в узком значении слова, притом выражающая не столько этническое единство, сколько этническую близость. Отличаются семьи племен от их союзов также масштабами: обычно такой союз охватывал лишь часть семьи племен. А главное, хорошо известно, что союз племен мог включать племена разных семей. Иначе говоря, союзы племен могли быть неоднородными в этническом отношении; в таких случаях их, очевидно, следует рассматривать как своеобразные федерации нескольких этносоциальных общностей.

Различие между понятиями «**семья племен**» и «**союз племен**» можно, в частности, проиллюстрировать на материалах, относящихся к североамериканским индейцам. Например, в XVII в. ирокезоязычные племена (т. е., по нашей терминологии, ирокезская семья племен) образовывали три союза: 1) Союз ирокезов, состоявший сначала из пяти (сенека, кайюга, онондага, онейда и могауки), а затем шести, (+тускарора) племен; 2) Союз туронов и 3) Союз нейтральных племен. В XIX в. индейцы прерий образовывали несколько союзов племен, которые состояли как из одной, так и из разных семей племен. Так, Союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов», состоял только из дакотоязычных племен; Союз команчей включал представителей трех семей племен: шононоязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскоязычных кайова; Союз черноногих включал две семьи племен: алгонкиноязычных черноногих и ацина и атапаскоязычных сарз-си³¹.

Итак, нами намечены основные подразделения и макроэтнические единицы первобытности. На очереди вопрос о микроэтнических подразделениях доклассовых обществ. И в этом случае мы должны различать два аспекта — собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этника, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, таковой и является собственно этнической микроединицей, притом не только в первобытности, но и во всех других формациях. Кстати сказать, недавно предложено именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — этнофором (от греч. этнос + форо — несущий)³².

Гораздо сложнее вопрос о микроэтносоциальной единице первобытности. Как уже говорилось, в силу экзогамности ни род, ни родовая община, ни локализованная часть рода не могут вообще рассматриваться в качестве основных этнических подразделений. Однако для этносоциальной микроединицы эндогамность (в том числе ее отражение в сфере культуры) совсем не обязательна. Напротив, каждая такая единица, представляя часть этнической общности, неизбежно должна быть связана с другими подобными единицами данной общности. Но в то же время сама она, естественно, должна обладать определенным внутренним единством (прежде всего культурным), устойчивостью и самосознанием. Родовая община, состоящая из представителей нескольких (по меньшей мере двух) родов³³, не обладает всей совокупностью этих свойств (в частности устойчивым культурным единством). В полном объеме они в случае дислокального брака присущи роду, целиком совпадающему с родовой общиной. Но если брак не дислокален, то внутреннее единство рода весьма относительно, ибо часть рода неизбежно оказывается территориально оторванной от ядра и находится не в идентичной культурной среде (дру-

³¹ «Народы Америки», т. 1, М., 1959, стр. 209 сл., 253 сл.; Ю. П. Аверкиева, Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв., М., 1970, стр. 138; «Handbook of American Indians north of Mexico», pt. I, Washington, 1907, s. v. Iroquois, Dakota, Comanche.

³² См.: Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования), «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 57.

³³ Исключение представляют случаи, когда в силу дислокального брака община и род совпадают.

гих родовых общинах). В таких случаях наибольшей внутренней целостностью обладает локализованная часть рода.

Таким образом, при дислокальном браке этносоциальной микроединицей первобытности выступает род, при унилокальном браке — локализованная часть рода.

На стадии разложения первобытной формации на смену этим микроединицам, очевидно, приходит архаическая форма большой семьи³⁴.

Переходя к стратификации этнических общностей докапиталистических классовых обществ, следует прежде всего констатировать, что для обозначения этносоциальных организмов таких обществ в нашей научной литературе последних лет обычно употребляется термин «народность». Это обстоятельство внешнее выражение получило, в частности, в том, что в перечне важнейших исторически сменяющихся типов этнических общностей народность неизменно фигурирует между такими этносоциальными организациями, как племя и нация.

Определение народности как основной этносоциальной общности (т. е. этносоциального организма) докапиталистических классовых обществ неизбежно выдвигает вопрос о терминологическом размежевании этносоциальных организмов рабовладельческой и феодальной формации.

Вопрос этот уже поднимался в нашей литературе С. А. Токаревым. В частности, по его мнению, это «разные типы этнических общностей», отличающиеся друг от друга прежде всего соотношением социально-классовых компонентов³⁵. Действительно, этносоциальный организм каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно свободное население, оставляя за своими рамками значительную часть непосредственных производителей этого общества — рабов, поскольку многие из них обычно принадлежат к другим этносам. Этносоциальный организм при феодальном строе охватывает прежде всего трудящееся население и подчас не включает господствующий класс феодалов, особенно его верхушку. В этой связи для обозначения основного типа этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов) рабовладельческой формации С. А. Токарев предложил наименование «демос», поскольку в такие общности входило преимущественно свободное население³⁶. Однако это предложение представляется не вполне удачным, ибо за словом «демос» в науке уже фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны, что получило, хотя и косвенное, но вполне отчетливое выражение в наименовании специальной дисциплины — демографии³⁷.

Вместе с тем сам факт существования особой разновидности этносоциального организма, характерного для рабовладельческого строя, представляется несомненным. Поэтому (в ожидании, пока будут созданы специальные термины)³⁸ представляется целесообразным (подобно разграничению наций на буржуазные и социалистические) внутри этносоциальных организмов докапиталистических классовых формаций

³⁴ См.: Ю. В. Бромлей, Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины, «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 162—175.

³⁵ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11.

³⁶ Там же, стр. 52.

³⁷ Высказывались и прямые предложения обозначать термином «демос» вообще все население отдельных политических образований независимо от их этнической однородности и гетерогенности (см., например: E. Francis, *Ethnos und Demos* (Soziologische Beiträge zur Volkstheorie), Berlin, 1965, S. 35—87).

³⁸ Делалось, например, предложение поместить между племенем и народностью в качестве особой разновидности этнической общности «народ» (См.: М. Д. Каммари, Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации, «Вопросы истории», 1949, № 12, стр. 68). Но слово «народ», как известно, еще более многозначно, чем термин «народность».

выделить два подтипа: «рабовладельческая народность» и «феодалная народность»³⁹.

Что касается основных собственно этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — этникосов, то приходится отметить, что в нашей научной литературе для их обозначения фактически нередко используется тот же термин «народность». Это особенно отчетливо проявляется при фиксации этнической принадлежности пленных (в таких случаях обычно говорится, что пленный принадлежит к такой-то народности). Впрочем, для тех же целей подчас употребляется понятие «национальная принадлежность» или же просто «национальность». Однако следует учитывать, что при всей многозначности слова «национальность»⁴⁰, чаще всего оно используется для обозначения этнических общностей (или принадлежности к таким общностям) капиталистических и социалистических обществ (в первую очередь, принадлежности к нации). И в данной связи нередко говорят об этнических общностях докапиталистических формаций как о «донациональных». Поэтому во избежание путаницы (в частности, такого алогизма как «донациональные национальные общности») представляется целесообразным при обозначении этникосов докапиталистических классовых обществ ограничиться термином «народность». Хотя он тоже не однозначен, однако его семантика все же менее емка, чем у слова «национальность». Соответственно мы предлагаем употреблять термин «национальность» лишь в его узком значении (в стадийном отношении), т. е. применительно только к эпохам капитализма и социализма.

Народности-этникосы не следует смешивать с этнолингвистическими общностями. Если такие общности возникают в результате дивергентных, разделительных процессов, то народности складываются в ходе этнической консолидации в рамках социальных организмов.

Эти консолидационные процессы в условиях докапиталистических классовых формаций были чрезвычайно сложными и противоречивыми. Одним из факторов, способствовавших консолидации племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делает необходимым даже и слияние их»⁴¹. Другим еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства, часто они возникали на базе группы родственных племен⁴². В таких случаях, кроме уже имевшейся у этих племен близости языка и культуры (в узком смысле слова), государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов⁴³. На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождав-

³⁹ Правда, в нашей литературе высказывались сомнения относительно правомерности такого формационного разграничения понятия народность (В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 58). Однако подобные сомнения были бы оправданы лишь в том случае, если бы народность рассматривалась как этнос в узком смысле слова. Но данным термином, как уже говорилось, обозначается также этносоциальный организм, и, следовательно, для типологизации этой общности ее социально-экономические («формационные») параметры имеют не меньшее значение, чем собственно этнические.

⁴⁰ Ср.: А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1967, № 7, стр. 90.

⁴¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

⁴² «Как только произошло разграничение на группы по языку... стало естественным, — отмечал Ф. Энгельс, — что эти группы начали служить основой образования государств» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 410).

⁴³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 320—321.

шие завоеванием одних этнических групп другими. В результате в рамках одного государства нередко оказывались неродственные племена⁴⁴. Не следует забывать и неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности подвижность их политических границ.

Но особенно осложняла процесс формирования народностей характерная для большинства докапиталистических классовых обществ иерархичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центристскими и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности. В одних случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в границах обширных политических образований, охватывавших целую группу племенных общностей (подчас семью племен или ее значительную часть, но иногда и совокупность нескольких неродственных племен); нередко таким государственным образованиям предшествовали союзы племен. В других случаях более интенсивными оказывались процессы этнической консолидации в рамках небольших политических единиц, объединявших лишь несколько племен. Но, как правило, эти разновидности консолидационных процессов в той или иной степени сосуществовали.

Примером консолидационных процессов на сравнительно узкой основе может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. нового административного деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родоплеменные деления⁴⁵. В это время «основным социальным организмом⁴⁶ и этнической общностью выступал афинский народ ... в целом, говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально-политически и общим именем»⁴⁷. Но наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств — полисов, во второй половине I тыс. до н. э. в результате возникновения общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности⁴⁸.

Таким образом, очевидно, можно говорить о существовании народностей различных уровней. При этом народности одного уровня могли выступать лишь в качестве этникосов (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего эсо), другого уровня — и как этнос, и как функционирующее эсо. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации»), немецкая народность⁴⁹ сохраняется в качестве этникоса и после наступления здесь в XII—XIV вв. полной политической раздробленности⁵⁰. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эсо (а соответственно и этникосов), сформировавшиеся в результате политической раздробленности бавар-

⁴⁴ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

⁴⁵ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1963, стр. 185.

⁴⁶ Точнее говоря, — этносоциальным организмом.

⁴⁷ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4, стр. 83.

⁴⁸ Там же, стр. 86—88.

⁴⁹ Показательно, что в источниках XI в. слово «diutisch» («deutsch») употребляется уже для обозначения народа (См.: В. М. Жирмунский, История немецкого языка, М., 1956, стр. 52).

⁵⁰ И это дает определенное основание для того, чтобы говорить, что немецкая народность предшествует немецкой нации (ср.: С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 52—53).

ская, саксонская, швабская и другие народности⁵¹. Следует, впрочем, иметь в виду, что формирование более крупных по своим масштабам народностей далеко не всегда предшествовало появлению более мелких этносоциальных общностей. Такой вариант, пожалуй, наиболее типичен для феодальной формации, при которой на смену первоначально возникающим сравнительно крупным государственным образованиям обычно приходит политическая раздробленность. В античном же мире, наоборот, формирование небольших народностей чаще всего предшествовало появлению крупных⁵². Вместе с тем в условиях иерархичной политической структуры не исключено и примерно одновременное появление народностей — этникосов «низшего» и «высшего» уровня. В силу всего этого при разграничении народностей различного уровня представляется целесообразным ориентироваться не столько на последовательность их возникновения, сколько на масштабы. Иначе говоря, в иерархии народностей «элементарные» подразделения могут условно рассматриваться как этникосы первого порядка, «сложные» же общности, т. е. охватывающие несколько таких подразделений, как этникосы второго порядка.

Все основные социально-этнические и собственно этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это наиболее очевидно в отношении народности-эсо, которая имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо воедино, выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство со всеми его атрибутами. Правда, для народности, как это уже неоднократно отмечалось в нашей литературе, характерно наличие региональных «земляческих» связей⁵³. Однако без связей, охватывающих весь этнический массив народности⁵⁴, ее функционирование как целостного, социального организма невозможно⁵⁵. Народность отличается от племенных общностей и в сфере этнических свойств. (Это относится к народности-эсо и к народности-этникоосу). С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой стороны, если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо просто увеличение культурных инфосвязей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен). «Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутrigосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при

⁵¹ В хрониках XII—XIII вв., наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве, саксы, швабы и бавары рассматривались нередко как отдельные народности («Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 84).

⁵² Таково, например, возникновение эллинской и латинской народности (См.: Л. П. Л а ш у к, Указ. раб., стр. 86—88).

⁵³ См., например: А. М. А р х а н г е л ь с к и й, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1961; А. Г. А г а е в, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965.

⁵⁴ Чисто «земляческие» связи, как убедительно показал Ф. Энгельс, никогда не выходили «за пределы ближайших местных отношений и связанного с ним узкого местного горизонта» (К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 7, стр. 347).

⁵⁵ Ср.: Л. П. Л а ш у к, Указ. раб., стр. 86.

наличии чтеца выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения»⁵⁶. Вместе с тем на стадии древних и средневековых народностей «возрастает перепад между уровнями плотности внутриэтнических и межэтнических инфосвязей». Этнические общности этого типа «проявляют тенденцию ко все большей внутренней самоконсолидации, но упорно противятся ассимиляции»⁵⁷.

Характеризуя макроэтнические формирования докапиталистических классовых обществ, представляется необходимым и в этом случае выделить две их разновидности: собственно этнические общности и этносоциальные общности. В качестве первой из этих категорий выступают, на наш взгляд, так называемые этнолингвистические общности, имеющие подчас иерархическую структуру (например, первый уровень — восточные, западные, южные славяне; второй — славяне вообще). Напомним, что для таких общностей характерно практически не единство, а родство языков, иначе говоря, они всегда лишь совокупности родственных этнико-сов-народностей. Генетически же этнолингвистические общности, по крайней мере те из них, что относятся к первому уровню, восходят, как правило, к семьям племен (в известном смысле семьи племен, как уже отмечалось, сами являются этнолингвистическими общностями). Нельзя забывать и того, что языковые общности далеко не всегда обладают сознанием единства⁵⁸. Между тем, в тех случаях, когда таковое отсутствует, они фактически представляют собой не этнические, а всего лишь этнографические единицы и поэтому не могут быть названы «этнолингвистическими». Это, лингвоэтнографические общности.

При рассмотрении вопроса об этносоциальных макроединицах докапиталистических классовых формаций следует учитывать тот довольно характерный для этих формаций случай, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. Так как такие единицы не только обладают четко выраженной культурной спецификой, но и целиком входят в одно государство (не расчленены политическими границами), их, очевидно, есть основания считать (подобно нации в рамках многонационального государства) этносоциальными организмами, т. е. народностями. Вместе с тем, в пределах рассматриваемых социально-исторических образований, наряду с входящими в них народностями, нередко складывается как бы стоящая над ними этническая общность, что выражается в появлении общих для всех народностей этнических черт. Однако эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей — всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная далеко не равномерно. Следовательно, соответствующие образования в этническом отношении не представляют «органического» целого. Поэтому их, на наш взгляд, можно (в отличие от народностей — этносоциальных организмов) именовать просто «этнополитическими» общностями⁵⁹.

В качестве государственных образований такие этнополитические единицы в условиях докапиталистических формаций обычно сравнительно недолговечны. Однако сложившееся в рамках этих единиц опре-

⁵⁶ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 27.

⁵⁷ Там же, стр. 29.

⁵⁸ Например, такие языковые группы, как кельтская или угорская, состоящие из разобщенных территориально, мало связанных и не сохранивших общей традиции народов, представляют собой лишь научную конструкцию (С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 28).

⁵⁹ Примером такой общности может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации (см.: О. В. Кудрявцев, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории, М., 1957, стр. 327—328).

деленное этническое (культурное) единообразие может сохраняться очень длительное время, выступая обычно в качестве историко-этнографических областей, а подчас даже в роли отдельного этника⁶⁰.

Что касается микроединиц докапиталистических классовых обществ, то в качестве собственно этнической единицы этого рода здесь, как и в других формациях, выступает человек. Роль же этносоциальных микроединиц в рассматриваемом случае выполняется различными видами семьи; иногда большой семьей, а чаще всего малой, основанной обычно на моногамии, но подчас и на полигамном, в том числе даже полиандрическом браке.

Переходя к рассмотрению вопроса об основных этнических подразделениях капиталистических и социалистических обществ, следует напомнить, что распространенные в нашей научной литературе представления о нации по существу подразумевают этносоциальный организм. В самом деле, ведь под нацией принято понимать не только культурную, но и определенную территориально-экономическую общность. Между тем сочетание этих факторов так раз и характерно для эсо.

Для обозначения же этнических капиталистических и социалистических обществ, как мы уже условились, представляется правомерным употреблять термин «национальность» в узком его значении. Правда, этот термин чаще применяется при определении принадлежности отдельных лиц к той или иной этнической общности. Однако русский язык знает для него и другое значение — сама этническая общность⁶¹. Совершенно очевидно, что в этом случае интересующий нас термин означает совокупность людей одной национальной принадлежности, т. е. общность по национальности или национальную общность.

Таким образом, если, скажем, чехи ЧССР представляют этносоциальный организм, обладающий территориальной и экономической общностью, т. е. нацию, то в целом чехи, проживающие во всем мире, в том числе в ЧССР, Англии, США и т. д. представляют лишь этникос — национальность. Если мы и в последнем случае определим их как нацию, то это значит, что нация уже не рассматривается как территориальная и экономическая общность, ибо о какой территориальной или экономической общности можно говорить применительно, скажем, к ЧССР и Канаде⁶².

В отличие от народности внутренняя интеграция нации обеспечивается не столько политическими, сколько экономическими связями. В социально-экономическом отношении, как уже говорилось выше, нация представляет собой образование совершенно определенного уровня — уровня капиталистического и социалистического обществ.

В этническом отношении нации как эсо отличаются от предшествующего типа эсо — народности примерно так же, как эта последняя — от племени. При этом обнаруживаются те же два варианта их пространственного соотношения. В одних случаях нация — результат трансформации соответствующей народности (например, венгерской народности в венгерскую нацию). В других — нация продукт консолидации нескольких народностей (например, испанская нация — результат слияния андалузской, кастильской и ряда других народностей). Однако в рассматриваемой связи существенно, что и в первом и во втором случае имеет место дальнейшее повышение однородности культуры, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий

⁶⁰ Так, арабский этникос намного пережил Арабский халифат, в период существования которого он получил особенно широкое распространение.

⁶¹ Это обстоятельство в толковых словарях русского языка получило, в частности, выражение в определении одного из значений слова «национальность» через слово «народность».

⁶² Подробнее см.: Ю. В. Бромлей. Еще раз о соотношении «этнической» и «экономической» общностей, «Сов. этнография», 1972, № 3.

в повседневной культуре. Впрочем, дело не только в повышении однородности культуры (подчас степень такой однородности у какой-либо сложившейся народности могла быть даже в известном смысле большей, чем на начальном этапе у нации, вобравшей в себя несколько таких народностей). Гораздо важнее, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера; причем это повышение плотности внутренней инфосети сочетается со все возрастающей межнациональной инфосетью, постепенно становящейся планетарной⁶³.

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций их принято подразделять на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят, как известно, из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализме коренным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет коренное преобразование наций буржуазного общества⁶⁴. Нации при социализме характеризуются единством дружественных классов, в первую очередь рабочих и крестьян. Руководящая роль в жизни социалистических наций принадлежит рабочему классу. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм, в силу своей эксплуататорской природы, порождает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, представляющий дальнейшее развитие возникающего еще в условиях капитализма пролетарского интернационализма.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Для буржуазной нации с ее классовым антагонизмом характерно, как указывал В. И. Ленин, наличие двух культур⁶⁵. На ранней стадии капитализма ведущую роль в духовной культуре нации играет по преимуществу культура эксплуататорских классов. Однако на современном этапе в капиталистических странах, хотя и господствует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры⁶⁶. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие. При этом установление социальной однородности наций неизбежно влечет за собой интенсификацию процессов культурной консолидации, представляющих диалектическое отрицание их былой культурной раздвоенности.

Некоторые этносоциальные общности при капитализме и социализме принято именовать народностями. Их соответственно подразделяют на буржуазные и социалистические. В социальном плане такого рода общности отличаются от наций прежде всего своей классовой структурой. Хотя они включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической, рабочего класса — в социалистической) сравнительно невелик; преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, остается крестьянство. Как правило, отсутствует у этих общностей и собственная государственность; ее функции у такого рода народности обычно выполняет государственная надстройка крупной нации, с которой она связана в политическом отношении⁶⁷.

⁶³ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 27.

⁶⁴ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», М., 1972, стр. 38—39.

⁶⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁶⁶ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 38.

⁶⁷ Разумеется, все эти различия не следует абсолютизировать, памятуя не только об условности, но и о подвижности граней между такого рода народностями и нациями.

Всем этим во многом определяется и этническая специфика буржуазных и социалистических народностей. В данном отношении весьма показательное рассмотрение С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым этих общностей сквозь призму культурных инфосвязей. По их мнению, народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: уэльская народность во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации⁶⁸.

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что подобного рода народности не могут (в отличие от народностей древности и средневековья) рассматриваться в качестве основных таксономических единиц классификации этносов, ибо в это время в такой роли выступают нации⁶⁹. Однако, на наш взгляд, дело не только в классификации. Существеннее другое: так как в подобных общностях внутренние «синхронные» связи между их отдельными частями обеспечиваются в значительной мере «чужими» коммуникативными средствами, такие общности, естественно, не могут рассматриваться как самостоятельно функционирующие организмы. И это относится не только к собственно этнической, но и к социальной сфере, что, как уже говорилось, находит обычно внешнее выражение в отсутствии у такого рода народностей достаточно развитой собственной политической надстройки. Таким образом, очевидно, что ассоциированные народности нового и новейшего времени не могут быть причислены к этносоциальным организмам. Но в то же время несомненно, что такие народности представляют собой не просто этникосы, а этносоциальные общности, ибо они, с одной стороны, являются для соответствующей группы людей основными этническими подразделениями, в рамках которых воспроизводятся специфические этнические свойства, с другой — обладают определенными, присущими только им социальными параметрами. Учитывая при этом тесную связь каждой из рассматриваемых нами народностей с определенной крупной нацией, представляется возможным характеризовать подобные народности как ассоциированные этносоциальные общности основного уровня. Что же касается терминологического отграничения народности древности и средневековья от народности нового и новейшего времени, ассоциированной с какой-либо крупной нацией, то представляется заслуживающим внимания предложение С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова определять их как первичные и вторичные народности⁷⁰.

Переходя к характеристике этникосов эпох капитализма и социализма, т. е. национальностей в узком значении слова, прежде всего следует напомнить, что в подавляющем большинстве случаев каждая национальность-этникос соответствует определенной нации-эсо (или нескольким нациям), однако пространственное соотношение их имеет несколько вариантов⁷¹. При одном из них этникос-национальность и нация-эсо почти полностью совпадают; при другом — из одного этникоса-национальности социальные организмы вычленяют несколько этносоциальных образований; при третьем — в рамках одной социально-политической общности (государства) имеется несколько этносоциальных организмов. Этот последний вариант нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнительных пояснениях, поскольку, хотя он внешне на-

⁶⁸ См.: С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 26.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 26—27.

⁷¹ См. подробнее: Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», стр. 31—32.

поминает ассоциированные вторичные народности, однако речь идет о качественно ином явлении. Дело в том, что собственные коммуникативные связи внутри ассоциированной этнической единицы, как правило, возрастают по мере увеличения ее масштабов. Поэтому, когда такая единица в рамках соответствующего государства занимает обширную территорию (при сравнительно высокой плотности), представляется возможным рассматривать ее как эсо, хотя и не вполне завершенной структуры. Классическим образцом этого могут служить, в частности, венгры, представлявшие в пределах Австро-Венгерской империи конца XIX — начала XX вв. особый этносоциальный организм, т. е. нацию.

Весьма сложным является вопрос о характере этнических подразделений, возникающих в случае, если один и тот же этникос расположен в пределах нескольких смежных социальных организмов, входящих, в свою очередь, в общий социальный организм высшего уровня. В таком случае, строго говоря, один этносоциальный организм составляет та часть данного этникоса, что сосредоточена в основном для него социальном организме первого уровня. Однако в известном смысле эсо образуют как это ядро этникоса, так и те его относительно компактные группы, что находятся на непосредственно примыкающей к нему территории, если она входит в пределы социального организма высшего уровня. Таким образом, скажем, украинцы Украинской ССР составляют эсо в строгом значении этого слова, хотя условно в качестве эсо можно рассматривать всех украинцев, проживающих как в УССР, так и на примыкающей к ней территории РСФСР, Белоруссии и Молдавии, поскольку между ними существуют не только сравнительно регулярные социально-экономические связи, обеспечиваемые союзным государством, но и своеобразная непрерывность непосредственных этнокультурных контактов. Однако уже украинцы соседних с УССР районов Польши, Чехословакии, Венгрии оказываются вне украинского этносоциального организма, хотя и относятся к одному с ним этникосу.

Рассматривая соотношение этникосов-национальностей и эсо-наций, следует еще раз подчеркнуть, что во всех рассмотренных вариантах этникосы обычно полностью не вписываются в эсо. Как правило, та или иная часть этникоса-национальности остается за пределами соответствующей нации-эсо (или наций) либо в дисперсной форме, либо в форме компактных групп.

Вопрос о характере подобного рода компактных этнических групп за пределами основной территории расселения соответствующего этникоса, т. е. вопрос о так называемых этнических анклавах, является чрезвычайно сложным. Чаще это всего-навсего этнотерриториальные группы в рамках государства, где основную массу населения составляет другая этническая общность. Иногда такой анклав конституируется как автономная единица, пользующаяся определенным самоуправлением. Впрочем, степень этой автономии далеко не всегда определяет таксономическое место этнического анклава, ассоциированного в рамках одного государства со значительно превосходящей его в численном отношении нацией. Во всех случаях, когда важнейшие сферы внутренней жизни ассоциированного анклава, прежде всего внутренние экономические связи, обеспечиваются основным этносом соответствующего государства, этот анклав, очевидно, не представляет настолько самостоятельно функционирующей общности, чтобы его можно было отнести к категории эсо. Следовательно, такой анклав, представляющий часть этникоса-национальности, сам по себе (подобно вторичной народности) может быть определен как ассоциированная этносоциальная общность основного уровня.

Что касается находящихся в дисперсном состоянии отдельных частей национальностей-этникосов, то они в конечном счете обычно поглощаются теми нациями-эсо, с которыми они ассоциированы в одном соци-

ально-политическом образовании. Вместе с тем известны случаи, когда в результате слияния нескольких гетерогенных групп различных национальностей-этнических складывается новая нация. При этом в ее рамках соответственно образуется новый этнико-национальный, хотя в то же время у отдельных групп этого этнико-национального в той или иной степени сохраняются не только представления о происхождении от других этнических, но и некоторые их характерные черты. Примером этого может служить североамериканская нация, многие представители которой обладают двойным этническим самосознанием, нередко отмечая, скажем, свое ирландское, итальянское, польское национальное происхождение.

Характеризуя этнико-национальности, необходимо не забывать, что они далеко не всегда являются производными от наций-этносов; нередко их основное ядро составляет всего лишь вторичная народность. Особый случай представляют этнико-национальности, возникшие в результате своеобразной консолидации расовых общностей. Одним из примеров такой консолидации могут служить негры США. Другой пример дают индейцы Северной Америки. Представляя с точки зрения науки совокупность нескольких межплеменных групп, обладающих в целом несомненной общностью происхождения, они, однако, ранее этой общности не сознавали. Ныне же, в условиях роста взаимной информации перед лицом капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации, они осознают себя не только членами старых племенных групп, но и индейцами в целом⁷². Но одновременно как негры, так и индейцы обычно обладают сознанием принадлежности к определенному этносоциальному организму — к североамериканской нации и к соответствующему этнико-национальному. Одним словом, в этих случаях мы имеем дело с этнико-национальностями как бы двух уровней.

Таким образом, национальности-этнические в эпохи капитализма и социализма являются «производными» не только от наций-этносов, но также от вторичных и дисперсных народностей и даже от этнорасовых общностей.

Более однозначно решается вопрос о микро- и макроэтнических единицах нового и новейшего времени. Собственно этнической микро-единицей и в этом, как и во всех других случаях, является человек-этнофор; в роли этносоциального микроподразделения выступает моногамная семья. Собственно этническими макроединицами остаются по-прежнему этнолингвистические общности разных уровней (славяне, восточные славяне и т. п.).

Фактически сохраняется от предыдущего этапа в качестве социально-этнической макроединицы и категория этнополитических общностей. Появление черт такой общности в той или иной степени прослеживается во всех многонациональных государственных образованиях нового и новейшего времени⁷³; это относится как к капиталистическим⁷⁴, так и к социалистическим многонациональным государствам⁷⁵. Возникновение этнополитических общностей связано с процессами так называемой межнациональной (межэтнической) консолидации, решающая роль в

⁷² И. А. Золотаревская, Место индейцев в общественной и культурной жизни США, «Культура индейцев», М., 1963, стр. 314—315.

⁷³ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 78.

⁷⁴ Наглядным примером этого могут служить современная Индия и Индонезия (см.: Ю. В. Маретин, Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии, «Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера», М., 1972, стр. 42—44).

⁷⁵ См.: Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии, «Сов. этнография», 1969, № 1; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

Характер общности						
Ступени общественного развития	Макрорединца		Основное подразделение		Макрорединца	
	Этническая	Этносоциальная	Этносоциальная	Этническое	Этносоциальная	Этническая
Первобытно-общинный строй	ранняя стадия	человек	локализованная часть рода (дислокальный род)	нет	племя-этнокос	нет
	поздняя стадия	«	локализованная часть рода, большая семья	племя-эсо	соплеменность	семья племен
Рабовладельческий строй	«	»	моногамная (или большая) семья	рабовладельческая народность	народность-этнокос I и II порядка	этнополитическая общность
	»	»	»	феодалная народность-эсо	»	»
Капиталистический строй	«	»	моногамная семья	буржуазная нация-эсо (или вторичная народность)	национальность-этнокос I и II порядка	»
	»	»	»	социалистическая нация-эсо (или вторичная народность)	»	»

которых принадлежит государству, контролирующему и объединяющему средства массовой коммуникации в рамках соответствующих политических границ⁷⁶. Следует, однако, особо подчеркнуть, что этнополитические общности могут рассматриваться как организмы лишь в социально-политическом, но не в этническом отношении. Ведь в пределах таких политических образований общие этнические черты по своей интенсивности значительно уступают этническим свойствам входящих в их состав наций и народностей. Между тем, как мы знаем, основные этнические подразделения, в первую очередь эсо, обладают во всей иерархии этнических общностей наибольшей интенсивностью этнических свойств⁷⁷.

Итак, этническая структура человечества представляет собой многоплановую и изменяющуюся во времени иерархию, что создает значительные трудности для ее обобщенной характеристики. И это, естественно, не могло не наложить свой отпечаток на приводимую здесь таблицу.

Разумеется, эта таблица, как и любая схема, неизбежно упрощает отображаемый объект, будучи не в состоянии охватить все обилие форм существования этнических общностей на протяжении всемирной истории. В частности, она оставляет открытым вопрос о наличии переходных этнических общностей. Появление таких общностей может быть обусловлено процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. В первом случае мы имеем дело с переходными периодами в общественном развитии. Например, в нашей стране в переходный период, отделяющий Октябрь от момента построения основ социализма, происходил постепенный процесс превращения прежних буржуазных наций в социалистические. В современных условиях применительно к развивающимся странам, очевидно, можно тоже говорить об этносоциальных организмах, находящихся в переходном состоянии⁷⁸ (иногда их называют «развивающиеся нации»).

Что касается переходных состояний этнических общностей, связанных с изменением их этнических свойств, то в данном отношении, очевидно, наиболее показательны те случаи, когда эти изменения завершаются сменой этнического самосознания. Примером этнических общностей, находившихся еще сравнительно недавно в таком переходном состоянии, могут, пожалуй, служить англо-австралийцы, причем в данном случае, как это бывает довольно часто, немалую роль в качественном изменении этноса сыграли иноэтнические вкрапления (немцы, итальянцы и т. д.).

Наконец, следует подчеркнуть, что вообще любая типологизация не универсальна. В нашем случае, например, остались неиспользованными возможности внутритиповой классификации этнических общностей в соответствии с их качественно-количественными параметрами (численностью, занимаемой территорией, уровнем экономического и культурного развития, и т. п.). Нам представлялось наиболее существенным сосредоточить внимание на структурно-стадиальных аспектах проблемы.

AN ATTEMPT AT A TYPOLOGY OF ETHNIC COMMUNITIES

The ethnic structure of mankind is exceedingly complex. This is manifested both in the abundance of forms of ethnic communities and in the existence of a certain hierarchical order. Yet only a very limited set of symbols (terms) is used for the designation of all this typological diversity. Consequently different researchers not infrequently use the same terms for the designation of typologically different phenomena. All

⁷⁶ См. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 29.

⁷⁷ Следовательно, было бы ошибочно определять этнополитические общности как нации.

⁷⁸ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 499.

this makes imperative a clearer semantic differentiation of existing terms as well as the introduction of new ones.

First of all it appears expedient to distinguish terminologically the different levels of ethnic hierarchy. With this aim it is proposed to introduce the following terms: a) «basic ethnic subdivisions» — to denote aggregates of people possessing ethnic characteristics of the highest intensity; b) «elementary ethnic particles» or «microethnic elements» — those smallest component parts of the basic ethnic subdivision which represent the limit of its divisibility; c) «macroethnic units» — ethnic communities embracing several basic ethnic subdivisions.

Secondly, the concept of *ethnos* in the narrow sense of the word and that of «ethno-social organism» should be distinguished.

Thirdly, nomenclature should be differentiated according to historical stages: it should depend upon the particular social-economic formation (or group of formations) to which the ethnic community belongs.

Fourthly, a differentiation should conditionally be made between the concepts of «ethnic» and «ethnographic» community; this is to be based upon the presence or absence of self-consciousness.

On the basis of all these criteria an attempt is made in the paper to build a typology of ethnic communities.

М. А. Айплатова

ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАРИЙСКОГО НАРОДА

К пятидесятой годовщине образования СССР специалисты в различных областях науки подводят итоги сделанного за время, предшествовавшее славному юбилею. Больших успехов за годы Советской власти добилась советская этнографическая наука, развивающаяся на основе марксистско-ленинской методологии и продолжающая лучшие традиции дореволюционной этнографии.

Этнографические сведения о материальной и духовной культуре марийского народа отдельные исследователи начали собирать еще в прошлом столетии (С. М. Михайлов, А. Ф. Риттих, И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, Н. А. Фирсов и др.)¹. Материал, накопленный ими, стал впоследствии критически осваиваться советской этнографической наукой.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало перестройке всей социально-экономической, политической, идеологической и культурной жизни страны, возрос интерес к истории и этнографии ранее угнетенных нерусских народностей, в том числе и народностей многонационального Поволжья и Приуралья. По решению съезда мелких народностей Поволжья, состоявшегося в конце октября 1917 г., в Казани был организован Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ), который ставил своей целью изучение языка, истории, этнографии и археологии национальных меньшинств Поволжья и Прикамья и подготовку местных краеведов. Институт просуществовал около трех лет. При содействии института были опубликованы некоторые материалы по истории народов Поволжья, в том числе и мари. В этом немалая заслуга историка и этнографа Н. В. Никольского, возглавлявшего в 1919—1922 гг. этнографический факультет СВАЭИ.

Н. В. Никольский занимался изучением истории, жизни, быта и культуры нерусских народностей Поволжья². Четыре книги Н. В. Никольского хранятся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле³.

¹ С. М. Михайлов, Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов, Чебоксары, 1972; И. Н. Смирнов, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань, 1889; «Материалы для этнографии России. Казанская губерния», XIV, сост. А. Ф. Риттих, ч. II, Казань, 1870.

² См. об этом подробнее: А. М. Леонтьева, К вопросу об исторических взглядах Н. В. Никольского, «Исторический сборник, Уч. зап. Чувашского НИИ», вып. XXXI, Чебоксары, 1966, стр. 310—320.

³ Н. В. Никольский, Конспект по истории народностей Поволжья, Казань, 1919; его же, Основы инородческого просвещения, Казань, 1919; его же, Сборник исторических материалов о народностях Поволжья, Казань, 1919; его же, Конспекты

В 1920 г. была издана книга Н. В. Никольского «История мари (черемис)» — первый в советский период историко-этнографический труд о мари́йцах. 1920—1930-е годы занимают особое место в истории этнографического изучения мари́йцев. В эти годы были организованы первые научно-исследовательские учреждения. Ученые искали наиболее целесообразные формы и методы исследовательской и массово-пропагандистской работы.

В 1920 г. был открыт Краснококшайский центральный мари́йский музей. В нем было семь отделов: археологический, исторический, этнографический (бытовой), антропологический, зоологический, нумизматический и художественный. Музей имел 2300 различных экспонатов. Его сотрудники поддерживали научные связи с Московским центральным музеем народоведения, Обществом финно-угроведения (Финляндия) и Гельсингфорским этнографическим музеем⁴. Большая заслуга в создании этнографического отдела музея принадлежала заведующему музеем этнографу Т. Евсееву и сотрудникам Т. А. Радимову, В. К. Тимофееву, К. Ф. Егорову.

В 1922 г. был создан Мари́йский областной архив.

В эти же годы начали деятельность научные экспедиции. Летом 1921 г. Антропологический институт Первого московского университета организовал экспедицию (руководитель В. В. Бунак), главной задачей которой являлись посемейные исследования в зонах смешения русского и угро-финского населения, изучение наследственности, стойкости, изменчивости и селекции конкурирующих типов и т. п. В 1928—1929 гг. антропологическая комплексная экспедиция (руководитель Б. С. Жуков) этого же университета⁵ провела большую работу по изучению населения Мари́йской автономной области. Этнографические работы были развернуты в 1928 г. в Козьмодемьянском и Юринском кантонах, в 1929 г. — в Мари-Турекском кантоне. В соответствии с общими задачами комплексной экспедиции главное внимание этнографического отряда было сосредоточено на изучении материальной культуры, сборе сведений, связанных с этнической характеристикой жилища и костюма и представляющих особый научный интерес при решении проблемы формирования мари́йской народности.

Ценные историко-этнографические работы были опубликованы на страницах журналов «Вестник Мари́йского областного экономического совещания» (1923—1924 гг.), «Мари́йское хозяйство» (1924—1930 гг.) «МАО (Мари́йская автономная область)» (1931—1936 гг.), «Мари́йская АССР» (1937 г.)⁶.

Усилившийся интерес к истории и этнографии мари нашел отражение в расширении краеведческой работы. В 1923 г. в г. Краснококшайске было создано Мари́йское общество краеведения, основателями которого были местные любители-краеведы и общественные работники: В. А. Мухин, В. М. Васильев, М. Н. Янтемир и др.

В первые годы деятельности общества плодотворную и активную работу вели В. М. Васильев, изучавший историю возникновения и обрядовую сторону мари́йской религиозной секты «Кугу сорта»⁷, Ф. Е. Егоров, посвятивший цикл статей древней и дореволюционной истории мари́й-

по истории народной музыки у народностей Поволжья, Казань, 1920. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог», М., 1961, № 1924, 1925, 2917, 2918. См. также: В. Аристов, Прочитано Ильичем. О казанских изданиях в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина, Казань, 1970.

⁴ См.: «Мари́й эл», 1927, № 4—6, стр. 133—134, № 7—8, стр. 190—194.

⁵ См. «Мари́й илыш», вып. III, Йошкар-Ола, 1930.

⁶ В. Ф. Иваницкий, Систематический указатель к журналам, «МАО», 1935, № 11—12, стр. 73—105.

⁷ В. М. Васильев, Мари́йская религиозная секта «Кугу сорта», Краснококшайск, 1928; его же, Материалы для изучения верований и обрядов народа мари, Краснококшайск, 1927.

цев⁸, Т. Е. Евсеев, исследовавший обычаи мари⁹, М. Н. Янтемир — автор ценнейших описаний Марийской автономной области¹⁰. Печатались статьи по вопросам демографии.

Сбор историко-этнографических сведений о марийцах в деревнях автономной области осуществлялся по специально разработанной программе¹¹.

Итоги проделанной работы были подведены на I Марийской областной конференции общества краеведения, состоявшейся в январе 1930 г. Конференция приняла резолюцию об организации научно-исследовательского института (МарНИИ), который начал свою работу в октябре 1930 г. Через год был основан Марийский педагогический институт.

Появились обобщающие работы по истории марийцев¹². В 1933—1934 гг. Я. Я. Ялкаев издал библиографические указатели литературы по истории и этнографии марийцев¹³, не утратившие своей научной и практической ценности и в настоящее время. Он же первый попытался обобщить этнографическое изучение восточных марийцев¹⁴.

После Великой Отечественной войны предметом специального изучения стали материальная и духовная культура марийского народа. В это время упрочилась связь Марийского научно-исследовательского института с научными учреждениями и высшими учебными заведениями Москвы и Ленинграда.

Велось изучение материальной культуры (Т. А. Крюкова, Ленинград, МАЭ) и пережитков родовой организации у марийцев в XIX в. (К. И. Козлова, Москва, МГУ).

На основе архивного и полевого материала К. И. Козлова¹⁵, проанализировав семейно-бытовые отношения марийцев, доказала бытование у них большой семьи в условиях классового общества, «включавшей несколько ветвей близких родственников, связанных общей собственностью, общим производством и потреблением». Причины длительного бытования больших семей у марийцев К. И. Козлова видела в натуральном и замкнутом характере крестьянского хозяйства.

К. И. Козлова на конкретных примерах отдельных больших семей изучила структуру и характер внутренних взаимоотношений ее членов, показала степень распространенности большой семьи в отдельных районах Марийского края с учетом социально-экономических условий их бытования¹⁶.

⁸ Ф. Е. Егоров, Очерки культурно-исторической жизни народа мари до XIX в., «Марийское хозяйство», 1924, № 4; его же, Марийская культура, «Марий эл», 1927, № 11—12, и др. (см. «Марий эл», 1927, № 7—9, 1928, № 11).

⁹ Т. Е. Евсеев, Одежда марийцев, «Марий эл», 1927, № 1—3; его же, Обычаи, верования и суеверия марийцев, там же, 1927, № 10; его же, Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа, там же, 1928, № 5—6.

¹⁰ М. Н. Янтемир, Описание Маробласти (в девяти выпусках), Краснококшайск. 1926—1930; его же, Марийская автономная область, Йошкар-Ола, 1928.

¹¹ «Программа описания деревни МАО». Изд. Марийского областного общества краеведения, Йошкар-Ола, 1930.

¹² Ф. Е. Егоров, Материалы по истории народа мари, Козьмодемьянск, 1929; М. Г. Худяков, Очерки истории первобытного общества на территории Марийской области, «Изв. ГАИМК», вып. 141, М.—Л., 1935.

¹³ Я. Я. Ялкаев, Материалы для библиографического указателя по мариведению. 1762—1931 гг., Йошкар-Ола, 1934; его же, Марий библиографий (Библиография мари. Указатель книг и основных статей на восточном, луговом и горном наречиях марийского языка. 1821—1933 гг.), Йошкар-Ола, 1933 (на мар. яз.).

¹⁴ Я. Я. Ялкаев, Этнографическое изучение восточных марийцев, «Сов. этнография», 1932, № 2.

¹⁵ К. И. Козлова, Пережитки родовой организации у мари в XIX в., автореферат канд. дис., М., 1949; ее же, Большая семья у марийцев в конце XIX — начале XX в., «Уч. зап. МарНИИ», вып. VI, Йошкар-Ола, 1954, стр. 161—183.

¹⁶ К. И. Козлова, Большая семья у марийцев в конце XIX — начале XX в., стр. 162, 164, 179.

В начале 50-х годов с двумя статьями выступила научный сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР Т. А. Крюкова. В первой статье Т. А. Крюкова наметила основные проблемы изучения марийской одежды, показала тенденции и особенности процесса изменения одежды марийского сельского населения в условиях социалистической действительности¹⁷.

Вторая статья Т. А. Крюковой посвящена этнографическому изучению марийского народа в дореволюционный период (начиная с XVIII в.) и в годы Советской власти¹⁸.

К 30-летию советской автономии марийского народа Марийский научно-исследовательский институт совместно с Государственным музеем этнографии народов СССР издал книгу-альбом «Марийская вышивка»¹⁹, в которой опубликованы уникальные образцы старинной и современной национальной вышивки мари.

В 1956 г. была издана книга Т. А. Крюковой «Материальная культура марийцев XIX века»²⁰, в десяти главах которой рассмотрены многие стороны хозяйственно-бытовой жизни (сельское хозяйство, охота, рыболовство, пчеловодство, домашняя промышленность, кустарные промыслы, способы и средства передвижения, пища, утварь, поселения, жилища, одежда) марийцев. В книге обобщен полевой материал, собранный и обработанный в течение ряда лет самим автором, кроме того, использованы музейные собрания и большая литература. С большим знанием описаны некоторые старинные орудия и бытовые предметы, вышедшие в недавнем прошлом из употребления и сохранившиеся только в музейных коллекциях, например, лук и стрелы, свадебная кибитка, самодельные гигрометры, деревянные замки, разнообразные ловушки для ловли зверей и птиц и т. п. Страстный собиратель и большой знаток народной марийской одежды, Т. А. Крюкова сумела сжато охарактеризовать все основные типы народного марийского костюма.

Разработкой некоторых вопросов этнографии марийцев занималась Л. А. Витухновская²¹ (доцент кафедры истории Марийского государственного педагогического института).

Большую плодотворную работу по изучению хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры отдельных этнографических групп марийцев провела К. И. Козлова²². Она опубликовала ряд статей о восточных и северо-западных марийцах, о различных подгруппах луговых марийцев, об этнических связях марийцев с соседями, об особенностях этнической общности марийцев в середине и второй половине XVI в.

¹⁷ Т. А. Крюкова, Современная женская одежда народов Поволжья, «Сов. этнография», 1950, № 2.

¹⁸ Т. А. Крюкова, Этнографическое изучение марийского народа, «Уч. зап. МарНИИ», вып. V, Йошкар-Ола, 1953, стр. 133—161.

¹⁹ Т. А. Крюкова, Марийская вышивка, Л., 1951.

²⁰ Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола, 1956.

²¹ Л. А. Витухновская, Как возникла религия, «Ончыко», 1954, № 6; ее же, К вопросу об этнографическом изучении материальной и духовной культуры марийского народа, «Ончыко», 1955, № 2; ее же, К вопросу об этнографическом исследовании колхозной деревни национальных районов СССР, «Уч. зап. МГПИ», т. IX, Йошкар-Ола, 1956.

²² К. И. Козлова, Восточные марийцы, «Труды МарНИИ», вып. IX, Йошкар-Ола, 1958, стр. 90—109; ее же, Марийцы Горьковской и Кировской областей, «Труды МарНИИ», вып. XVI, Йошкар-Ола, 1961, стр. 181—194; ее же, Краткая характеристика этнографических работ в Марийской АССР в 1956 году, «Труды МарНИИ», вып. XI, Йошкар-Ола, 1958, стр. 123—130; ее же, Полевые этнографические работы 1960 года по изучению марийского населения, «Труды МарНИИ», вып. XVI, Йошкар-Ола, 1961, стр. 195—211; ее же, Об этнических связях чувашей и марийцев, «Вестник МГУ. История», 1958, № 4; ее же, Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии, «Происхождение марийского народа», сб. статей, Йошкар-Ола, 1967, стр. 110—119.

В 1964 г. К. И. Козлова выпустила учебное пособие (первую сводную работу) по этнографии народов Поволжья²³.

К. И. Козлова изучала и такие важнейшие формы социальной организации марийского крестьянства в феодальную эпоху, как соседская («волостная») община и патронимия²⁴. Она считает, что марийская община, ее составные части в XVII—XVIII вв. представляли «территориально-соседские поселения различной величины»²⁵. Вместе с тем у марийцев долго сохранялись большие семьи и патронимические союзы, нередко составлявшие компактные группы дворов — «усады».

К. И. Козлова занималась также теми группами марийцев, которые известны со времени присоединения Среднего Поволжья к России («черемиса кокшайская», «черемиса ветлужская», «горная черемиса», «луговая черемиса») ²⁶. Она высказала далеко не бесспорную мысль о том, что разнообразие этих групп объясняется не только их территориальной разобщенностью, но и происхождением от различных древнемарийских племенных общностей, которые с разрушением родовых связей, перемещениями и смешением с соседним одноязычным населением послужили этническим ядром вновь формирующихся земляческих объединений. Вряд ли тогда, на рубеже XVI и XVII вв., уже активно действовали такие социально-экономические силы, которые бы стягивали автономные группировки родственного по языку населения в устойчивую этносоциальную общность²⁷. Думается, что автор идентифицирует территориальные группы марийского населения с этнолингвистическими.

В одной из своих статей К. И. Козлова анализирует многовековые марийско-русские этнокультурные взаимоотношения²⁸.

Результатом многолетних работ К. И. Козловой по изучению всех этих важных теоретических проблем явилась докторская диссертация «Очерки исторической этнографии марийского народа».

В 1962 г. этнографическая экспедиция МарНИИ (руководитель Г. А. Сепеев) побывала в 17 населенных пунктах Бирского, Мишкинского и Калтасинского районов Башкирской АССР и собрала ценный материал о переселении и расселении восточных марийцев (территориально оторванных от основной массы марийского населения), их хозяйственно-экономической деятельности, поселениях и жилищах, одежде и пище²⁹. Г. А. Сепеев подчеркивает, что восточные марийцы — это отдельная своеобразная этнографическая группа марийского народа со своими специфическими особенностями быта и культуры.

В этнографическом отношении к восточным следует относить марийцев, проживающих к востоку от р. Вятки — в Прикамье и Приуралье. Эта группа марийцев — переселенцы с коренной территории, испытывавшие заметное влияние соседних народов³⁰. Складыванию своеобразных признаков быта и культуры восточных марийцев, созданию предпосылок для формирования их специфических черт способствовали длительные хозяйственно-экономические, политические и культурные связи этой группы марийцев с различными народами Приуралья и Прикамья, глав-

²³ К. И. Козлова, *Этнография народов Поволжья, учебное пособие*, М., 1964.

²⁴ К. И. Козлова, *Соседская община и патронимия у марийцев феодального периода*, «Вестник МГУ», 1969, № 6, стр. 43—55.

²⁵ Там же, стр. 51.

²⁶ К. И. Козлова, *Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России*, «Сов. этнография», 1968, № 6.

²⁷ Там же, стр. 38.

²⁸ К. И. Козлова, *Марийско-русские этнические границы и связи в XVII—XVIII вв.*, «Труды МарНИИ», вып. XXIII, Йошкар-Ола, 1971, стр. 213—236.

²⁹ См. Г. А. Сепеев, *Несколько замечаний о материальной культуре восточных марийцев*. (По итогам этнографической экспедиции 1962 года), «Труды МарНИИ», вып. XIX, Йошкар-Ола, 1964, стр. 209—230; его же, *К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев*, «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967.

³⁰ Г. А. Сепеев, *К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев*, стр. 129—140.

ным образом с татарами и башкирами³¹. Начиная с середины XIX в. значительно ускорились темпы формирования специфических этнографических черт в материальной и духовной культуре восточных марийцев. К концу XIX в. в этнографической литературе (Т. Семенов, П. Ёрусланов, Д. П. Никольский) для обозначения уральских марийцев появляется термин «восточные черемисы», т. е. восточные марийцы.

Г. А. Сепеев, занимаясь изучением причин, масштабов и этапов переселения марийцев в Прикамье и Приуралье³², установил, что случаи эпизодических переселений марийцев в Камско-Вятское междуречье и Приуралье относятся к концу XV — первой половине XVI в. Миграции усилились после присоединения территории марийцев к России в 1551—1552 гг. Бегство марийцев на восток стало массовым в XVIII в. Основными причинами этого, по мнению Г. А. Сепеева, были: усиление феодального гнета, захват ясачных земель, религиозные гонения и политика христианизации нерусского населения.

Г. А. Сепеев на основе анализа двух документов, обнаруженных им в архиве АН СССР (Ленинград), — «Объявления о деревне Батемировка и о состоянии в ней живущих черемис» и «Описания о черемисском народе, которые живут в Верхотурском уезде при реке Бисерть», осветил вопросы хозяйственного быта и материальной культуры восточных (или уральских) марийцев в первой половине XVIII в.³³

Серьезным вкладом в изучение культуры и быта современного марийского сельского населения явилась статья Г. А. Сепеева о современном жилище марийцев³⁴. Автор в течение 1966—1969 гг. руководил этнографической экспедицией, организованной Марийским научно-исследовательским институтом, во время которой был собран богатый анкетно-статистический материал, позволяющий охарактеризовать современное марийское жилище в Горномарийском, Звениговском, Маркинском, Ново-Торьяльском и Советском районах.

Интересна историографическая работа Г. А. Сепеева об изучении этнографии мари³⁵. Некоторые работы, посвященные казалось бы узким вопросам, обращают на себя внимание новизной источников или подхода к теме. Например, Г. Н. Айплатов обратил внимание этнографов на необходимость изучения марийских знамен XVII в. в историко-этнографическом аспекте³⁶.

Подробное описание счетных бирок (шерева) марийцев конца XIX в., употреблявшихся в качестве долговых обязательств и квитанций, и расшифровка зарубок на бирках сделана Н. Т. Пенгитовым³⁷. Тщательный анализ всех обозначений на бирках привел автора к выводу о том, что по ним можно судить об экономическом состоянии крестьян.

Этнографии народов Поволжья и Приуралья, в том числе и марийцев, посвящены специальные главы обобщающих трудов Института этнографии АН СССР.

³¹ См. например: Г. А. Сепеев, Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев, «Труды МарНИИ», вып. XXII, Йошкар-Ола, 1967, стр. 194—209.

³² Г. А. Сепеев, К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье, «Труды МарНИИ», вып. XXII, Йошкар-Ола, 1967, стр. 115—130.

³³ Г. А. Сепеев, Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах, «Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья», сб. статей, Казань, 1965, стр. 83—92.

³⁴ Г. А. Сепеев, Современное жилище марийского сельского населения. Новые страницы в истории Марийского края, «Труды МарНИИ», вып. XXIII, Йошкар-Ола, 1971, стр. 179—212.

³⁵ Г. А. Сепеев, Этнография, в кн. «Развитие финно-угроведения в Марийской АССР», Йошкар-Ола, 1970, стр. 74—99; его же, Этнографическое изучение марийского народа, «Научная конференция Гос. этнографического музея Эстонской ССР», Тарту, 1970, стр. 17, 18.

³⁶ Г. Н. Айплатов, Марийские знамена XVII в. как историко-этнографический источник, «Сов. этнография», 1966, № 4.

³⁷ Н. Т. Пенгитов, К вопросу о счетных бирках у марийцев, «Труды МарНИИ», вып. XIV, Йошкар-Ола, 1959, стр. 151—155.

Во втором томе издания «Народы мира» — «Народы Европейской части СССР»³⁸ содержится историко-этнографическое описание неславянских народов, населяющих эту часть территории нашей страны.

В главе «Марийцы» (автор Т. А. Крюкова) содержатся общие сведения о марийцах, дается характеристика их хозяйства (сельского хозяйства, охоты, рыболовства, домашнего производства, ремесел и промыслов, промышленности, средств сообщения и связи), материальной культуры (поселений, жилищ, одежды и пищи), семьи и общественных отношений, духовной культуры (фольклора и литературы, изобразительного искусства, театра и музыки). Глава, написанная с учетом новейших полевых материалов, собранных экспедициями и отдельными исследователями, является попыткой обобщенного описания важнейших массовых форм материальной и духовной культуры марийцев.

Этнографическое описание марийцев дано в книге «Очерки общей этнографии (Европейская часть СССР)»³⁹. Автор В. Н. Белицер дает краткие исторические, географические, антропологические и лингвистические сведения о марийцах, описывает условия хозяйства, материальную культуру (поселения, постройки, одежду, пищу и пр.), семейный и общественный быт, народное творчество, освещает особенности их быта в прежние времена и изменения, происшедшие за годы Советской власти, особое внимание уделяет современным культуре и быту.

Несомненный интерес для этнографов представляют труды по истории религии марийцев. А. В. Краснов и Н. С. Капустин занимались изучением дохристианских верований марийцев и путей преодоления религиозных предрассудков среди них⁴⁰. Социально-психологическим аспектом возникновения дохристианских верований у мари посвящена статья П. С. Голубкина⁴¹. М. Ф. Нехорошков⁴² и В. С. Соловьев⁴³ занимались изучением религии марийцев на более поздних этапах. Особенности преодоления религиозных пережитков среди колхозного крестьянства рассмотрены Н. С. Софроновым⁴⁴.

Подводя итоги этнографического изучения марийского народа за годы Советской власти, можно сказать, что большая работа, проделанная этнографами Марийской АССР, Москвы и Ленинграда по разработке важнейших вопросов этнографии марийцев, открывает благоприятные возможности для создания фундаментальных трудов, посвященных изучению материальной культуры и быта рабочих, колхозного крестьянства Марийской АССР.

³⁸ «Народы Европейской части СССР» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), II, М., 1964, стр. 510—547 (библиография на стр. 849).

³⁹ «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР», М., 1968, стр. 365—374.

⁴⁰ А. В. Краснов, Возникновение дохристианских верований марийцев, Йошкар-Ола, 1959; его же, Религиозные предрассудки среди мари и пути их преодоления, Йошкар-Ола, 1964 (на мар. яз.); Н. С. Капустин, Некоторые особенности религиозных пережитков в Марийской АССР и их преодоление, «Труды МарНИИ», вып. XIX, Йошкар-Ола, 1964; его же, Пережитки древних религиозных верований и борьба с ними, Йошкар-Ола, 1968.

⁴¹ П. С. Голубкин, Некоторые вопросы из истории дохристианских верований народа мари, «Уч. зап. Куйбышевского гос. педагогического ин-та», вып. 76, Куйбышев, 1970, стр. 106—127.

⁴² М. Ф. Нехорошков, Семья и религия, Йошкар-Ола, 1969; его же, Христианство и брачно-семейные отношения, Автореферат канд. дис., Казань, 1971.

⁴³ В. С. Соловьев, Время и религия, Йошкар-Ола, 1968.

⁴⁴ Н. С. Софронов, Отход крестьянства Марийской АССР от религии и церкви в 20—30-х годах, «Сборник трудов Поволжского лесотехнического ин-та», № 58, вып. I, Йошкар-Ола, 1967, стр. 73—84; его же, Некоторые актуальные вопросы создания системы атеистического воспитания в сельской местности, «Сборник трудов Марийского политехнического ин-та им. М. Горького», № 59, вып. I, Йошкар-Ола, 1969, стр. 126—134.

К. Г. Кузаков

СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОРЯКСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В печати уже сообщалось о социолого-лингвистических исследованиях в Сибири, проводимых Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с Центральным статистическим управлением при Совете Министров РСФСР. В опубликованных статьях были изложены задачи, цели и методика исследования, сообщались результаты предварительной обработки материалов обследования¹.

В настоящей статье рассматриваются некоторые результаты социолого-лингвистических исследований, проводившихся в Корякском национальном округе Камчатской области в 1968 г.

Этнический состав Корякского национального округа довольно сложен. Из малых народностей Севера здесь живут коряки, ительмены, чукчи и эвены. Хозяйственно-культурное освоение округа привлекло сюда значительное число переселенцев — русских и других национальностей. Это рыбаки, строители, специалисты по разным отраслям хозяйства и культуры. В результате удельный вес коренных народов в округе составлял, по данным переписи 1959 г., 27,7% всего населения. По своему социальному составу коренные жители — в основном сельскохозяйственные рабочие (оленоводы совхозов) и колхозники (члены рыболовецких артелей). Из общей по СССР численности этих народов в Корякском национальном округе проживает большая часть ительменов, более 80% коряков, 9% чукчей и более 5% эвенов (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность малых народов Севера,
в том числе по Корякскому
национальному округу
по данным переписи

Националь- ность	Всего по СССР		В том чис- ле по окру- гу в 1959 г.
	1959 г.	1970 г.	
Коряки	6 287	7 500	5101
Ительмены *	1 109	1 300	900
Чукчи	11 727	14 000	1062
Эвены	9 121	12 000	520

* Б. О. Долгих, анализируя данные переписи 1959 г., полагал, что в числ. ительменов была включена часть русских камчадалов, и считал, что ительменов в округе примерно 800 чел. См. сб. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», М., 1970, стр. 22.

¹ См.: П. Ц. Биткеев, Научно-методическое совещание по проблемам функционального взаимодействия языков народов Сибири, «Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук» (далее Изв. СО АН СССР), Новосибирск, 1967, № 6, стр. 147, 148; сб. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967, стр. 29—46; В. А. Аврорин, Социолого-лингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири, там же; Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социально-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев, «Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ», вып. XIII, 1968; Ю. Б. Стракач, Изучение национальных отношений в Сибири, «Изв. СО АН СССР», 1968, № 6, стр. 129; его же, Социолого-лингвистические исследования в Сибири, «Изв. СО АН СССР», 1969, № 6, стр. 157, 158; З. Б. Стракач, В. А. Туголуков, Социолого-лингвистические исследования в Сибири, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 158, 159; В. А. Аврорин, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, «Вопросы языкознания», 1970, № 1.

Социолого-лингвистическое обследование проводилось выборочно. Поэтому очень важно было установить принцип выбора населенных пунктов, а также отбора лиц, подлежащих анкетированию.

Для обследования было отобрано девять населенных пунктов в трех районах: в Тигильском районе — Верхнее Хайрюзово, Ковран и Лесная; в Олюторском районе — Вывенка, Ветвей, Ачай-Ваям и Хаилино; в Пенжинском районе — Манилы и Аянка.

Состав населения указанных пунктов отвечал задачам работы; здесь были представлены все народности округа: ительмены (В. Хайрюзово,

Таблица 2

Поселки, где был проведен
анкетный опрос

Населенный пункт	Численность населения, чел.		
	всего	в том числе представителей народов Севера	анкетировано
Аянка	196	165	117
Манилы	249	179	134
Ачай-Ваям	358	304	259
Хаилино	478	381	188
Ветвей	201	178	100
Вывенка	710	338	322
Лесная	426	406	239
Ковран	548	416	257
В. Хайрюзово	243	212	196

Ковран), чукчи (Аянка, Хаилино, Ачай-Ваям), эвены (Хаилино, Аянка), а также коряки береговые (Лесная, Вывенка, Манилы) и коряки тундровые (Хаилино, Ачай-Ваям).

В числе выбранных поселений имелись как относительно однородные по национальному составу (Лесная, В. Хайрюзово, Ковран), так и смешанные (Аянка, Ачай-Ваям, Хаилино).

Выбор этих поселений соответствовал и другому требованию: среди них были пункты, расположенные поблизости от районных центров (Манилы, Вывенка), а также удаленные от них (Аянка, Ачай-Ваям, Хаилино, Лесная).

Наконец, население этих мест разнородно по социальному составу: здесь живут и колхозники (В. Хайрюзово, Лесная, Манилы, Вывенка), и рабочие совхозов (Аянка, Ачай-Ваям, Хаилино). Разумеется, обследовалась и местная интеллигенция.

Камчатский облисполком до нашего выезда направил в соответствующие райисполкомы, сельские советы и руководителям предприятий письма, в которых отмечалась важность проводимой работы и содержалась просьба оказывать командированым необходимую помощь. Предусматривалось, что в населенные пункты Тигильского района выедет К. Г. Кузаков, Пенжинского — Н. О. Нанан и Олюторского — А. Н. Лахтой. Были разработаны конкретные маршруты, график посещения населенных пунктов.

По приезде в районы обследования каждый из членов экспедиции знакомился с похозяйственными книгами, на основании которых с помощью местных работников намечались для обследования конкретные семьи. Затем подбирались те, кто будет проводить анкетирование, в основном учителя, которые получали от нас необходимый инструктаж, чистые бланки, списки намеченных для обследования семей.

Анкеты заполнялись в ходе личной беседы с каждым из обследуемых. Со слов других лиц заполнялись только графы, касающиеся детей дошкольного возраста, лиц, находящихся в отъезде, а также инвалидов, которые сами не могли отвечать на вопросы.

Некоторые вопросы, заданные по-русски, для лиц пожилого возраста оказывались непонятными, тогда вопрос переводился на родной язык. Анкетеры хорошо понимали, что в каждой графе и строке должны быть с предельной точностью отражены фактические данные относительно опрашиваемого лица и его собственное продуманное мнение.

Таблица 3

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Корякские	41	125	3,0
Корякско-чукотские *	1	2	2,0
Чукотско-корякские	1	3	3,0
Бурятско-корякские	1	4	4,0
Всего	44	134	3,0

* В смешанных семьях здесь и далее указана сначала национальность мужа, а потом жены.

Таблица 4

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семей
Эвенские	15	55	3,6
Чукотские	6	33	5,5
Чукотско-эвенские	2	6	3,0
Эвенско-корякские	2	10	5,0
Корякско-эвенские	1	4	4,0
Чукотско-корякские	1	5	5,0
Русско-эвенские	1	4	4,0
Всего	28	117	4,1

Таблица 5

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Корякские	59	254	4,3
Чукотские	3	7	2,3
Корякско-чукотские	1	4	4,0
Чукотско-корякские	3	14	4,6
Корякско-эвенские	1	8	8,0
Корякско-русские	4	9	2,2
Русско-корякские	6	21	3,5
Якутско-корякские	1	5	5,0
Всего	78	322	4,1

Таблица 6

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Чукотские	9	61	6,6
Эвенские	7	31	4,4
Корякские	8	34	4,2
Чукотско-эвенские	2	12	6,0
Эвенско-чукотские	2	10	5,0
Чукотско-корякские	2	10	5,0
Корякско-чукотские	6	30	5,0
Всего	36	188	5,2

Таблица 7

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Чукотские	17	81	4,8
Корякские	5	19	3,8
Всего	22	100	4,5

Таблица 8

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Чукотские *	47	181	3,8
Эвенские	6	20	3,3
Корякские	2	8	4,0
Русско-эвенские	2	7	3,5
Эвенско-чукотские	5	27	5,4
Чукотско-эвенские	1	6	6,0
Эвенско-корякские	1	2	2,0
Чукотско-корякские	1	4	4,0
Белорусско-эвенские	1	2	2,0
Татарско-чукотские	1	2	2,0
Всего	67	259	3,9

* Почти все эти семьи называли своим родным языком корякский. Вероятно, они ошибочно отнесены к чукотским (коряки-оленьеводы называют себя чавчыв, отчего, видимо, и были записаны чукчами). В 1969 г. эту группу специально обследовали И. С. Гурвич и А. И. Яйлеткан и выяснили, что ачай-ваямские оленеводы принадлежат к корякам (см.: И. С. Гурвич, А. И. Яйлеткан, Ачай-ваямская группа коряков-оленьеводов, «Краеведческие записки Камчатского областного музея», вып. 3, Петропавловск-Камчатский, 1970).

Таблица 9

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Ительменские	23	96	4,1
Корякские	4	22	5,5
Ительменско-русские	9	45	4,6
Русско-ительменские	4	33	8,2
Всего	40	196	4,9

Таблица 10

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Ительменские	48	233	4,8
Корякские	2	11	5,5
Ительменско-русские	2	4	2,0
Русско-ительменские	4	9	2,5
Всего	56	257	4,6

Таблица 11

Численность и национальный состав анкетированных семей округа

Национальный состав семей	Число семей	В них чел.	Средний состав семьи
Корякские	200	703	3,5
Чукотские	82	363	4,4
Ительменские	71	329	4,6
Эвенские	28	106	3,8
Корякско-чукотские	8	36	4,5
Корякско-эвенские	2	12	6,0
Корякско-русские	4	9	2,2
Чукотско-эвенские	5	24	4,8
Чукотско-корякские	8	36	4,5
Ительменско-русские	11	49	4,4
Эвенско-чукотские	7	37	5,2
Эвенско-корякские	3	12	4,0
Русско-корякские	8	30	3,7
Русско-эвенские	5	15	3,0
Русско-ительменские	8	42	5,2
Якутско-корякские	1	5	5,0
Бурятско-корякские	1	4	4,0
Всего	452	1812	4,0

В каждом населенном пункте анкеты заполняли предусмотренную инструкцией специальную справку, по данным которых составлена табл. 2.

В населенных пунктах, в которых проводилось анкетирование, живет более 10% населения округа и свыше одной трети общей численности народностей Севера в данном округе. Непосредственно анкетированием было охвачено 1812 человек, что составило почти четвертую часть коренных жителей в Корякском национальном округе.

Остановимся теперь на характеристике численности и национального состава обследованных семей.

В Пенжинском районе обследовано два населенных пункта.

Манилы — крупный населенный пункт, расположенный в 60 км от районного центра. Это хозяйственный центр рыболовецкого колхоза им. XXII партсъезда. Здесь живут коряки-рыбаки и коряки-оленоводы, а также отдельные семьи чукчей и значительное число приезжих (табл. 3).

Аянка — хозяйственный центр оленеводческого совхоза «Полярная звезда». Расположен на крайнем северо-западе района, у границ с Чукотским национальным округом. В составе населения преобладают чукчи, эвены и коряки (табл. 4).

В Олюторском районе для анкетирования были отобраны четыре населенных пункта — Вывенка, Хаилино, Ветвей, Ачай-Ваям.

Вывенка — хозяйственный центр крупного рыболовецкого колхоза имени Ленина, расположен в устье одноименной реки, в 60 км от районного центра. Примерно половину населения поселка составляют коряки, другую — приезжие. Анкетированием было охвачено 78 семей (322 чел.) (табл. 5).

Хаилино — хозяйственный центр Корфского оленеводческого совхоза. Расположен к северу от районного центра, в глубине тундры (табл. 6).

Ветвей — населенный пункт, расположенный на р. Вывенке, отделение Корфского совхоза (табл. 7).

Ачай-Ваям — хозяйственный центр Пахачинского оленеводческого совхоза, расположен в верховьях р. Апука, к северо-востоку от районного центра (табл. 8).

В Тигильском районе проведено анкетирование населения пос. В. Хайрюзово, Ковран и Леснае.

В. Хайрюзово — отделение рыболовецкого колхоза «Красный Октябрь», расположено в 60 км от устья р. Хайрюзово. Прежде там жили только ительмены. Сейчас живут также коряки и русские (табл. 9).

Ковран — отделение рыболовецкого колхоза «Красный Октябрь», расположено недалеко от устья одноименной реки (табл. 10).

Наконец, самым северным поселком Тигильского района является с. Лесная, расположенное на побережье Охотского моря, у устья р. Лесной, в 70—80 км от окружного центра. Здесь было опрошено 79 корякских и две русско-корякских семьи, всего 239 человек.

Итоговые данные о национальном составе анкетированных семей в Корякском национальном округе приведены в табл. 11.

Данные табл. 11 свидетельствуют о том, что наряду с чисто корякскими, чукотскими, ительменскими и эвенскими семьями в Корякском национальном округе много смешанных по национальному составу семей. Если отбросить данные о приезде населения, то приведенные цифры национального состава отражают в целом картину национального состава населения всего округа.

В условиях разнообразного национального состава семей вопросы функционального взаимодействия языков народностей округа приобретают особое значение. Полная машинная обработка анкет производится в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

Л. С. Кишкин

О СИНТЕЗЕ НАРОДНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ШПАЛИЧКОМ» М. АЛЕША)

Миколаш Алеш (1852—1913) — крупнейший чешский художник, творчество которого (графика и живопись — всего около 8000 работ) составило целую эпоху в развитии чешского национального искусства и, к сожалению, до сих пор еще мало известно за пределами его родины. Произведения Алеша, составляющие вершину чешского реалистического изобразительного искусства конца XIX — начала XX в., глубоко национальны и прогрессивны по содержанию. В них нашла широкое отражение жизнь, борьба и историческое прошлое чешского народа. Алеш оказал огромное прогрессивное влияние на развитие всей чешской культуры. Его жизнь и творчество — яркий пример участия передовых деятелей чешского искусства в борьбе за прогресс и свободу народа, за демократические преобразования общественной жизни.

Алеш очень популярен у себя на родине. То, за что в молодости осуждали художника — обращение к традициям национальной культуры, народность и реализм искусства — оказалось тем драгоценным и главным, что обеспечило его творчеству широкое признание и всенародную любовь. Демократизм мышления, глубокое патриотическое проникновение в историю народа, интернационализм, дружеский интерес к судьбе других славянских народов, в том числе к жизни и культуре русского народа — все это характерные черты очень многообразного творчества Алеша.

Творческая деятельность художника, начавшаяся в 70-е годы, когда он еще учился в Пражской художественной академии, отличалась необычайной многогранностью. Алеш проявил себя как исторический живописец (картины «Гуситский табор», 1877 г.; «Встреча Иржи из Подебрад с Матиашем Корвином», 1878 г. и др.); создал целый ряд графических циклов, в том числе знаменитый патриотический цикл «Родина» (1880—1881), воспроизведенный в люнетах фойе Национального театра в Праге. Ему принадлежат десятки своеобразных проектов настенных росписей, исполненных для архитекторов. Воссозданные в технике граффито, они и сейчас украшают многие дома Праги, Пльзня и других чешских городов. По проекту Алеша было осуществлено декорирование стен и сводов вестибюля Староместской ратуши в Праге.

Большое место в творчестве художника занимает книжная графика. Он не раз иллюстрировал произведения чешских классиков. Существенным событием в развитии чешской книжной графики стали иллюстрации Алеша к широко известной книге Ф. Л. Челаковского «Отголоски русских песен». Очень любил Алеш делать рисунки к народным сказкам, загадкам, пословицам и особенно песням.

Следует подчеркнуть, что все художественное наследие Алеша тесно связано с традициями народного изобразительного искусства и с народным творчеством вообще. В разных произведениях это проявилось по-разному. В одних случаях художник украшает древних героев унетическими браслетами, орнаментированными поясами, вводит в интерьер

жилища языческих славян предметы народного творчества, в частности орнаментированные керамические сосуды, в других — этнографически точно воспроизводит костюмы различных местностей Чехии, специфический облик крестьянского жилища, мебели, домашней утвари. Следует сказать, что Алеш был одним из лучших знатоков истории чешского народного костюма. В работах, посвященных вопросам архитектуры, художник широко использовал элементы национального народного орнамента. Особенно же сильно и отчетливо его связь с народным искусством проявилась в иллюстрациях к народным песням.

Необычайно популярна в Чехии книга «Шпаличек», куда входит около трехсот очень своеобразных иллюстраций Миколоша Алеша к народным песням и пословицам (в основном чешским, а отчасти и словацким).

Слово «Шпаличек» — буквально «маленькая деревянная колода», «брусок дерева». В древней Чехии «шпаличками» называли толстые книги, состоящие из скрепленных тонких дощечек, покрытых воском. На этих дощечках острыми металлическими стержнями делали необходимые записи. Позже так стали называть большие книги, в частности сборники духовных песен, первоначально, по-видимому, имевшие деревянную обложку.

В XVII, XVIII и XIX вв. чешские крестьяне называли «шпаличками» своеобразные «песенники», которые в каждой семье составлялись из привозимых с базаров и ярмарок лубочных листовок с рисунками и песенными текстами. Речь идет о так называемых «крамаржских» песнях (духовных и светских), которые были тесно связаны со всей культурной жизнью народа, с его творчеством. Не удивительно поэтому, что собрание рисунков Алеша к текстам народных песен и пословиц было озаглавлено «Шпаличек». В этих рисунках художник-профессионал широко использовал опыт народного творчества.

«Шпаличек» создавался Алешем на протяжении всей его творческой жизни, с середины 70-х годов прошлого века и почти до смерти (1913). Составившие эту книгу рисунки первоначально воспроизводились в журналах, печатались как дешевые народные картинки. Первое издание собрания иллюстраций к народным песням и пословицам появилось в 1906, а его продолжение в 1912 г. Книга издавалась много раз, причем огромными для Чехословакии тиражами.

В чем тайна этого успеха, в чем секрет необычайной популярности рисунков «Шпаличка»? На этот вопрос и хотелось бы по возможности ответить. Органически целое по стилю, по общей тематике и по жанровым признакам собрание рисунков — песен, которые составили «Шпаличек», возникло в результате многолетней работы. Алеш как бы переводил образы народных песен на язык графического искусства. При этом рисунки к песням по силе своего художественного воздействия не только не уступают песенным текстам, но нередко и превосходят их.

Получая от словесных образов эмоциональные импульсы, художник обогатил и дополнил их, выделил в них главное и, таким образом, выступил достойным партнером анонимных авторов народных песен, пословиц и загадок. Сила воздействия рисунков Алеша объясняется не только тем, что песенные строки (часто в «Шпаличке» мы встречаем отрывки из песен, а не целые тексты), получили у художника мастерскую графическую интерпретацию, развивавшую крамаржскую традицию, что его чарующие рисунки позволили чешским читателям — зрителям не только прочесть, услышать, но и увидеть широко известные песенные образы, со многими из которых они были знакомы с детства. Сила воздействия рисунков Алеша коренилась еще в неисчислимых зрительных ассоциациях, которые они вызывали, а так же в том, что рисунки «Шпаличка» представляли собой развернутую панораму чешской сельской жизни конца XVIII — начала XIX в. И в этом смысле все собрание рисунков можно рассматривать как своеобразное целостное произведение. Как и в дере-

венских песенниках-шпаличках, в «Шпаличке» Алеша отразились вкусы и взгляды самого собирателя (художник иллюстрировал не всякую песню и поговорку) и творца, отмеченные глубоким патриотизмом, свободоловием, теплой симпатией к сельским труженикам, нежной любовью к родной чешской природе. Уходя своими корнями в народную культуру, «Шпаличек» Алеша сам явился крупным и оригинальным явлением, способствовавшим ее дальнейшему прогрессивному развитию. Это произведение заслуживает раздумий художников, фольклористов, этнографов, историков культуры.

В «Шпаличке» всесторонне показана жизнь чешского, а иногда и словацкого крестьянина, изображен весь ее естественный ход, от зимы до осени, от колыбели до гробовой доски. Художник, следуя песенным текстам, рисует жизнь крестьянина во всем многообразии, привлекая внимание и к большому и к малому — ко всему, что окружало сельского жителя, с чем он встречался на своем жизненном пути, что волновало его, радовало или печалило. При этом Алешу удается очень тонко сочетать этнографическую документальность изображений с глубоким лиризмом и подлинной поэтичностью. Останавливая свой взгляд порою на казалось бы очень незначительных явлениях сельской жизни, художник достигает поразительного эффекта, через крупницу частного показывает общее, заставляет увидеть в капле море. Его рисунки сливаются с песней. Силой своего воображения, разбуженного народной песней, он воссоздает обобщенный образ своего народа, показывает те живые нити, которые связывают одно поколение с другим. Может быть, именно в этом одна из причин того, что «Шпаличек» не стареет и как прежде продолжает волновать, хотя чувства и мысли современного человека отличны от переживаний и мнений современников Алеша. И надо сказать, что эмоциональное воздействие книги определяется не только содержанием, но и своеобразной формой, вобравшей в себя изобразительные элементы разных областей народного искусства.

В «Шпаличке» Алеш как бы возродил характерный для старинного искусства контакт словесного изложения с рисунком. Разумеется, это не было простым повторением давних традиционных форм. Это было своеобразное творческое развитие традиций, восходящих к средневековым иллюминированным рукописям, народным песенникам, которые позже нашли свое продолжение в лубочных изданиях со скромными и несколько примитивными гравюрами. Вместе с тем Алеш использовал в рисунках «Шпаличка» свое глубокое знание народного изобразительного творчества (орнаментов, узоров, вышивок, образов кукольного народного театра), а также «писмацкого» искусства. Сельские грамотеи и хронисты («писмаки») вели записи о рождениях и смертях, о деревенских событиях, погоде, урожае, стихийных бедствиях, и т. д. Эти записи делались особым, старательно отработанным почерком, или же своеобразными «печатными» буквами. Изучение «писмацкого» опыта помогло Алешу выработать принципы шрифтового воспроизведения отрывков иллюстрируемых песен и поговорок. В результате слияния тенденций всех этих традиций и их творческого переосмысления Алешем возник необычный и своеобразный изобразительный стиль, характерный для «Шпаличка».

«Творчество Алеша,— говорит чешский искусствовед М. Мичко,— явно преодолевает границы между искусством художника и поэта... Эстетики говорят, что первое является искусством пространства, а второе — времени; одно скорее способно постигнуть вещи в покое, другое — в движении и действии. И хотя для такой классификации есть какие-то основания, произведения Алеша позволяют хорошо понять, сколь она поверхностна. В рисунках Алеша действие развивается, не только весь цикл, но и отдельные его слагаемые полны событий и движения, движением исполнен каждый штрих. При этом песня, соединенная с рисунком, оказывает на нас влияние и графическим расположением текста,

зрительным объединением и мысленным соотношением слова и образа»¹. Эти мысли представляются верными:

Общей моделью, говоря языком современной науки, применимой к каждому из входящих в «Шпаличек» произведений, является органическое сочетание песенных текстов с изображением и орнаментальными элементами. Обычно как словесную основу (для иллюстрации) Алеш брал одну, две или более песенных строф, как правило, начальных, и создавал по ним рисунок. Текст в своеобразном шрифтовом оформлении в большинстве случаев воспроизводился самим художником, но иногда он делал лишь одну только буквицу, а текст набирался. Но в обоих случаях объем текста и его расположение гармонически сочетались с композицией графического изображения. Шрифтовой, рисованный текст, конечно, был более тесно и органично связан с рисунком и давал художнику большую свободу в композиционных решениях. Наборные тексты почти всегда идут под рисунком или же располагаются в нижнем правом углу, что определялось, по-видимому, требованиями полиграфии. Содержание рисунка — и в тех случаях, когда он как бы иллюстрировал всю песню, и в тех случаях, когда он больше относился непосредственно к избранному тексту, как правило, шире словесного содержания. Часто рисунки-песни предстают как символы, своеобразные графические извлечения самого главного и характерного из содержания народной песни. Но в то же время нередко это и широкие обобщения, как бы приоткрывающие тот неповторимо привлекательный целостный мир и составляющую его сумму зрительных образов, которые народные песни порождают в сознании слушателей, вызывая у них множество конкретных представлений, связанных с личным жизненным опытом и воспоминаниями. При этом художник выступал не только в качестве творца, но и как бы одним из этих слушателей, для которого песня была не только источником эстетической радости, не только оружием в общественной борьбе, но и одной из естественных форм бытия национальной культуры.

Синтез словесного и изобразительного образов, восходящий к древней народно-книжной и отчасти крамаржской традиции, — это лишь одна из особенностей рисунков «Шпаличка». Есть и другая, не менее существенная, также связанная с обращением к опыту народного творчества.

Очень важным компонентом рисунков-песен Алеша являются орнаментально-декоративные элементы. Они окаймляют изображения, встречаются и в виде так называемых розетов, а иногда сплошной сеткой заполняют свободное от сюжетных изображений пространство. Если попытаться выделить основные начала орнаментовки, то, очевидно, их будет два. Одно из них, пожалуй все-таки определяющее, явно восходит к чешской народной национальной традиции: вышивкам, резьбе по дереву, круже-

Рис. 1. Иллюстрация к песне:
«Течет вода против воды,
ветер на нее дует —
моя синеглазая
из окошка смотрит»

¹ Цит. по кн.: М. А l e š, Venec národních písní, Praha, 1951, str. 11.

вам, узорам на одежде, ставнях, печах, пасхальных писанках, пряниках и т. д. Другое начало в значительной степени было создано самим художником, в процессе его работы над рисунками-песнями. Оно было подсказано Алешу самой природой. Очень часто, решая трудные задачи соединения текста и иллюстраций, а также и в декоративных целях, художник использует в «Шпаличке» стилизованные контуры сплетенных корней, выющихся и стелющихся растений, древесных ветвей и т. д. Однако

Рис. 2. Иллюстрация к песне: «Отец мой сторел...»

выделение этих двух стилевых орнаментально-декоративных начал весьма условно. Наряду с ними в рисунках Алеша встречаются и другие (например, идущие от искусства рококо) элементы орнамента. Заметим еще, что в чистом виде орнаментальные стилевые начала прослеживаются в «Шпаличке» далеко не всегда. Чаше они выступают в самых причудливых сочетаниях и комбинациях. И в этой области Алеш был новатором, создавшим свой собственный стиль, соответствовавший характеру, существу и назначению рисунков-песен.

Важную особенность орнаментовки «Шпаличка» составляет то, что зрителю и читателю порою трудно определить, где кончаются условно-орнаментальные изображения и начинаются реальные детали сюжетного рисунка (петухи с вышивок сосуществуют с петухами и курами, разгуливающими по земле, и т. д.). Если учесть столь же тесную связь орнаментальных элементов с шрифтовым текстом, то станет ясно, что именно они нередко являются основным звеном, соединяющим песенное слово с его графической интерпретацией. Такое художественное построение рисунков-песен соответствовало самой природе народных песен. И народная песня и народный орнамент обладали ярко выраженными национальными чертами и по своему генезису восходили к одним и тем же источникам, общим для всей чешской культуры. Границы между вымыслом, фантазией и реальными явлениями, между условно-символическим и конкретным в народной песне, как и во всем народном творчестве, обозначались далеко не всегда, а если и обозначались, то не очень четко. Это характерное свойство народного искусства Алеш использовал как один из художественных приемов при иллюстрации песен. Близкую орнаментальным элементам функцию в рисунках-песнях выполняли иногда и специальные рисованные буквы. Очень разнообразные (то возникающие из сплетения растений, то похожие на узорные инициалы на деревенских

полотенцах) они нередко также служили как бы мостиками между образами-изображениями и образами-словами.

Сюжетные графические образы рисунков-песен также отмечены влиянием народного творчества, народных образных представлений, которые по существу во многом синкретичны. Как правило, репродукции алешовских иллюстраций к песням делались с рисунков пером. Техника рисунка пером, которой Алеш владел в совершенстве, как нельзя лучше подходила для иллюстрации песен. Она позволяла наиболее эффективно использовать свободные от шрифтового текста пространства, создавать на маленьких площадях целые развернутые композиции, раскрывать не одну, а несколько навеянных песней тем.

Народные песни имеют свой метафорический язык, свою внутреннюю связь явлений и образов, свою поэтику. Чтобы иллюстрировать их, нужно было выработать особые средства и особые приемы. И Алеш успешно решил эту нелегкую задачу и как художник-профессионал, и как продолжатель народной изобразительной традиции, в частности лубочно-крамаржской. Показательна в этом смысле, например, иллюстрация к песне:

Отец мой сгорел,
и мать утонула,
брат погиб на войне,
как мне их жаль.

Все дальше и дальше
рвутся семейные нити:
сестру унесла чума,
меня погубит... любовь.

С точки зрения законов песенного построения здесь каждая строка имеет свою тематическую нагрузку и в соответствии с логикой песнетворчества связана с другими, составляет вместе с ними единое целое. Алеш сумел соединить песню и рисунок в целостный ансамбль и все это на половине тетрадной страницы, где показал и пожарище, и реку, и смерть брата в битве, и могилу сестры, и уходящего с девушкой в поле военного, а также и самую опечаленную героиню, с черными распущенными волосами и чуть наклоненной головой. Как и в песне, все это предстает перед зрителем как нечто единое. Специфические внутренние связи песенного текста (образ исполнительницы, сюжетная динамика ее мысли, печальная тональность) художнику удалось передать в иллюстрации.

Метафоричность словесных образов Алеш с успехом возмещал, а точнее дополнял в своих рисунках выработанной им особой графической метафоричностью. В «Шпаличке» часто встречаются символы. Так, на иллюстрации к воинской песне «Дай же цветочек...» изображен солдат,

*čist mi dej kytku,
kytku z dymánu.
musím tebe, milá,
opustiti k ránu.*

Рис. 3. Иллюстрация к песне:
«Дай же цветочек,
цветок дымяну,
должен тебя, милая,
покинуть к утру»

Рис. 4. Иллюстрация к песне:
«Там за рекой
две девушки с травой,
надо им переехать,
вставай перевозчик,
перевези мою девушку,
чтоб она не утонула»

Алеш заставляет зрителя дорисовывать в своем воображении иллюстрации к песням, усматривать в части целое. Поясные фигуры людей нередко вырастают в рисунках Алеша прямо из текста, круп лошади из орнамента, деревья изображаются без вершин и т. д. Во всех этих условностях, так же как и в иносказательности иллюстрированных образов Алеша, их смысловой многозначности, мы вправе видеть трансформацию условностей народного творчества как словесного, так и изобразительного. Можно было бы говорить и о других «графических тропах», созданных Алешем (аллегории, параллелизме, гиперболе, иронии), но и приведенные примеры убеждают в том, что в процессе иллюстрации песен художником была разработана соответствующая их народному характеру специфическая «изобразительная поэтика».

Существенную особенность алешовских иллюстраций составляет очень точное воспроизведение в них той материальной среды, которая окружала крестьянина, той обстановки, в которой рождались и жили песни. Деревенский дом, мельница, повозка, плуг, коса, сельская утварь, цветы и травы, бабочки и жуки, птицы и звери, разные домашние животные — всем этим зарисовкам могли бы позавидовать этнографы, ботаники, энтомологи, орнитологи и зоологи. Но художник подходил ко всему этому не как ученый. Все это, как и сельский пейзаж, как и купол виднеющейся вдали церкви, и могучая сосна, и резное оконце с выглядывающей из него деревенской красавицей, было частью того удивительного

прощающийся со своей милой, на поясе у него висит штык. Под буковицей художник поместил типично чешский ярмарочный сердцевидный пряник, пронзенный этим штыком, в чем нельзя не увидеть и шуточного символа, и доброй, лукавой усмешки. Для рисунков-песен характерен и такой изобразительный прием, который можно назвать графической синекдохой. На заднем плане рисунка изображено несколько колосков, но мы мысленно видим целое поле. В нижнем левом углу иллюстрации нарисован нос лодки и молодой перевозчик с шестом, несколькими волнистыми линиями обозначена вода. А зритель представляет себе и реку и лодку целиком, и даже как переправятся через реку девушки с вязанками сена, ожидающие перевозчика. Примером графического сравнения, соответствующего словесному, может быть рисунок «У пана на ногах шпоры, а у бедняка пальцы...», на котором изображен богато одетый всадник, со шпорами, подъезжающий к замку, и склонившийся перед ним босоногий оборванчик с сумой на плечах.

мира, в который его привела народная песня. Точность и конкретность иллюстраций не разрушали поэзии песенной образности. Условное и действительное, легендарное и историческое, сказочное и реальное (все это свойственно и песне) образуют в них чудесный сплав народного и профессионального начал в искусстве, одинаково сильно действующий на разум и сердце зрителя. Рисунки «Шпаличка» уже только в силу своей генетической связи с народным творчеством (словесным и изобразительным) глубоко национальны. Однако это не может служить преградой к их восприятию за пределами Чехии.

По своей функции в духовной жизни чешского народа и его просвещении «Шпаличек» может быть отчасти сравним с лучшими русскими лубочными изданиями, особенно рубежа XIX и XX вв. Схожесть между «Шпаличком» и русским лубком обнаруживается уже в том, что первоначально рисунки-песни Алеша, составившие впо-

следствии его книгу, часто были своеобразными картинками для народа, и по своему характеру и по способу распространения. Известная типологическая общность между рисунками «Шпаличка» и русскими лубочными картинками проявляется также и в том, что в обоих случаях мы имеем дело с синтетическими произведениями словесного и изобразительного искусства, так или иначе связанными с народным творчеством. Одна из характерных отличительных черт лубка — необычные и смелые приемы исполнения рисунка. То же характерно и для многих рисунков-песен из «Шпаличка». В них, как и в русских народных картинках, есть нечто идущее от народной эстетики, восходящее к образности вышивок и декоративной резьбы, главное нередко выделяется путем простого увеличения или заключения в овал, перспектива не всегда выдержана или вовсе отсутствует, масштабная соразмерность изображений порою не соблюдается. Правда, лубок часто имел линейное обрамление, при котором наборный или рисованный (обычно старославянская вязь) текст, хотя и определял место иллюстраций на листе, но не был столь прочно связан с ними, как у Алеша. Степень слияния текста, орнамента и рисунка у чешского художника, который почти не оконтуривал своих иллюстраций, несравненно большая.

До середины XIX в. русский лубок в основном был больше связан с былинной, сказкой, притчами, повестями и разного рода присловиями, отмеченными фольклорным влиянием. Лишь во второй половине века появляются так называемые «простовики» (черно-белые картинки на грубой серой бумаге) на темы русских народных песен («Лучина, лучинушка березовая...», «Во лузях, во лузях...», «Ай во поле, ай во поле...», «Пряди моя пряха...», «Вниз по матушке по Волге...» и др.). Безымянные русские

Рис. 5. Иллюстрация к песне:
«Я, парень с Моравы...»

художники безусловно почувствовали тогда огромные потенциальные возможности, которые таили в себе песни для лубка, для изображения жизни народа. Любопытно, что однажды как иллюстратор песни выступил В. М. Васнецов. Известны два его рисунка к бурлацкой песне: «Ох матушка Волга, широка и долга...» («Бурлаки тянут расшиву...», «Отдых бурлаков...», 1871). К сожалению, эти рисунки остались эпизодом в творческой жизни русского художника, во многом близкого Алешу.

В 70—90-е годы русские издатели лубочных картинок пытались привлечь к своему делу художников-профессионалов, в частности М. О. Микешина и В. М. Васнецова. Однако выполненные ими народные картинки «Эво наша Катерина — намалевана картина», «О пыгане, мужике и его кобыле» (Микешин) и «Страшный суд» (Васнецов) не стали событием в развитии этого жанра. «Рядом с неведомым, наивным рисовальщиком прошлых столетий, изображавшим «Страшный суд», Васнецов кажется настоящим исполином. Но вот деревня прошла мимо исполина и почему-то тянулась к старому привычному»² — вспоминает крупнейший издатель лубочных картинок И. Д. Сытин. Объяснение этому странному на первый взгляд явлению он дает следующее: «Очевидно есть в народном вкусе своя устойчивость, которая слагалась веками и от которой народу отказаться не легко»³.

В немногих лубках русских художников поначалу, вольно или невольно, собственно народное искусство было вытеснено профессиональным, правда, как бы приспособленным для народа. В них получили отражение не совсем точные представления о вкусе народа. Алеш пошел несколько иной дорогой. Не отказываясь от активного использования традиций чешского народного искусства, он в то же время успешно сочетал их с богатым опытом профессиональной графики. И это объясняет небывалый успех и признание его рисунков-песен, в которых было и традиционно привычное, издавна знакомое и любимое, и новое, умело привнесенное художником-профессионалом.

Мы попытались хотя бы отчасти приоткрыть тайну необычной популярности «Шпаличка», его неувядающей молодости. Долговременный успех рисунков-песен Алеша, как нам кажется, обусловлен тем синтезом элементов народного и профессионального искусства, который лежит в их основе. В своей статье мы коснулись лишь одной из существенных особенностей этой книги. Разумеется, есть и другие аспекты ее изучения: связь рисунков-песен со всем многообразным творчеством Алеша, история их изданий, структура «Шпаличка», непосредственный анализ его содержания и т. д. Все эти вопросы заслуживают специального рассмотрения, но это особая задача, которой в данном случае мы себе не ставили.

Произведения, в которых устное народное творчество соприкасается с профессиональной художественной литературой, многочисленны и широко известны. Это и сказки Пушкина, и «Снегурочка» Островского, и «Отголоски чешских песен» Челаковского, и многие стихи словацких поэтов (Само Халупка, Ботто, Краль). Соединение элементов народного изобразительного искусства с опытом профессиональных художников встречается значительно реже, и в этом смысле «Шпаличек» представляет особый интерес. Ведь использование традиций народного изобразительного творчества — проблема не только историко-культурная, но и очень современная. Она имеет прямое отношение к художественной практике наших дней, когда интерес к народному изобразительному творчеству необычайно велик, когда многие молодые художники настойчиво ищут пути к творческому освоению и развитию традиций народного искусства.

² И. Д. Сытин, Жизнь для книги, М., 1962, стр. 42.

³ Там же.

Н. Л. Жуковская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МНР

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Внимание ученых-востоковедов всего мира к Монголии вполне оправданно, так как она принадлежит к числу стран, которые как по своим естественным богатствам, так и в историко-культурном отношении представляют собой край богатых и пока еще далеко не реализованных возможностей. В нашем сообщении мы коснемся лишь проблем, представляющих интерес для историков, археологов, антропологов, этнографов, социологов.

Уже в 20-е годы нашего века Монголия привлекла внимание американских и французских антропологов и археологов. Результаты экспедиции Р. Ш. Эндрюса и Н. К. Нельсона в 1922—1930 гг. показали, что человек в Монголии обитал уже в верхнем палеолите, а может быть, и раньше¹.

Вслед за вопросом о времени заселения встала и другая, не менее интересная проблема. Монголия — страна классической кочевой культуры, настолько классической, что ни одна работа о кочевниках не обходится без примеров из жизни монгольских номадов. И в то же время земледельческая традиция на ее территории прослеживается с конца неолита — начала бронзового века. Именно этим временем датируются самые ранние находки зернотерок, пестов, расписной керамики².

X век — эпоха киданей — оставила следы прекрасных оросительных каналов, свидетельствующих о высокоразвитой земледельческой цивилизации. А ведь кидани — уже монголы! Отсюда проблема соотношения кочевого и оседлого элементов в традиционной монгольской культуре, существования и долговечности оседлых поселений.

XX век перед всеми исследователями своеобразных обособленных национальных культур поставил еще одну проблему: соотношение старого и нового, традиционной, и общемировой культур, а конкретно для Монгольской Народной Республики — исторический отбор черт классической кочевого культуры в условиях сложения социалистической формации и нового быта. И, конечно, по-прежнему интересуют исследователей этапы этногенеза монголов, их материальная и духовная культура, памятники устного народного творчества. В разработке этих проблем первыми оказали помощь молодой науке МНР советские ученые. С 1925 по 1953 гг. в Монголии совместно с Комитетом наук МНР работала Монгольская комиссия АН СССР. Основным направлением ее деятельности было изучение естественных ресурсов Монголии и ее экономических возможностей, проводились также исследования в области гуманитарных наук.

¹ В. Е. Ларичев, Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I. Азия и проблема родины человека, Новосибирск, 1969, стр. 292—313, 382—388.

² В. В. Волков, Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, Автореф. канд. дис., М., 1965, стр. 21—22.

Вел их Б. Я. Владимирцов, основоположник советского монголоведения. Им был собран и обработан громадный материал по языку, филологии, этнографии монголов.

В послевоенные годы интерес к МНР во многих странах резко возрос. Увеличился поток посещающих ее ученых. Нередко она становилась местом проведения международных конгрессов, конференций, симпозиумов. В этот период в МНР проводили исследования несколько больших международных экспедиций. Первой среди них была Советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция, возглавлявшаяся С. В. Киселевым. Она работала в 1948—1949 гг. Три отряда этой экспедиции (отряд, копавший Каракорум, возглавляемый самим С. В. Киселевым, отряд по поискам стоянок каменного века, руководимый А. П. Окладниковым, и этнографический отряд, возглавляемый К. В. Вяткиной) за два полевых сезона проделали громадную работу. Результаты ее давно стали достоянием науки³.

В 1959 г. в МНР работала экспедиция Венгерской Академии наук, занимавшаяся историко-филологическими исследованиями⁴. В 1961 г. проводила исследования Немецко-монгольская экспедиция под руководством И. Шуберта (ГДР), занимавшаяся поисками могилы Чингисхана. В 1963—1968 гг. в Баян-сомоне Центрального аймака работала Польская социологическая экспедиция (руководитель — проф. В. Дыновский), изучавшая проблемы урбанизации и модернизации традиционного кочевого быта монголов в современных условиях⁵. С 1960 по 1968 г. работала Советско-монгольская археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова⁶. Неоднократно за последние годы выезжали на полевую работу в МНР советские этнографы и искусствоведы: Х. Ц. Ральдин (1963, 1965 гг.), В. П. Дарбакова (1966—1967 гг.), Н. В. Кочешков (1964, 1966 гг.), Л. Л. Викторова (1967, 1968 гг.).

Ежегодно на много месяцев выезжают в поле монгольские археологи и этнографы. Результаты их исследований велики: городища и поселения монгольского и домонгольского периодов, новые рунические надписи, весьма красочные, но исчезающие этнографические осколки старого быта — все это благодаря публикациям монгольских ученых стало достоянием науки. Собран и продолжает собираться материал для «Археологического атласа МНР» — многолетнего труда сотрудников сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук МНР. Вслед за первой сводной монографией С. Бадамхатана «Дархаты Хубсугула» (Улан-Батор, 1965), посвященной одному из малых народов МНР, стали появляться исследования по отдельным частным этнографическим вопросам культуры как малых народов Монголии, так и основного населения страны — *халха*.

Введение в научный оборот большого археолого-этнографического материала значительно расширило само понятие «монголоведение», кото-

³ Сб. «Древнемонгольские города», М., 1965; К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LX, М.—Л., 1960.

⁴ А. Рона-Таш, По следам кочевников. Монголия глазами этнографа, М., 1964.

⁵ Результаты их исследований опубликованы в сборниках: «Poland at the 8-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968; «Studia mongolskie», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.

⁶ А. П. Окладников, В. Е. Ларичев, Археологические исследования в Монголии в 1967 г., «Известия Сибирского отделения (далее СО) АН СССР», 1968, № 11, вып. 3, серия общественных наук; их же, Археологические исследования в Монголии в 1968 г., «Известия СО АН СССР», 1969, № 6, вып. 2, серия общественных наук; А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Древние культуры восточных районов МНР, «Сов. археология», 1969, № 4; их же, Тамцак-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии, «Труды Бурятского института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР», Улан-Удэ, 1970, вып. 13, серия востоковедения; В. Е. Ларичев, Азия далекая и таинственная, Новосибирск, 1968, и другие работы.

рое долгое время понималось лишь как классическая филология. Рост научных кадров в Монгольской Народной Республике привел к дифференциации исторических дисциплин. С середины 50-х годов в самостоятельную отрасль науки в МНР выделились этнография и археология.

В 1960 г. Комитет наук МНР был преобразован в Академию наук. С тех пор монгольская наука достигла больших успехов: один за другим выходят в свет и получают признание в мировой науке труды монгольских ученых по древности, средневековью, новому и новейшему периодам истории Монголии⁷.

Показателем международной значимости монгольской науки явились I и II конгрессы монголоведов, состоявшиеся в Улан-Баторе в 1959 и 1970 гг.⁸

Обилие новых находок, собранных экспедициями, потребовало определенной систематизации и коллективного труда специалистов по многим отраслям исторических знаний.

И вот в конце 60-х годов во весь рост встает вопрос о многолетней комплексной экспедиции исторического профиля, которая помогла бы не только выявить, но и обработать и систематизировать обилие памятников монгольских древностей и традиционной культуры, подчинив их одной центральной идее — той роли, которую играют они в истории Монголии, в этногенетических процессах, происходивших на ее территории и приведших в итоге к образованию современной монгольской нации.

Продолжая традиции плодотворного научного сотрудничества между Академиями наук СССР и Монгольской Народной Республики, с 1969 г. начала свою работу Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция в составе пяти отрядов: трех археологических (по изучению памятников каменного, бронзового и железного веков, средневековых монгольских городов), эпиграфического и этнографического. В работе экспедиции участвовало более 30 советских и монгольских археологов, этнографов, филологов, историков.

За три полевых сезона работы экспедиции (1969, 1970, 1971 гг.) собран богатейший археологический, филологический, этнографический материал.

Особенно важны для науки исследования многослойных стоянок каменного века, позволяющие создать периодизацию неолитических памятников Восточной Монголии, и находка нижнепалеолитического комплекса на юге Сухэбаторского аймака в Дариганге, отодвигающая начальный период заселения Монголии на много тысяч лет. В нижнем течении реки Техин-Гол было найдено несколько фрагментов стелы с древнетюркскими текстами. Восстановленный из них обелиск представляет собой самый крупный тюркский рунический памятник Монголии. Открыто два крупных скопления петроглифов, дающих обширную информацию о различных сторонах жизни племен древней Монголии, в том числе большой комплекс петроглифов ущелья Яманы-Ус в Заалтайской Гоби. Памятник содержит очень редкие изображения — боевые колесницы, различные повозки, большие композиционно связанные сцены облавной охоты — важные для изучения многих вопросов древней истории, осо-

⁷ См. Б. Ширэндэб, Современное состояние общественных наук в МНР, «Народы Азии и Африки», 1964, № 4. Состояние общественных наук в Монголии наших дней нашло отражение в ряде докладов на II Международном конгрессе монголоведов в сентябре 1970 г. Ш. Нацагдорж, Историческая наука в МНР; Н. Сер-Оджав, Археологические исследования в МНР; Ш. Бира, К изучению истории монгольской культуры и т. д.

⁸ См. отчеты о конгрессах Ю. Н. Рерих, Первый международный съезд монголоведов-филологов, «Проблемы востоковедения», 1960, № 1; М. И. Гольман, Международный конгресс монголоведов, «Народы Азии и Африки», 1971, № 2; Н. Л. Жуковская, Второй международный конгресс монголоведов, «Сов. этнография», 1971, № 1.

Рис. 1. Каменная баба с территории Хангай-сомона Арахангайского аймака МНР

восточных аймаков МНР (Восточного, Хэнтэйского, Булганского, Увур-Хангайского, Хубсугульского, Увсунурского, Дзабханского, Кобдосского), где изучались населяющие их халха, барга, хотогойты, эльджигины, баяты, дэрбэты, хотоны, мингаты, захчины, торгуты. Состав отряда в течение трех лет работы не был постоянным. В общей сложности в его работе приняли участие 11 человек с советской и монгольской стороны: этнографы Л. Л. Викторова, Н. Л. Жуковская, С. Бадамхатан, Г. Цэрэнханд, филологи Д. Цэрэнсодном, М. Шинэху, историк Б. Болд, студенты-историки Монгольского и Московского университетов Ч. Цэрэннадмид, Г. Лувсан, Ц. Жанлав, Б. Виктор.

Программа работы советских этнографов была достаточно объемной. Она включала в себя исследования по таким большим проблемам, как этногенез монголов дочингисова периода, синкретизм ламаизма и доламаистских верований монголов, современная религиозная ситуация в Монголии, модернизация традиционной кочевой культуры монголов и ее взаимодействие с общемировой современной культурой, ономастические исследования. Монгольские специалисты проводили исследования по актуальным для монгольской этнографии проблемам: семья и семейный быт монголов (бюджет, обряды, производственный и общественный статус), формирование новых семейных и общественных праздников и обрядов, особенности материальной и духовной культуры отдельных этнографических групп монголов. Собранный материал обрабатывается, анализируется; готовятся к публикации совместные труды советских и монгольских ученых — участников экспедиции.

⁹ См. Э. А. Новгородова, Дорогой древних колесниц, «Вокруг света», 1971, № 3; В. В. Волков, Ю. С. Гришин, Раскопки и разведки в Монголии, сб. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.

¹⁰ В. В. Волков, Э. А. Новгородова, Археологические исследования в Монголии, сб. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 460.

¹¹ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Согдийская надпись из Бугута, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.

бенно истории колесного транспорта в Монголии⁹. Среди более 150 новых «оленных камней», открытых экспедицией, два имеют изображения человеческого лица и, таким образом, являются древнейшими образцами антропоморфной скульптуры, датируемыми В. В. Волковым серединой I тысячелетия до н. э.¹⁰ На городище Харбухий-балгас найдена библиотека берестяных книг XVII в., представляющая большой исторический и лингвистический интерес. Была обследована согдийская стела из Бугута, считавшаяся до 1968 г. уйгурской. Опубликован ее перевод и исторический комментарий к нему¹¹. Стела является самым древним письменным памятником на территории Монголии, известным на сегодняшний день, а также самым ранним свидетельством существования буддийской сангхи на территории Монголии (VI в.).

Этнографический отряд за три полевых сезона проделал маршрут общей протяженностью свыше 15 тыс. км, провел этнографическое обследование

восьми западных, северо-западных и

восточных аймаков МНР (Восточного, Хэнтэйского, Булганского, Увур-Хангайского, Хубсугульского, Увсунурского, Дзабханского, Кобдосского), где изучались населяющие их халха, барга, хотогойты, эльджигины, баяты, дэрбэты, хотоны, мингаты, захчины, торгуты. Состав отряда в течение трех лет работы не был постоянным. В общей сложности в его работе приняли участие 11 человек с советской и монгольской стороны: этнографы Л. Л. Викторова, Н. Л. Жуковская, С. Бадамхатан, Г. Цэрэнханд, филологи Д. Цэрэнсодном, М. Шинэху, историк Б. Болд, студенты-историки Монгольского и Московского университетов Ч. Цэрэннадмид, Г. Лувсан, Ц. Жанлав, Б. Виктор.

⁹ См. Э. А. Новгородова, Дорогой древних колесниц, «Вокруг света», 1971, № 3; В. В. Волков, Ю. С. Гришин, Раскопки и разведки в Монголии, сб. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.

¹⁰ В. В. Волков, Э. А. Новгородова, Археологические исследования в Монголии, сб. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 460.

¹¹ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Согдийская надпись из Бугута, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.

Рис. 2. Деталь свадебного обряда захчинов. Родственники жениха преподносят пиалу с молоком невесте, прибывшей со свадебным поездом в юрту жениха

Задачи, стоящие перед этнографами в МНР, огромны. Монголия — страна, где темпы создания нового уклада настолько быстры, что особенности традиционной кочевой культуры монголов исчезают прямо на глазах. Разумеется, степень внедрения нового в разных экономических зонах страны неодинакова. На востоке нередко можно встретить верблюдов, запряженных в деревянную, без единой железной детали, повозку — ту самую, которую можно увидеть на наскальных росписях бронзового века и которая до сих пор является наиболее распространенным средством передвижения и перевозки поклажи во время перекочевков. Однако на западе, в предгорьях Монгольского Алтая, где сомонные объединения полностью откочевывают¹² в горы на летний период и возвращаются на территорию центральной усадьбы сомона за несколько дней до начала учебного года, одними верблюдами уже не обойтись. Один за другим каменистыми горными дорогами проносятся с самых отдаленных кочевий к центральной усадьбе сомона грузовики с юртами, домашней утварью, детьми, и грохочущими на ходу бидонами и чайниками. Параллельно с ними чинно ступают по горным тропам навьюченные тем же скарбом верблюды, уже не запряженные в повозки, так как в безлесных западных районах деревянных повозок нет¹³. Три — пять дней требуется верблюду для перекочевки на расстояние в 80—100 км.

Многие семьи проделывают этот путь старым дедовским способом, не торопясь, ставя упрощенную походную юрту на месте каждого ночлега.

¹² Понятие «полностью откочевывают» не является в данном случае гиперболой, ибо откочевывают на летнее стойбище не только все жители до единого вместе со всем своим хозяйством — скотом, утварью, жилищем, а также больница и магазин, ясли и детский сад, резиденция сомонного и партийного руководства, но даже музеев с персоналом и экспозицией.

¹³ Интересно отметить, что все известные в Монголии 10 изображений колесниц на писаницах бронзового века находятся на территории именно Монгольского Алтая. См. В. В. Волков, Э. А. Нюнгорова, Указ. раб., стр. 462.

Рис. 3. Так ездят за водой жители долины Керулена

Но те семьи, чьи дети пойдут 1 сентября в школу, должны спешить — это им на помощь направлены все грузовики.

Для изучения проблемы урбанизации МНР — благодатная страна. Эти процессы входят как составная часть в общий процесс перехода кочевой экономики на рельсы социализма и поэтому регулируются государством. Показателем урбанизации МНР является прежде всего бросающийся в глаза численный рост городского населения: в среднем по стране с 1956 по 1965 г. число горожан выросло почти вдвое, а в Улан-Баторе, Сухэ-Баторском и Селенгинском аймаках — более чем вдвое. Население, уходящее в города и аймачные центры, переходит в промышленность, сферу обслуживания, пополняет собой ряды интеллигенции. И даже в сомонных центрах (центральных усадьбах сомонных объединений) — основных производственных единицах в сельском хозяйстве Монголии, наблюдается тот же процесс изменения демографической структуры населения, появления новых социальных групп (преимущественно во внепроизводственной сфере), отражающий в масштабах небольшого коллектива общегосударственные процессы¹⁴.

С проблемой урбанизации тесно связана и другая, не менее важная для Монголии проблема — оседание кочевников. Как отмечено советскими исследователями, этот процесс идет в МНР двумя путями. Первый — это смена вида хозяйственной деятельности, т. е. уход кочевников в сферу производственную (промышленность, строительство, земледелие) или обслуживающую (транспорт, связь, торговля, культурно-просветительные и медицинские учреждения и т. д.). Второй путь — постепенный перевод кочевых форм ведения скотоводческого хозяйства и быта на полuosедлые и оседлые формы¹⁵. По данным на 1967 г., в МНР кочевой

¹⁴ Эти вопросы обстоятельно изучались Польской социологической экспедицией. Результаты исследований опубликованы в работе: D. Markowska, Urbanisation of the Steppe, «Poland at the 8th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», 1968.

¹⁵ В. В. Г р а й в о р о н с к и й, Некоторые особенности оседания кочевников в МНР, сб. «Страны Дальнего Востока (история и экономика)», М., 1971, стр. 14.

образ жизни вело 454 тыс. человек из 1191,7 тыс., т. е. менее 40% населения¹⁶.

Проблема оседания кочевников имеет экономический, демографический и этнографический аспекты. Последний включает в себя трансформацию традиционного скотоводческого хозяйства при переходе на оседлость, использование многовекового народного опыта в сочетании с новыми интенсивными методами ведения скотоводства. Модернизация традиционного уклада жизни, вживание старого в новое, сложные формы синтеза, которые рождаются в ходе этого процесса — все это должно стать предметом пристального внимания этнографов.

Бок о бок с вышеназванными возникает и еще одна, может быть, самая интересная проблема — модернизация традиционной кочевой культуры монголов и ее взаимодействие с общемировой, а точнее, с «западной», или «урбанической», культурой. Однако говорить о взаимодействии монгольской и немонгольской культур, как о контактах Востока и Запада (что, например, правомерно по отношению к Японии и Китаю), не совсем верно, ибо Монголия, замкнутая на протяжении всей своей истории между Россией и Китаем, вступала в активные контакты с обоими соседями, у которых и заимствовала отдельные элементы культуры. Более правильной представляется такая постановка вопроса, когда комплекс навыков в области материальной и духовной культуры, выработанных странами с давней земледельческой традицией (Россией, Китаем), противопоставляется по своей культурной модели кочевому миру, одним из классических представителей которого была Монголия.

В сфере материальной культуры усвоение элементов общеевропейской культуры через посредство русской установимо наиболее легко. В плане этнопсихологическом любопытно, что восприятие черт общеевропейской культуры и различные заимствования китайских обычаев, блюд, предметов и т. д., как правило, воспринимаются как результат общего прогресса, а отнюдь не длительных исторических контактов монголов со своими соседями. Например, такие виды пищи, как бозы (пельмени, варенные на пару), бунтузы (лапша из крахмала), варенные овощи уже не воспринимаются как заимствование из китайской традиционной кухни, а выпечка хлеба — как заимствование от русских.

Особый интерес представляет модернизация традиционного жилища кочевника — юрты. Здесь также четко прослеживаются две основные тенденции: 1) восприятие элементов общеевропейской культуры и 2) прогресс за счет общего развития экономической базы и роста культуры. Часто оба эти направления неразделимы. Так, если утрата символического членения юрты на восточную (женскую) и западную (мужскую) половины и все вытекающие из этого деления последствия практически утрачены вследствие общего прогресса общественной и культурной жизни Монголии, то, скажем, появление в быту алюминиевой утвари европейского образца, заменившей многие прежние деревянные и кожаные сосуды, можно считать результатом взаимодействия обоих направлений. И если в одних случаях такая замена является бесспорно положительным явлением (хранение воды в алюминиевой посуде, появление ручкомойников и т. д.), то в других случаях положительные качества новой посуды не всегда бесспорны: например, для хранения молочнокислых продуктов типа простокваши (*тарак*), пенок (*урум*), кумыса (*айрак*) алюминиевые изделия малоприспособны и сохранение традиционной деревянной посуды представляется более желательным.

Те же тенденции можно обнаружить и в ношении одежды. Так, национальный костюм «дэль» утратил элементы, служившие лишь показателем принадлежности к той или иной социальной группе (богатую отделку, длинные и неудобные для работы рукава), и сохранил детали, удобные

¹⁶ Б. Гунгадаш, Монголия сегодня, М., 1969, стр. 82.

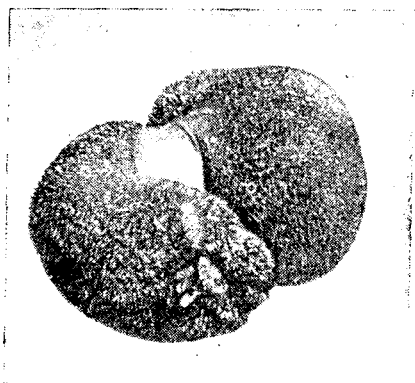

Рис. 4. Гузе — сосуд, сделанный из бараньего желудка. Используется монгольскими народами для хранения масла

в современном быту (особенно в быту скотовода). Это итог общего прогресса. Ношение же европейской одежды (городскими жителями повседневно, сельскими — во время общественных праздников и публичных зрелищ; на семейных торжествах преобладает национальная одежда) — классический случай восприятия общеевропейской культуры, как в общем-то и вся структура городского быта. Как уже говорилось выше, Монголия знакома с земледелием с конца неолита. Однако современные формы ведения земледельческого хозяйства, которые предстают перед нами, свидетельствуют не столько об исторической традиции в этой сфере материального производства, сколько о плодотворных результатах контактов со своим соседями на про-

тяжении последних 200 лет. Показательно в этом отношении земледельческие районы Кобдосского аймака. Кобдо и его окрестности — крупный современный овощеводческий центр Западной Монголии. Много десятков лет здесь жили бок о бок монголы, китайцы, казахи, а с последней четверти XIX в. русские. Китайская система разведения огородов с их четкими чередующимися квадратами овощных культур и системой искусственного орошения в виде небольших каналов — арыков, прорезающих огород, была воспринята и монголами. И хотя такой огород в личном хозяйстве монгольских семей, живущих в этом районе, все еще редкость, государственные овощеводческие хозяйства под Кобдо устроены именно по такому принципу.

Начиная с первой четверти XVIII в. по рекам Толе, Орхону, Кобдо стали появляться первые китайские земледельческие колонии, население которых по распоряжению маньчжурского правительства должно было снабжать хлебом гарнизоны в Монголии¹⁷. Монголы, живущие по соседству с этими колониями, восприняли способы обработки земли, орошения, уборки созревших колосьев, а также последующую их обработку и использование в пище.

Русское влияние в земледелии сказывалось также, особенно в северных и северо-западных районах страны, где проживали русские купцы и колонисты-староверы, осевшие в Монголии. Однако в целом их влияние было слабее в силу численного превосходства китайцев-земледельцев при одинаково низком уровне земледельческой технологии у тех и других. Но зато различные новшества в области скотоводства монголы ввели под влиянием русских: загоны для зимнего содержания скота, сенокосение, противочумные прививки скоту¹⁸.

В наши дни, когда земледелие начинает играть все большую роль в экономике страны, МНР все чаще прибегает к опыту СССР. Новая технология обработки земли, сельскохозяйственная техника, культивируемые сорта зерновых, кормовых и тем более садовых культур — это не только помощь экономически более развитого Советского Союза, но и проникновение элементов интернациональной культуры, которые привели к созданию в некогда полностью кочевой стране новой отрасли сельского хозяйства (к 1965 г. она давала уже 20% всей его продукции)¹⁹.

¹⁷ И. М. Майский, Монголия накануне революции, М., 1960, стр. 194.

¹⁸ И. М. Майский, Указ. раб., стр. 97.

¹⁹ Б. Гунгаадаш, Указ. раб., стр. 142.

Интересен еще один канал влияний на монгольскую культуру — индо-тибетский. Это влияние пришло с ламаизмом, пропитало собой духовную жизнь монгольского общества и сейчас еще достаточно ощущимо. Организационная структура ламаистской религии, жизненный уклад сангхи (буддийской общины), каноническая литература пришли в Монголию в более или менее сложившемся виде и после некоторой адаптации были усвоены обществом и сохранялись более 200 лет. В то же время сугубо светские стороны жизни, не имеющие к религии прямого отношения, оказались ламаизированными и в таком виде существуют и сейчас. Таков, например, монгольский именной, в котором личные имена тибетского и санскритского происхождения составляют значительную часть. Таковы наименования дней недели, существующие в санскритском и тибетском монголизированных вариантах.

Взаимодействие монгольской и общемировой культур, результативность их контактов требует специального исследования по историческим этапам этого процесса. Это один из самых перспективных этнографических сюжетов в МНР.

И наконец, еще одна проблема, которая не может остаться незамеченной этнографом в Монголии, — это судьбы монгольской религии. Монголия — одна из стран буддийского мира. Около 300 лет ее население исповедует ламаизм — особую ветвь северного буддизма. Монгольский ламаизм представляет собой классический пример исторически сложившегося синтеза ранних и поздних форм религии, шаманизма и народных верований с нравственно-философской доктриной северного буддизма. Ламаизм официальный (сангха, ее жизнь, изучение и комментирование канонической буддийской литературы) и ламаизм бытовой (ламаизированные обряды жизненного цикла, культ локальных божеств, культ огня, духов-покровителей отдельных личностей, семьи, юрты и т. д.) были как бы двумя полюсами: официальный ламаизм исповедовало высшее ламство Монголии, пользовавшееся в государстве определенными экономическими и правовыми льготами и получавшее в подарок от светской феодальной знати монастыри, крепостных аратов, деньги; народные же массы Монголии и низшее ламство имели дело преимущественно с бытовым ламаизмом. Службы при обо-культовых местах, освящение территории при закладке каких-либо построек, установке юрт, свадьбы, рождение, похороны, исцеление от болезней, различного рода заклинания, т. е. все те народные культы и верования, которые существовали у монголов в доламаистский период, — все это стало содержанием ламаистской практики и помогло ламаизму преодолеть барьер между официальным утверждением и народным признанием.

Ламаизм в современной Монголии давно перестал быть той всеобъемлющей идеологической и культовой системой, которая регламентировала

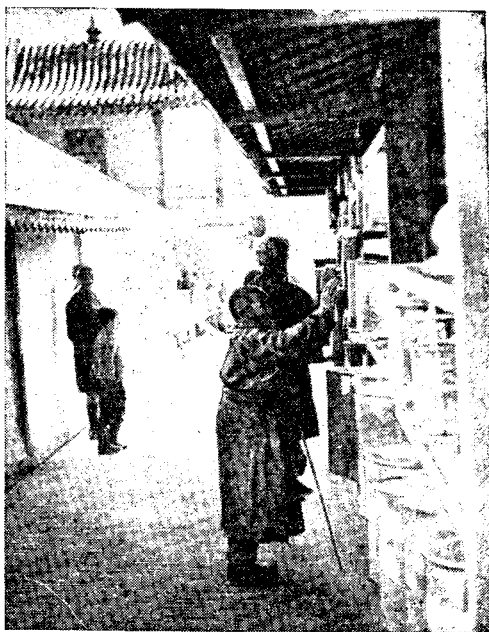

Рис. 5. Улан-Батор. Монастырь Гандантекчигинг. Покрутить молитвенные барабаны — долг каждого верующего и каждого туриста

Это далеко не полный перечень проблем, которыми занимается этнографический отряд экспедиции и которые может поставить перед исследователем монгольская этнография.

В заключение хочется сказать несколько слов благодарности нашим монгольским коллегам. Самое активное участие в работе экспедиции принимает сектор археологии и этнографии Института истории АН МНР, которым заведует доктор исторических наук Н. Сэр-Оджав. Почти все сотрудники этого сектора работали в каком-либо из отрядов экспедиции. Внимательно следят за ее работой, оказывая всемерную помощь и поддержку, президент Академии наук МНР акад. Б. Ширэндыб, директор Института истории акад. Ш. Нацагдорж, ученый секретарь института Д. Гонгор. Именно дружеское участие монгольских коллег в значительной степени содействует успешной работе экспедиции.

Мак Дыонг

РАССЕЛЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАРОДОВ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ВЬЕТНАМА

Северная часть Центрального Вьетнама четко выделяется в особую географическую и историко-этнографическую область площадью более 40 тыс. км². Эта область вытянута в меридиональном направлении на узкой полосе побережья Южно-Китайского моря, ширина которой в отдельных местах не превышает 40 км. В административном отношении север Центрального Вьетнама делится на четыре провинции (Тханьхоа, Нгеан, Хатинь, Куангбинь) и округ Виньлин, примыкающий к 17-й параллели. По природным особенностям вся область, две трети которой покрыты горами, делится на две подзоны: северную — от р. Ма до перевала Деонганг и южную — от Деонганг до округа Виньлин.

Для первой подзоны характерно сочетание высоких гор и предгорий с низкими холмами и долинами, по которым с запада на восток текут широкие, но неглубокие реки; для второй — горные леса и пересыхающие в сухой сезон реки, в дождливое время года становящиеся многоводными, с сильным течением.

На территории северной части Центрального Вьетнама расположены широко известные археологические памятники, в том числе нижнепалеолитический — на горе До, неолитические стоянки Дабут, Баучо, Минкам, Тамута; центр бронзовой культуры Донгшон. За несколько веков до нашей эры это была область контактов предков вьетнамцев — лакветов и других местных племен.

В настоящее время назвать точную цифру населения области затруднительно. В 1962 г. тут проживало почти 4 млн. чел., подавляющее большинство которых — южные монголоиды, говорящие на языках различных лингвистических групп. Описываемый регион отличается большими колебаниями плотности населения: в прибрежных районах она достигает 400 чел. на 1 км², в горах — 10—12 чел. До 1945 г. были районы, не заселенные вовсе.

После окончания войны Соппротивления (1954 г.) наметилась тенденция к быстрому росту населения (например, ежегодный прирост у тай и мыонг, живущих по берегам крупных рек, составляет 1,8%); началось также хозяйственное освоение ранее труднодоступных местностей.

Основная часть населения области, живущего на равнине — собственно вьетнамцы, или вьеты (свыше 90% всего населения описываемого региона). Предметом рассмотрения настоящей статьи являются народы, расселенные в горных районах, занимающих две трети всей территории. На всем этом обширном пространстве (более 30 тыс. км²) живет около 390 тыс. чел. Это так называемые народы, относящиеся по языку к группам тхай, мео-зао, вьет-мыонг и мон-кхмерской. В провинции Тханьхоа они составляют 12,3% населения, Нгеан — 10,6, Хатинь — 0,1, Куангбинь — 16,3, округе Виньлин — 6,3%.

В горах и предгорьях пров. Тханьхоа наиболее компактными и многочисленными группами являются мыонги (45% населения) и тай (25%); в горах близ границы с Лаосом расселены мео, зао (яо) и кхму.

В горных частях пров. Нгеан 65% жителей составляют тхай и 20% — мыонги. Их селения расположены в районах верхнего и среднего течения рек и соседствуют друг с другом. Горные районы пров. Хатинь заселены малиенгами, близкими по происхождению и языку к этнографической группе вьетов — шать. В северо-западной части Куангбиня живут мыонги, а на юго-западе и западе Виньлина — горные монкхмеры.

Тхайские народы. Среди горных народов северной части центрального Вьетнама самыми многочисленными являются народы группы тхай, насчитывающие 167,8 тыс. чел., что составляет около половины населения этого региона и треть всех тайских народов Вьетнама. Они сосредоточены в верхнем течении крупных рек и в больших долинах. Некоторые из них обитают в предгорных районах близ границы с центральным Лаосом. Поселения обычно располагаются на отлогих склонах холмов возле удобных для обработки земель и при истощении их переносятся. В некоторых поселениях число жилищ бывает больше 100, а обычно не превышает 20—30. Прежде «цикл оседлости» (т. е. время, пока селение находилось на одном месте) составлял от 20 до 30 лет. В ряде случаев он сокращался до 5—7 лет. Основное занятие тхай — заливное земледелие в долинах и на склонах окружающих гор.

Наиболее крупной этнографической группой тхай являются куи (23,5 тыс. чел. в пров. Тханьхоа и 21,9 тыс. чел. в провинции Нгеан), населяющие уезд Куйтяу пров. Нгеан и несколько районов пров. Тханьхоа. Среди них преобладают следующие фамилии¹: Локхам, Ланг, Шам, Мыонкуан, Хыу-Ви. Самые многочисленные из них Локхам и Ланг.

Далее следуют мантихань (45,2 тыс. чел. в пров. Тханьхоа и 16,3 тыс. чел. в пров. Нгеан). У этой группы известны фамилии Ви, Ло, Лок, Нган, Куанг, Ланг, Тьонг, Лы, Ло, Ха.

Небольшая группа таймой (5,2 тыс. чел.) расселена по соседству с Мантихань в уезде Кишон пров. Нгеан. Фамилии таймой: Ло, Лыонг, Ха, Нган, Лок, Сен, Ванг, Сай (Хау). Самая крупная из них Ло.

Таймот — маленькая группа (2,3 тыс. чел.), живущая главным образом в селении Мыонгмот пров. Тханьхоа. Прежде они обитали и в других местах. В начале XX в. они вели упорную борьбу против французских колонизаторов и после поражения были вынуждены уйти в труднодоступные места западной части пров. Нгеан.

Тайкханг — маленькая этнографическая группа района Мыонгзыонг пров. Самнеа в Лаосе. Небольшая часть их (1,8 тыс. чел.) живет в настоящее время на западе пров. Нгеан на границе с Лаосом. Тайкханг на тайском языке означает «бедные тай».

Тайденг живут в селении Мыонгденг уезда Лангтянь пров. Тханьхоа (1,1 тыс. чел.), кроме того, 160 человек живут в пров. Нгеан.

Тайзо («красные тай») расселены в уезде Нгоклак пров. Тханьхоа (2,0 тыс. чел.). Они носят одежду, украшенную полосами красного цвета, с чем, вероятно, связано и их название.

Тайлао и тайлы — небольшая по численности группа белых тхай (1,35 тыс. чел.). Они переселились на запад пров. Нгеан из селения Мыонглы пров. Фонгсали в Лаосе.

Путхай (70 чел.) населяют западные районы пров. Хатинь близ границы с Лаосом.

Хангтонг (47,2 тыс. чел.) живут в уездах Конкуонг и Тьонгзыонг пров. Нгеан. В их языке, культуре, а также в структуре семейно-брач-

¹ «Фамилии» представляют собой названия групп родственников по мужской линии. Чаще всего они происходят от имен предков или имен правителей феодальной эпохи.

ных отношений наблюдается смешение тхайских и мыонгских элементов. У Хангтонг есть фамилии, тхайские по происхождению: Лок, На, Кань, Ланг, Ви, Ло, Лы, Кам, Ла; а также фамилии вьет-мыонгские: Чинь, Нгуен, Ле, Мак, Лыу, Чанг, Фунг, Ву. Вьет-мыонгские группы обитали в уездах Тханьтыонг и Нгиадан пров. Нгеан и, как правило, несли пограничную службу в Южной крепости (ныне селение Донгдао, деревня Бонгхе уезд Конкуонг, пров. Нгеан); с XIII в. начался процесс их консолидации с тхайскими группами этого района.

Группа мео (мяо) и зао (яо). Мео и зао расселены в горных районах пров. Нгеан и в меньшем числе — в пров. Тханьхоа. Их общая численность — 12,2 тыс., в том числе мео — 10,8 тыс. и зао — 1,4 тыс.

Мео. Селения мео, редко превышающие два десятка домов, расположены в труднодоступных местах, у самых вершин гор, далеко от рек и ручьев. Мео сосредоточены в районах Мыонгсен (пров. Нгеан — 1,2 тыс. чел.) и Куанхоа (пров. Тханьхоа — 9,6 тыс. чел.). В середине XVIII в. группы мео переселились из северного Лаоса в высокогорные районы севера Центрального Вьетнама. По цвету, орнаменту и украшениям женской одежды в рассматриваемой области различаются две ветви мео: а) мео хоа или мео лай, т. е. «пестрые мео» (лай по-лаосски — пестрый); б) мео чанг или мео хао, т. е. белые мео (по-лаосски хао — белый). Мео всех групп принадлежат к пяти основным фамилиям: Сонг, Вы, За, Ха, Лау. Главные занятия — подсечно-огневое земледелие. Только у мео чанг — террасное земледелие. Выращивают кукурузу, а также опийный мак.

Зао (1,4 тыс. чел.) живут в холмистых районах пров. Тханьхоа, недалеко от тхайских и мыонгских селений. Селения зао состоят чаще всего из 5—7 домов и находятся далеко друг от друга. Зао пров. Тханьхоа и Хоабинь делятся на две группы — ман део тиен и ман куан тят.

Группа мыонг-вьет. Мыонгов около 191,5 тыс. чел., что составляет половину горного населения описываемой области и около половины общего числа мыонгов всего Северного Вьетнама. Они сосредоточены вдоль среднего течения больших рек. Главное их занятие — рисосеяние. Деревни мыонгов расположены у подножья холмов в небольших долинах. На западе пров. Нгеан несколько групп мыонгов занимаются подсечно-огневым земледелием; некоторые группы мыонгов западной части пров. Куанг занимаются также собирательством и охотой. Они живут в пещерах хребта Чыонгшон или в хижинах из банановых листьев. В западных районах пров. Тханьхоа и Нгеан мыонги появились 100—300 лет назад. Деревни мыонгов довольно крупные. Около домов обычно растут арековые пальмы.

Среди мыонгов распространены следующие фамилии: Као, Фам, Буй, Динь, Бать, Куать, Ле, Чинь. Самоназвание мыонгов «мон» — (т. е. человек). Многие из исследователей отмечают не только лингвистическую близость мыонгов к вьетам, но и этническое их родство. Согласно наиболее распространенной гипотезе о происхождении мыонгов, предки этого народа проживали на территории Вьетнама за несколько веков до нашей эры. Они смешивались с лаквьетами и частично были вытеснены ими в предгорья.

Мойби — этнографическая группа, близкая к мыонгам. Живут в пров. Хоабинь. Предки большинства их, жившие в районе Мыонгби (уезд Лакшон, пров. Хоабинь) были закрепощенными общинниками. В конце XVIII в. они поднялись на борьбу против мыонгских феодалов, требуя свободы. После поражения их переселили в труднодоступные места севера центральной части Вьетнама и также северного Лаоса. Затем они жили в горных районах по берегам р. Ма. Мойби имеют много общего с черными тай в обычаях и нравах, а также в одежде. Их язык — один из говоров мыонгской группы.

Тхо — горно-вьетская этнографическая группа, расселившаяся в уезде Нгиадан пров. Нгеан². Их основные фамилии: Фан, Буй, Фам, Чыонг, Хо, Нгуен, Као, Хоанг, Ле, Тью, Чан. Эти фамилии совпадают с вьетскими. Тхо на севере Центрального Вьетнама делятся на две подгруппы.

1) Тхо сонг кон, т. е. «тхо, живущие в районе реки Кон». Эта подгруппа родственна мыонгам уезда Нгоклак пров. Тханьхоа. В начале XV в. они восстали против китайских феодалов, а затем переселились на р. Кон.

2) Тхо ламла, т. е. «тхо, живущие в районе Ламла». Они близки к вьетам уездов Аньшон, Зиентяу, Намдан пров. Нгеан. В начале XIX в. тхо ламла переселились в западные районы пров. Нгеан. Происходят они от вьетов, которые обитали в селениях Линьдонь, Катрау, Батван (ныне селение Иенкат, уезд Иендинг, пров. Нгеан). Тхо, живущие в селении Нгиакуан, происходят от вьетов уезда Дыктхо пров. Хатинь. Их предки были при династии Нгуенов в конце XIX в.³ пограничными солдатами.

Тхо, или тхо зу — этноним, возникший от названия уезда, существовавшего в XV в. Эта территория в настоящее время включает уезды Аньшон и Тхантьонг пров. Нгеан.

Тайпонг живут в труднодоступных местах уезда Тьонгзыонг (пров. Нгеан). Они близки к группе данлай. У них распространены в основном две фамилии — Виенг и Ла. В языке тайпонг мон-кхмерские элементы выражены сильнее, чем в говорах других горных вьетов.

Шать расселены в горных районах пров. Куангбинь (хребет Чыонгшон). Возможно, что шать являются потомками древнейшего населения севера Центрального Вьетнама. По антропологическому типу шать относятся к южным монголоидам, но у них заметны и негро-австралоидные черты. Сейчас у шать распространены фамилии Хо и Као, хотя до революции 1945 г. их не было. В западной части пров. Куангбинь издавна бытуют рассказы о столкновениях между группами нгуон и шать из-за земель.

Май — одна из групп шать. Относительно компактно расселены май около перевала Музиа в западной части пров. Куангбинь. У них, как и у шать, раньше не было фамилий, а сейчас май приняли те же две фамилии, что и шать, — Хо и Као.

Группы рук, арем и малиенг живут в самых труднодоступных местах около границы с Лаосом. До 1960 г. основной формой их хозяйства были охота и собирательство, но в настоящее время они все больше начинают заниматься подсечно-огневым земледелием. Жили они прежде в пещерах или во временных хижинах из банановых листьев. Перед агрессией США они начали переходить к оседлому образу жизни и даже создавать сельскохозяйственные кооперативы. Сейчас рук расселены в уезде Туйенхоа, а малиенг — в западной части пров. Хатинь и северо-западной части пров. Куангбинь. Арем обитают в западной части уезда Бочать пров. Куангбинь.

Данлай (902 чел.) и лиха (560 чел.) — этнографические группы вьетов; раньше они жили в разных районах пров. Нгеан. В настоящее время они сосредоточены в селении Моншон уезда Конкуонг (западная часть пров. Нгеан). У них распространены фамилии Ле, Ла, За, Ви. Названия этих этнографических групп происходят от названий мест, где они жили (в XV в. были селения Данлай и Лиха на берегах р. Данлай — ныне это р. Чай в уезде Тхантьонг в пров. Нгеан).

Выон и куюйтям — этнографические группы вьетов, происходящие от группы тхо ламла. Их язык близок к говорам вьетов, обитающих в

² Не следует путать со старым названием тай — «тхо».

³ См. Мак Дыонг, Народы горных районов северной части Центрального Вьетнама, Ханой, 1964, стр. 33, 34 (на вьетн. яз.).

уездах Аньшон и Куиньлыу пров. Нгеан. Часть их раньше жила в районах Нонгхет в центральном Лаосе. Позднее они переселились в деревню Танхоп уезда Нгиадан пров. Нгеан. Основное их занятие — садоводство.

Нгуон — самая крупная вьетско-мыонгская группа в западных районах пров. Куангбинь. До XV в. большинство их жило на равнинах Нгеана и Хатиня. В местах их современного обитания они осваивали целинные земли (в верхних течениях рек Нгуоншау и Нгуоннай; на языке мыонг «Нгуон» означает «верхнее течение реки»). В основном они сосредоточены в 14 селениях уезда Туенхоа. В настоящее время нгуоны сливаются с вьетами. Об этом свидетельствует перепись населения 1960 г., во время которой большинство нгуонов называли себя вьетами. Их основные фамилии также совпадают с вьетскими: Динь, Нгуен, Као, Хо, Нго, Тхай.

Мон-кхмерские народы состоят из двух групп — бру и кхму. Их общая численность 15,3 тыс. чел.

Бру — («люди леса»), в состав которых входят кхуа, со, ванкьеу, мангконг, тайой, живут в юго-западной части севера Центрального Вьетнама. Численность их составляет 7,3 тыс. чел. Они сосредоточены в западной части пров. Куангбинь и западной части района Виньлин. Родственные им группы расселены и к югу от 17-й параллели (ванкьеу, батхи, тайой); по происхождению и языку они очень близки к группам горных кхмеров юго-западной области севера Центрального Вьетнама. У этих народов существуют и другие самоназвания, главным образом по названиям гор и ручьев в местах их обитания. Например, в дер. Илиенг⁴ имеются две группы бру: бру розьом (т. е. бру, живущие по берегам ручья Розьом) и бру дыонг (т. е. бру, живущие на холме Дыонг)⁵. Все население этой деревни является родственниками по материнской линии. До августовской революции 1945 г. у этих групп не было фамилий.

В 1948 г. все эти этнические группы приняли одинаковую фамилию Хо для того, чтобы выразить, как они говорили, глубокую благодарность революции и президенту Хо Ши Мину. Однако, с другой стороны, это свидетельствовало о возросшем самосознании и о тесных исторических связях между горными народами кхмеров и вьетов этой области.

Племена горных кхмеров можно разделить на две группы. В первую входят со, кхуа, мангконг, чи. Эти группы жили в районах, прилегающих к Лаосу, откуда они переселились во Вьетнам в конце XIX в. Вторую группу образуют ванкьеу⁶ из уезда Летхюи пров. Куангбинь и горных районов по берегам р. Сепанхиен (недалеко от 17-й параллели). Однако большинство ванкьеу жило ранее в западной части пров. Куангуи к югу от 17-й параллели, откуда они переселились в северную часть этой провинции в начале XIX в.⁷

Судя по местным генеалогическим спискам, обе эти группы горных кхмеров принадлежали к одной народности и были расселены в центральном Лаосе с центром в Мыонглакхоне (ныне район Лакхон пров.

⁴ Эта деревня находится в западной части уезда Туингхоа (пров. Куангбинь) в 60 км от границы с Лаосом.

⁵ Это распространенный способ образования названий. Так, например, бру чи (т. е. бру, живущие в горе в районах Халак, Сандао, Лаос), бру мангконг (т. е. бру, живущие на горе Мангконг — в районах Няят, Тхонкам уезда Банафау, Лаос) и т. д.

⁶ Ванкьеу — название административного района западной части уезда Камло (пров. Куангчи). При императоре Миньманге (1820—1858 гг.) был создан административный район, который объединил все группы ванкьеу.

⁷ См.: Uong Hoang Tuyen, Các dân tộc người gốc Nam-A, ở miền bắc Việt nam, Hanoi, 1963.

Тхакеи). Они составляли основную часть населения феодального государства Вьентьян в конце XVII в.⁸

Кхму, сакау, пуок, тайхот, тайпонг, тайхай, тень и футень живут в труднодоступных местах западной части пров. Тханьхоа и Нгеан. Они насчитывают около 8,0 тыс. чел., т. е. треть всех групп кхму Северного Вьетнама. У них преобладает шесть фамилий (Моонг, Хунг, Сео, Лы, Кут, Ко). Группы кхму или са севера Центрального Вьетнама являются родственниками групп кхму пров. Фонгсали в Лаосе.

По генеалогическим преданиям кхму этого региона были потомками сыновей короля Тхаоньи, который считался главой всех групп кхму и создал в XVI в. государство, находившееся в юго-западной части пров. Луанг-Прабанг. Это послужило поводом для захвата кхму части территории тайских народов и создания на этих землях нового государства Тьюн (Тьюн — титул короля Тхаоньи). Так как это государство находилось к югу от районов расселения тай по р. Меконг, его называли еще Намтьюн, т. е. «Южный Тьюн».

Историю этнического развития народов севера Центрального Вьетнама можно разделить на два этапа. Первый этап (раздробление этнических общностей и ассимиляция), который длился веками до самой Августовской революции. На этом этапе появились многие изолированные группы с разными этнонимами. Вследствие жестоких войн, переселений и феодальной эксплуатации многие народы уходили в труднодоступные места и распадались на отдельные группы. Численность некоторых из них составляла только 40—100 чел.

Многие из горных народов попали в феодальную зависимость от тайских феодалов. Прежние этнические названия таких зависимых групп стали заменяться на иные, происходившие от имени хозяина. Одновременно их обычаи и культура подвергались сильному воздействию культуры тай, что вело к культурному разобщению народов. В таких условиях этническое самосознание ослабевало и его заменяло родовое или местное. Поэтому на севере Центрального Вьетнама появилось много этнонимов, происходивших от названия мест обитания (холмов, гор, долин, рек, ручьев и т. д.).

Второй этап (консолидация народов) начался в период победы революции 1945 г. и продолжается до нашего времени. Местные феодалы были свергнуты, земля отдана трудящимся. Уровень жизни горцев все время повышается, неграмотность в значительной степени ликвидирована. Представители всех народов участвуют в административных местных органах. В войне Сопротивления против французских захватчиков активно участвовали партизанские отряды народов севера Центрального Вьетнама тхай, кхму (са), бру, мяо и т. д.

В настоящее время эти народы вносят большой вклад в борьбу против американских империалистов. В борьбе за освобождение и независимость страны ускорились процессы этнического развития всех народов Вьетнама. Строительство основ социализма во Вьетнаме, создание коллективных хозяйств стимулировали процессы консолидации и формирования социалистических народностей у горных народов севера Центрального Вьетнама.

⁸ Мак Дыонг, Указ. раб., стр. 43, 44.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. В. Виноградов

БИРЮЗА, ПЕРВОБЫТНАЯ МОДА, ЭТНОГЕНЕЗ...

Бывают в работе темы, чаще второстепенные, своего рода ответвления от главного русла занятий, которые, кажется, никогда не иссякают и к которым на протяжении многих лет возвращаешься вновь и вновь. И дело, видимо, не только в том, что периодически появляется новый интересный материал (хотя в конечном итоге и это немаловажно). Вероятно, решающую роль играет тут какое-то особое положение предмета в кругу научных интересов или, говоря другими словами, некая приязнь, особое душевное расположение. Для меня таким предметом, такой темой являются кызылкумские самоцветы, в первую очередь бирюза. Первым знакомством, выросшим потом в глубокий и длительный интерес к теме, я обязан ташкентскому геологу С. В. Лопатину. Это был энтузиаст в своей не совсем привычной для геолога работе, человек уже далеко не молодой, но живой и увлекающийся, очень интересовавшийся археологией и этнографией (и сам занимавшийся археологией), писавший втихомолку стихи. Главным же его увлечением в последние годы была бирюза.

1. Бирюза Кызылкумов

Серый конверт с ташкентским обратным адресом, листы писчей бумаги, покрытые с обеих сторон размашистым почерком С. В. Лопатина: «...о бирюзе у нас мало кто знает. Минерал хотя и древний, но забыт давно и прочно, и поэтому мне так трудно „двигать“ бирюзовые дела. Впрочем, в будущем году предполагают разведку на бирюзу, в том числе и в Кызылкумах... Был на Бирюзакане в Таджикской ССР. Там работает В. И. Киреев и они нас уже „переплюнули“ — добыли около 300 килограмм прекрасной бирюзы».

Письмо это почти десятилетней давности, и уже нет в живых Степана Владимировича — он погиб в 1965 г., а я пользуюсь любым случаем, чтобы хотя бы бегло обследовать старые, давно заброшенные горные выработки в Кызылкумах. Изучение древних горных промыслов не стоит сейчас в плане наших полевых работ. Но как не «выкроить» машину и не выбраться хоть на неделю в Букантау, если до них от нашего палаточного лагеря меньше сотни километров.

Букантау — самая северная из горных возвышенностей Внутренних Кызылкумов. На добрую сотню километров протянулись в разных направлениях невысокие хребты, изрезанные саями-оврагами плато. Пробираясь по саям, встречаем редкие колодцы с войлочными казахскими юртами, с большими отарами, ждущими очереди на водопой. В Букантау — много древних разработок бирюзы. Старые выработки не

так-то просто найти. Даже если известно, что они где-то здесь, рядом. Машину оставляем на бугре (хороший ориентир) и веером разбредаемся по покрытой редкой, пыльной колючкой слегка всхолмленной равнине. Через два часа наша маленькая группа снова в сборе у оплывших, заросших полынью мелких корытообразных ям, окруженных отвалами. Расположенные отдельными группами они цепочкой уходят в обе стороны на многие сотни метров. Это и есть остатки древних горных разработок. Найти их, действительно, нелегко — настолько сглажены временем не только мелкие ямы-«копуши», но и крупные карьерообразные выработки-котлованы.

Не надо быть специалистом, чтобы определить, что здесь добывали. На низких грядах отвалов, на пологих осыпавшихся и заплывших краях «копушек», везде — тысячи мельчайших обломочков, вкраплений, чешуек бирюзы: благородной густо-голубой и бледно-голубой небесных оттенков, зеленоватой и почти белой, выцветшей. Местами они редки, порой почти исчезают, местами покрывают рыжую просоленную земляную корку почти сплошной голубовато-зеленой мозаикой. Здесь на этих последних участках происходила, видимо, сортировка добытой породы и обогащение бирюзы, голубеющей тонкими жилками в кварце и сланцах.

О кызылкумской бирюзе знали давно. Известная еще с первобытных времен, она интенсивнейшим образом разрабатывалась в средние века. Однако позднее бирюзовый промысел постепенно замирает. Новое «открытие» бирюзы связано с работами Партии по изучению древней горной деятельности Министерства геологии УзССР. Название партии не совсем обычно для геологических учреждений. К тому же в штатах партии наряду с геологами имеется и археолог. Однако и то и другое в данном случае вполне оправдано: древние выработки — один из существенных поисковых признаков при разведке ряда полезных ископаемых. И в то же время древние выработки — это археологический памятник. Последнее обстоятельство немаловажно для геологов, так как дает возможность ответить на вопрос, когда и, следовательно, на каком техническом уровне разрабатывалось месторождение.

Этот труд узбекских геологов без преувеличения можно назвать уникальным, во всяком случае централизованные исследования такого масштаба и в других районах СССР мне не известны. Будь результаты этих работ опубликованы (сейчас доступна лишь незначительная их часть), археологи и этнографы — «среднеазиаты» получили бы великолепный справочник как по многочисленным ограниченным камням, употреблявшимся населением Средней Азии, так и по различным рудным и нерудным ископаемым, разрабатывавшимся с глубокой древности до недавнего прошлого. Геологи во главе с С. В. Лопатыным и сменившим его в 1965 г. В. И. Киреевым просмотрели горы геологических отчетов и литературы, проделали тысячи километров по равнинам Кызылкумов, в горах Чаткала, Курамы, Гиссара, чтобы найти и описать сотни пунктов, где в древности добывали самоцветы, разрабатывали руду и поделочный камень. Они встретили и настоящие рудники, колоссальных для той поры масштабов, с шахтами и штольнями, системой водоотлива и вентиляции и маленькие ямки-«копуши».

Бирюза заняла в этих работах значительное место. Видимо, не последнюю роль сыграли в этом превратности моды: лет десять назад, когда работы только еще начинались, этот казалось прочно забытый камень стал вдруг необычайно популярен. Резко подскочили цены на мировом рынке. Тогда-то и вспомнили о бирюзе Средней Азии. Речь, однако, пойдет сейчас не об этом, а о тех далеких временах, которые можно назвать зарей ювелирного искусства.

2. Самые древние украшения

Главная улица пересекает Владимир с запада на восток. В восточной части города влево уходит дорога на древний Суздаль. А улица, вернее уже шоссе Москва — Горький, ведет дальше, в не менее древнее с. Боголюбово. Справа от дороги, на окраине города, цеха кирпичного завода и большие глиняные карьеры. Место здесь возвышенное. К югу и востоку открывается чудесный вид на широкую пойму Клязьмы, на просторах которой затерялась одна из замечательнейших древнерусских построек — церковь Покрова на Нерли.

В июле 1955 г. в одном из карьеров стали попадаться крупные кости, а однажды ковш экскаватора разрезал остатки древнего кострища: в стенке карьера была видна темная углистая линза, а вокруг нее скопление костей. В 1956 г. здесь уже работала археологическая экспедиция под руководством О. Н. Бадера. Так была открыта стоянка Сунгирь — один из интереснейших памятников верхнего палеолита Русской равнины.

Вместе с тысячами каменных орудий на стоянке Сунгирь было найдено несколько погребений верхнепалеолитического человека. Расчищая одно из них, археологи нашли огромное количество костяных бус — 3500; были также обнаружены костяные браслеты; в погребении найдена и каменная подвеска. Находка в Сунгире — один из древнейших и самых богатых для этого времени ювелирных наборов. Она не единственна в своем роде. Широко известны крупные комплексы украшений из верхнепалеолитических погребений в гротах близ Ментоны (Италия), где умерших хоронили в одеждах, богато украшенных морскими раковинами, в ожерельях и браслетах из раковин, клыков и резцов животных, позвонков рыб. Ожерелье из 120 бус мамонтовой кости, с подвеской, изображающей летящую птицу, извлечено из детского погребения на верхнепалеолитической стоянке Мальта в Сибири.

Порой наряду с сотнями довольно единообразных бус из кости и раковин археологи находят и настоящие шедевры верхнепалеолитического ювелирного искусства: браслеты и диадемы, нагрудные бляхи и фигурные подвески, которые удивляют изобразительными достоинствами, тонкостью и совершенством отделки.

Украшения верхнего палеолита — древнейшие на Земле. В это время все более развивается техника обработки камня и кости, в частности впервые появляется сверло. Бусина же без сверленного отверстия, как известно, еще не бусина. Удивительно другое — необыкновенный размах ювелирного искусства в эпоху, когда оно только что появилось. Впрочем, это лишь часть сложной проблемы изобразительного искусства верхнего палеолита (вспомним замечательную живопись и скульптуру того времени).

Древнейшие украшения непосредственно связаны с зародившимися в эпоху палеолита религиозными представлениями. Не случайно на бляхах и подвесках мы находим изображения почти всех животных, знакомых тогда человеку. Видимо, эти изображения имели обрядовое, магическое значение и были связаны с тотемным культом зверя. А то, что археологи находят их в погребениях (вместе с другими предметами повседневной жизни) свидетельствует об уже существовавших в верхнем палеолите представлениях о душе и загробной жизни — продолжении земной.

Интересна и техническая сторона дела. Не говоря уже о высокохудожественных украшениях, требовавших больших затрат труда и являвшихся скорее исключением, чем правилом, даже изготовление обычных, повторяющихся в тысячах экземпляров бус и подвесок было делом непростым. Большие количества их, находившиеся, судя по погребениям, в собственности одного лица, скапливались, очевидно, в течение многих десятилетий. Обнаруженные в Сунгире О. Н. Бадером бусы из бивня

мамонта довольно потерты, что дает основание полагать, что ими пользовались длительное время, их перешивали с одной одежды на другую, и они, по-видимому, переходили тем или иным способом от одного человека к другому.

О незаурядной по тем временам ценности коллекции украшений из Сунгиря можно судить хотя бы по тому, что только на изготовление бус (3500 штук) по самым скромным подсчетам требовалось более 2600 часов рабочего времени (около $\frac{1}{3}$ года непрерывного труда). С. А. Семенов, специалист по истории первобытной техники, считает, что изготовление одной сунгирьской бусины отнимало 30—60 минут.

Вряд ли во времена верхнего палеолита изготовлением украшений, во всяком случае обычных бус, нашивок, бляшек, занимались специальные мастера. Лишь позднее в раннеолитическое время зарождается «ювелирная» специализация; так, в раннеолитическом поселении Джейтун (Южная Туркмения), полностью и очень тщательно раскопанном по одному из строительных горизонтов, полные комплекты «ювелирных орудий» встречаются уже не в каждом доме поселка. Впрочем, процесс, этот идет настолько быстро, что в неолите мы находим уже и настоящие мастерские по изготовлению украшений, и первые значительные разработки разных самоцветов.

3. Первые ювелирные мастерские

В 1947 г. археологический отряд под руководством А. П. Окладникова вел разведку на Красноводском полуострове. Археологи нашли здесь десятки пунктов с каменными орудиями. Одним из самых интересных оказался памятник, известный сейчас как мастерская у мыса Куба-Сенгир. В земляном заполнении небольшого естественного углубления в скале было найдено около тысячи бус и заготовок для них. Материал использовался местный, который сравнительно легко было получить в окрестностях мастерской, — створки каспийских раковин дидакна. Бусы нескольких типов лежали рядами, словно нанизанные на невидимую нить. Здесь же были заготовки — лишь просверленные, а то и вовсе почти не обработанные раковины. Мастерская датировалась эпохой неолита.

Неолитические ювелирные мастерские известны и в других местах. Совсем недавно была сделана новая интересная находка такого рода, на этот раз в Кызылкумах. Один из отрядов Хорезмской экспедиции работал в районе соленых Лявляканских озер. Находки, несколько неожиданные в этих суровых, безводных местах, следовали одна за другой. Берега озер, ныне совершенно безжизненные, как оказалось, в неолите были густо заселены. Очевидно, несколько тысячелетий назад в озерах вместо многометровой корки соли была пресная вода. На приозерных стоянках археологи находили все, что положено находить в таких случаях: обломки лепной глиняной посуды и кремневые орудия — скребки, скреблы, проколки, наконечники стрел. Из украшений чаще всего попадались мелкие бирюзовые бусы. Тут же были и необработанные обломки бирюзы. Иногда они располагались небольшими скоплениями и вместе с ними можно было найти миниатюрные кремневые орудия — микросверла: одно, несколько или несколько десятков. С их помощью в бирюзовых заготовках сверлились отверстия.

Стоянка Лявлякан 59 сразу же обратила на себя внимание. Керамики здесь было мало. Кремень имелся в изобилии, но был необычным. Характерные для других лявляканских стоянок кремневые орудия попадались редко. Уплотненное песчаное дно и один из склонов небольшой котловины были усеяны мельчайшими кремневыми обломками. При более детальном рассмотрении многие из них оказались микросверлами, а остальные — заготовками для сверл и отходами при их изготовлении.

Часто встречавшиеся обломки бирюзы окончательно разъяснили дело: перед нами были остатки специализированного производства бус — ювелирной мастерской. В смежной котловине оказалось меньшее по размерам скопление таких же находок — «филиал» мастерской. По ряду признаков мастерскую можно было датировать III тысячелетием до н. э., т. е. концом неолита или энеолитом. Бирюзовые находки ничем не отличались от тех, что были получены на стоянках. Только готовых бус здесь не было. Кроме обломков бирюзы были найдены лишь заготовки для бус да брак (бусы часто ломались при сверлении).

Совсем недавно остатки крупных (по масштабам неолита, конечно) ювелирных производств были найдены в другом районе Внутренних Кызылкумов — на Бешбулаке. Бешбулакские мастерские интересны тем, что в качестве сырья наряду с бирюзой там широко использовался мраморный онкс — минерал, в первобытных коллекциях из Кызылкумов встретившийся впервые.

Микросверла лявляканских и бешбулакских ювелиров очень интересны. Рабочая часть их — тонкий длинный стержень (5—6 мм, при общей длине орудия в среднем в 10 мм), отделенный от тыльной части орудия хорошо выраженными плечиками (отчего и само орудие называется «плечиковым микросверлом»). Рукоять, если ее можно так назвать, маленькая, иногда длиной не более половины или даже трети рабочего конца. Таким орудием не только нельзя сверлить вручную, но и захватить-то его пальцами трудно. Очевидно, лявляканцы применяли для сверления какой-то простейший механизм.

Установлено, что в палеолите и мезолите применялись простейшие способы сверления — одноручный и двуручный, преимущественно последний. На конце деревянного или костяного стержня закреплялось каменное сверло (или просто обломок кремня с острым концом). Этот инструмент вращали ладонями. Сверлили обычно с двух сторон. Отверстие в разрезе было биконическим, как правило, со смещенными осями: встречные углубления редко совпадали. В неолите был изобретен и широко уже применялся лучковый сверлильный прибор. Стержень с зажатым на конце сверлом вращался уже не ладонями, а переклещнутой вокруг него тетивой лука. Лучковый способ сверления значительно облегчил обработку камня и других материалов. Он давал возможность работать очень тонким сверлом. Однако и при этом отверстие оставалось коническим или биконическим. Лявляканские ювелиры, по-видимому, уже знали и применяли лучковый способ.

Миниатюрность рабочей части сверл и хрупкость материалов, из которого они были сделаны, приводили к частым поломкам. Микросверла с обломанным концом составляют большую часть находок в мастерской. Впрочем, для подготовки инструментов — замены сломанного сверла новым — требовались считанные минуты. Для этого и служили те заготовленные впрок сотни сверл, что были найдены в мастерской. Изготовление их было делом несложным, и за несколько часов мастер мог сделать много десятков таких орудий.

Судя по размерам мастерской, продукция ее была значительной. К тому же следы производства бус в «домашних» условиях обнаружены на многих лявляканских стоянках. В связи с этим возник вопрос: вся ли продукция лявляканских «ювелиров» предназначалась для внутреннего потребления?

Неолит — это время хорошо налаженных межплеменных связей, когда некоторые изделия (или сырье для их изготовления) встречаются порой за многие сотни километров от места их изготовления или добычи. Мастерская у м. Куба-Сенгир дает интересный материал для изучения таких связей. Оказалось, что бусы из каспийских раковин — дидаки имеются не только в Прикаспии, но и в районах, за сотни километров удаленных от моря. Может быть, и мастерская у Лявлякана тоже рабо-

тала на «экспорт»? Проследить пути распространения бирюзовых поделок было бы счeнь интересно и важно. Исследования, проведенные в этом направлении, привели, однако к обескураживающему результату: оказалось, что практически все изделия лявляканских «ювелиров» оседали на месте. Но, как это нередко бывает, отрицательный результат привел к не менее интересным последствиям.

4. Мода? Или нечто другое?

В Кызылкумах известны сейчас три большие группы неолитических памятников. Это районы расселения трех племен (или групп племен). Памятники первой группы располагаются в правобережной части низовьев Амударьи. Вторая группа — уже известные нам памятники Лявляканских озер. Третья, южная группа связана с древними руслами низовьев Зеравшана — Махан-дарьей, Эчкиликсаем, Дарьясаем. Эти три района в неолите были отделены один от другого слабо освоенными пространствами, которые, однако, при всей их значительности все же не были непреодолимой преградой для постоянных контактов. Имеются свидетельства в пользу того, что такие контакты поддерживались. Но украшения в каждом районе были разные.

Жители низовий Амударьи — кельтеминарцы решительно предпочитали украшения из раковин. В этом их вкусы совпадали со вкусами населения Прикаспийских районов Туркмении. Однако это сходство было чисто формальным, так как кельтеминарцы употребляли для украшений совсем другие раковины. Изготавливались украшения преимущественно из двух видов раковин: денталии и клямис. Раковины денталии — тонкостенные цилиндрики длиной в 1—1,5 см. В принципе это уже почти готовые пронизки: сверления не требуется, надо лишь выровнять и заполировать края. Клямис — более вычурной формы. Внешне раковина напоминает развернутый веер: треугольная, плоская с хорошо выраженной гофрировкой, линии которой сходятся в одном из углов. Здесь и сверлилось отверстие. Обе раковины местные, ископаемые.

На Лявлякане, как мы знаем, отдавали предпочтение бусам и подвескам из бирюзы. Они же характерны и для другого района Внутренних Кызылкумов — Беш-Булака.

Своеобразны украшения неолитических племен староречий Зеравшана. Здесь раковинам и бирюзе предпочитали бусы и подвески из гальки. Выбирали небольшие, овальные или округлые плоские галечки и двусторонним сверлением делали отверстие, обычно у края, реже — в центре. Иногда из камня делали специальную заготовку. В этом случае подвеске могли придать ромбическую или треугольную форму, да и материал выбирали по красивее, например молочно-белый или розоватый кальцит.

Надо сразу же оговориться, что украшения из бирюзы помимо Лявлякана найдены и в Хорезме и на Зеравшане: в первом случае — две бирюзовые бусины (на вести примерно раковинных бус), во втором — несколько бусин (и более сотни подвесок и бус из галек). Каменная подвеска нижнезеравшанского типа найдена на Лявлякане. Наконец, пронизки-денталии найдены в низовьях Зеравшана и на Лявлякане (по несколько штук). Однако эти исключения не опровергают общей закономерности. Во всяком случае, мы могли бы легко отличить по украшениям кельтеминарца от лявляканца, а последнего — от неолитического человека с низовьев Зеравшана.

Проследить закономерность — только половина дела. Надо ее объяснить. Первое и наиболее логичное из объяснений следующее: мастера «ювелиры» в своей работе зависели от местного сырья. Ведь в типах украшений принципиальных различий нет. По существу лишь особенностями материала обусловлены варианты их форм и размеров.

Известно множество примеров, когда определенные виды украшений территориально приурочены к районам, имеющим соответствующие виды сырья, будь-то нефрит, янтарь, бирюза, специфической формы раковины или скорлупа страусовых яиц. Все другие варианты являются по существу лишь исключениями из этого правила. Дальнейшие разыскания показали, однако, что это объяснение для данного случая не подходит.

Вопрос о материале для нижнезеравшанских подвесок не требовал специальных исследований: мелкие, плоские гальки можно найти практически во всех районах Кызылкумов. Наложение археологической карты Кызылкумов на одномасштабную геологическую карту показало, что обнажения палеогеновых осадков, из которых происходят приглянувшиеся кельтеминарцам денталии, свойственны всем трем районам. Единичные пронизки — денталии со стоянок Лявлякана и Нижнего Зеравшана несомненно местного происхождения. Заметим кстати, что различного рода украшения из раковин-денталий были крайне популярны у населения Европы и Передней Азии, начиная с эпохи верхнего палеолита. Одной из наиболее эффектных находок подобного рода является набор украшений из мезолитических погребений пещеры Мугарет-Эль-Вад в Палестине, где нашитые раковины украшали головной убор и одежду погребенных.

Наиболее сложным казался вопрос о бирюзе. Отрывочные сведения о добыче бирюзы в Кызылкумах, содержащиеся в работах средневековых авторов, в ряде опубликованных геологических отчетов лишь в незначительной степени прояснили дело. Только специальные исследования древних горных выработок, проводившихся в Кызылкумах под руководством С. В. Лопатина, а затем В. И. Киреева дали новый первоклассный материал по этой проблеме.

5. Еще о бирюзе Кызылкумов

С Кызылкумской бирюзой связан широкий круг вопросов, интересных и важных для историков, археологов и этнографов. На многие из них до сих пор еще не существует исчерпывающего ответа.

Сейчас в Кызылкумах известно около двадцати месторождений бирюзы, и все они разрабатывались в древности. Первым из вопросов, сложным и еще далеко нерешенным, является датировка этих выработок. Древние бирюзовые копи Кызылкумов очень сильно различаются по форме и размерам выработок и по масштабам произведенных в древности работ. На одних — мелкие круглые «копуши», на других — огромные корытообразные карьеры или наклонные шахты. Предварительные подсчеты показали, что объем вынутой в древности породы колеблется в разных районах от нескольких десятков до 1—1,5 млн. м³. Крупнейшие в Кызылкумах древние бирюзовые разработки Тасказган (на северном склоне гор Тамдытау) имеют не менее 300 карьерообразных выработок, вытянутых полосой в длину на 20 км при ширине до 4 км. Количество добытой здесь поделочной бирюзы исчисляется, вероятно, десятками тонн.

Древние горные выработки датируются, как правило, обнаруженными на них археологическими находками. Последние обычно бедны, и чтобы получить хороший комплекс, нужны трудоемкие работы. На Кызылкумских разработках детальные археологические работы еще не проводились; кратковременный же осмотр дал лишь немного керамики. Собранные в ходе разведок коллекции не очень выразительны, поэтому весьма спорным остается вопрос о датировке этих разработок.

Среди находок наиболее хорошо представлена средневековая керамика (X—XIV вв.); имеются свидетельства, указывающие на разработку бирюзы в неолитическое время (IV—III тысячелетие до н. э.). Факт

добычи бирюзы в неолите твердо устанавливается также и находками в мастерских и на стоянках Лявлякана и Бешбулака. Анализы показывают идентичность этих находок и образцов из отвалов древних выработок.

Как расположены разработки бирюзы относительно трех районов расселения неолитического человека? Могли ли воспользоваться запасами «голубого камня» кельтеминарцы, любители раковинных ожерелий и зеравшанцы, украшавшие себя подвесками из галек. Да, могли. Если бы захотели. В горах Султануиздаг, у подножья которых жили кельтеминарцы, имеются два месторождения бирюзы и обнаружены древние выработки. И на том и на другом — бирюзовая минерализация хорошо выражена на поверхности. Бирюзу находят также и вблизи от тех мест, где жили зеравшанцы. В горах Кульджуктау, вдоль южного края которых проходит одно из основных и густо заселенных в неолите древних русел — Дарьясай, также имеются два месторождения и выработки. Население южных протоков Зеравшана могло получать бирюзу и из Кульджуктау, и из месторождений Нуратинских гор.

Оказывается, дело не в сырье. А в чем же тогда? Некоторый свет на это проливают более поздние находки. Как говорилось выше, время наиболее интенсивной добычи бирюзы падает на средневековье — X—XIV вв. Казалось бы, в памятниках этого времени украшения из бирюзы должны встречаться в большом количестве. Мы, к сожалению, располагаем данными только по низовьям Амударьи (Хорезм), однако и они достаточно красноречивы. В эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) бирюзу, как и раньше, здесь не использовали как поделочный камень. Позднее, в VII—II вв. до н. э. бирюзовые поделки получают довольно широкое распространение. Но это практически последние находки бирюзы в Хорезме. Ни в позднеантичное время, ни в средние века украшения из бирюзы здесь не пользовались спросом. Лишь в XVIII—XX вв. бирюза изредка употреблялась в качестве вставок в серебряные женские украшения. Мелкие обломки ее собирали, очевидно, в отвалах старых выработок. Из самоцветов всем камням предпочитали «красный камень» — сердолик.

Все эти обстоятельства снова ставят перед археологами несколько вопросов. Один из них: куда шли десятки тонн бирюзы, добытой в Кызылкумах (в том числе и в Хорезме) в средние века? Вопрос непростой, если учесть, что бирюза добывалась и в горных районах Средней Азии, и поставлялась в Среднюю Азию извне, из знаменитых Нишапурских месторождений Ирана. Некоторые исследователи считали прежде, что вся или почти вся бирюза Средней Азии — иранский импорт. Недавно была сделана обнадеживающая попытка разрешить хотя бы частично эту проблему. Ниже мы еще вернемся к этому.

Другой вопрос: почему, имея «под боком» запасы бирюзы, население некоторых районов предпочитало для украшений другие сорта поделочного камня, порой значительно менее эффектные? Этот вопрос у нас возник впервые при знакомстве с неолитическим населением Кызылкумов и его украшениями. Оказывается, он очень интересует и этнографов, установивших, что население отдельных районов Средней Азии, теперь (или в недавнем прошлом) также отдает предпочтение тому или другому из самоцветов. Что это в последнем случае: различие во вкусах, мода? Конечно, нет. Это сила традиции, уходящей корнями в отдаленное прошлое и связанная с происхождением той или иной этнической группы. Одно из подтверждений этому — сложная символика некоторых самоцветов, связанные с ними поверия, не находящие порой объяснений в современном этнографическом материале.

Преимущественное (реже исключительное) использование определенного вида украшений в эпоху неолита, и в средние века, и в XVII—XIX вв. в принципе явления одного порядка. Можно предполагать, что

«вкус» к бирюзе, лазуриту, сердолику или другому из камней сложился первоначально в связи с наличием его природных запасов на территории обитания и лишь со временем был возведен в традицию. Традиция была стойкой, так как «вкус» к определенному украшению являлся составной частью сложной системы первобытных религиозных верований. Вытянуть до конца из запутанного клубка фактов ниточку традиции редко удается: слишком переменчивы судьбы первобытных племен. Пример этому — история нижнезеравшанских украшений. К рубежу III и II тысячелетия до н. э. невзрачные каменные подвески здесь исчезают. На смену им приходит довольно богатый набор разнообразных по форме бус более совершенной выделки. И что любопытно, довольно широко применяется бирюза. Что это: «рука Лявлякана»? Вряд ли. Сложившаяся в это время в низовьях Зеравшана заманбабинская энеолитическая культура несет на себе печать очень сильных южных влияний. Об этом свидетельствует и форма бус, в том числе бирюзовых. Однако бирюза продержалась здесь недолго. Примерно к середине II тысячелетия до н. э. украшения из бирюзы практически исчезают (одна бирюзовая поделка на 57 каменных бус). Сменилась традиция? Да. В это время Кызылкумы были «оккупированы» пришельцами с северо-запада — тазабагъябцами. Они появились и в Хорезме. Вспомним: в Хорезме во II тысячелетии до н. э. также нет бирюзовых украшений. Очевидно, это не случайное совпадение.

6. Во व्यюках — бирюза

Вернемся, однако, немного назад и вспомним о первом из вопросов, возникших при изучении кызылкумских бирюзовых рудников: куда шли десятки тонн бирюзы, добывавшейся в Кызылкумах в позднеантичное время и в средние века. Вопрос этот встал перед исследователями давно, однако только сейчас появилась реальная возможность если не ответить на него исчерпывающе, то, по крайней мере, определить наиболее перспективный путь решения проблемы.

В конце 1971 г. на кафедре археологии Ташкентского университета была защищена кандидатская диссертация по среднеазиатской бирюзе. Диссертация эта вышла из «недр» Партии по изучению древней горной деятельности Министерства геологии УзССР, а автор ее Е. Б. Пругер — выпускник Ташкентского университета и ученик проф. М. Е. Массона — уже многие годы является сотрудником этой партии. Применяя современную методику, Е. Б. Пругер установил связь бирюзовых находок с ряда разновременных археологических памятников с некоторыми определенными месторождениями бирюзы.

То, что бирюзовые бусы ряда неолитических стоянок Кызылкумов, в том числе и Лявляканских, сделаны из Кызылкумской бирюзы, было ясно с момента открытия последних. Исследованиями Е. Б. Пругера это подтвердилось, более того неолитические поделки удалось связать с определенными кызылкумскими рудниками.

Он установил также, что на Афрасиаб — городище бывшего Самарканда — бирюза (в том числе и на раннем этапе, в VI—IV вв. до н. э.) поступала также с кызылкумских месторождений, в частности с таких дальних, как Аякаши I и II в горах Букантау. Однако самые интересные результаты были получены при изучении бирюзовых находок с поселения Кучук-тепе и с городищ Старого Мерва. Украшения Кучук-тепе (VI—IV вв. до н. э.), как и афрасиабские, тоже оказались изготовленными из кызылкумской бирюзы. Несколько сотен километров надо было преодолеть голубому камню из Букантау: ведь поселение Кучук-тепе расположено на крайнем юге Узбекистана, в 70 км от Термеза. Пожалуй, не меньшее расстояние отделяет городища Старого Мерва от хорезмских гор Сулгануиздаг. А именно из сулгануиздагского месторождения

Тебинбулах шла в Мерв бирюза (в том числе в II—III вв. н. э.). Интересно, что среди идентифицированных находок на городищах Мерва, кроме изделий, имеются обломочки бирюзы — сырца. Видимо, караваны везли из Хорезма необработанную бирюзу.

«Привязка» бирюзовых поделок к определенным месторождениям производилась по спектроаналитическим данным: для бирюзы каждого месторождения характерны некоторые микропримеси, свойственные лишь ей. По ним и производится атрибуция образцов. Выбор образцов, изученных Е. Б. Пругером (археологические образцы), видимо, в известной мере был случайным. Однако даже эти по существу разрозненные анализы дали крайне интересный результат. Сейчас можно лишь предполагать о том эффекте, который может быть получен при исследовании крупных серий бирюзовых изделий с памятников разных эпох и разных территорий из этнографических коллекций.

Из палеоэтнографических и палеоэкономических проблем, связанных с самоцветами и снова требующих пересмотра, на одном из первых мест стоит проблема иранской, нишапурской бирюзы. Высококачественная бирюза из Нишапурских рудников стала за последнее тысячелетие не менее легендарным камнем, чем бадахшанский (афганистанский) лазурит. Ранее считалось, что если не вся, то большая часть среднеазиатской «археологической» и «этнографической» бирюзы — иранский импорт. Однако исследования последнего десятилетия, и особенно упоминавшиеся выше находки в Старом Мерве, Афрасиабе и Кучуктепе, решительно опровергают это. Можно предполагать сейчас, что слава — вполне заслуженная — нишапурского самоцвета складывалась, видимо, лишь в средние века и особенно в позднем средневековье, когда среднеазиатский бирюзовый промысел стал приходить в упадок. Впрочем, сейчас имеется реальная возможность разрешить и проблему импорта, и некоторые другие из «бирюзовых» проблем.

Одновременно встают другие вопросы. Для исследователей Кызылкумов (да и не только Кызылкумов) главные из них — два. Один связан с сердоликом, другой — с ониксом.

О находках мраморного оникса и изделий из него в районе Бешбулака — первых массовых находках подобного рода в Кызылкумах — мы уже говорили выше. Задача заключается в том, чтобы найти источник получения этого минерала для бешбулакских мастерских. В недавно вышедшей сводке Н. Л. Николаева¹ отмечено четыре месторождения мраморного оникса, все далеко за пределами Кызылкумов. Происхождение же бешбулакского оникса безусловно местное, кызылкумское. Этот натечный минерал образуется обычно в карстовых пустотах, пещерах, трещинах. В 1971 г. в поисках оникса мы осмотрели пещеры и навесы Окжетпеса — ближайшей к Бешбулаку возвышенности, однако беглый поиск окончился безрезультатно.

Значительно сложнее, но и интереснее обстоит дело с сердоликом. Популярен он в Средней Азии — с древнейших времен и до наших дней — чрезвычайно, однако места добычи его здесь пока практически неизвестны (в древности, согласно Бируни, славился сердолик иеменский и индийский). Имеются неточные указания на добычу его в недавнее время в горах Султануиздаг в Хорезме.

Самые древние сердоликовые бусы в Хорезме относятся к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.); считается, что они месопотамского происхождения. Самый выразительный поздний сердоликовый комплекс — уникальная коллекция женских украшений XIX — начала XX в., собранная нукусским художником и искусствоведам Игорем Витальевичем Савицким. Знакомство с коллекцией позволяет говорить скорее о местном, чем о привозном характере сердоликовых вставок.

¹ Н. Л. Николаев, Декоративные камни Узбекистана, Ташкент, 1967.

С. В. Лопатин долго, но тщетно искал сердолик в Султануиздаге. В конце концов он пришел к убеждению, что Бурлы 3—месторождение (и древние разработки) кремня. Там же добывался и сердолик. В 1961 г. мы провели на Бурлы 3 разведочные работы, однако Степан Владимирович не смог, к сожалению, детально познакомиться с их результатами. Вопрос этот остается открытым до сих пор.

История самоцветов и украшений из них—один из увлекательнейших сюжетов для исследования. Дело, очевидно, в том, что при этом одновременно затрагиваются сферы и материальной, и духовной жизни людей: с одной стороны, верования, вкусы, мода, с другой—источники сырья, техника и организация производства. Многие из поставленных выше вопросов остались без ответа. Одни из них могут быть разрешены уже сейчас на имеющихся материалах и существующими методами. Они лишь ждут исследователя. Решение других—дело будущего.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1971 ГОДА

С 24 по 29 апреля 1972 г. в Москве проходила сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом археологии АН СССР и Институтом этнографии АН СССР.

Сессия проводила свою работу в дни, когда вся страна готовилась отметить 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Этому знаменательному событию было посвящено расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР.

Мы остановимся лишь на этнографических проблемах, вынесенных на пленарные заседания, а также обсуждавшихся на отдельных секциях.¹

На первом заседании Отделения истории АН СССР был заслушан доклад Ю. В. Бромлей «Опыт типологизации этнических общностей». Докладчик отметил, что этническая структура человечества чрезвычайно сложна, формы этнических общностей многообразны, но для обозначения всего этого типологического многообразия используется весьма ограниченное количество символов (терминов). В результате этого типологически различные явления обозначаются одинаковыми терминами, что ведет к терминологической путанице. Для уточнения значения терминов Ю. В. Бромлей предложил ввести следующие понятия: а) «основные этнические подразделения» — совокупности людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств, б) «элементарные этнические единицы» и «микроэтнические единицы» (составные части основного этнического подразделения); в) «макροэтнические единицы» — этнические общности, охватывающие несколько основных этнических подразделений. Докладчик подчеркнул также необходимость различать понятия «этнос» (в узком значении слова) и понятие «этносоциальный организм».

Далее Ю. В. Бромлей говорил о том, что нужно разграничивать номенклатуру и в историко-стадиальном плане, в зависимости от принадлежности этнической общности к той или иной социально-экономической формации или группе формаций. Этот тезис был подробно развернут в докладе и проиллюстрирован конкретными примерами из истории человеческого общества.

На сессии Отделения был заслушан также доклад Д. Д. Тумаркина «По островам Океании». Как сообщил докладчик, это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Н. Н. Миклухо-Маклая. За четыре месяца экспедиция посетила острова и архипелаги, расположенные во всех основных историко-культурных областях Океании: Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Каледонию и Фиджи в Меланезии, Западное Самоа и группу островов Эллис в Полинезии, Науру и архипелаг Гилберта в Микронезии, а также островок Лорд-Хау, находящийся недалеко от восточного побережья Австралии. Экспедиция собрала ценный научный материал, музейные коллекции, были сделаны магнитофонные записи многочисленных образцов песенно-музыкального фольклора народов Океании, снят кинофильм о культуре и быте жителей островов, на которых побывали члены экспедиции.

Первое расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное 50-летию образования СССР, открылось докладом Т. А. Жданко (Москва) «О роли национально-государственного размежевания в процессах этнического развития народов Средней Азии». Она охарактеризовала ту своеобразную этническую ситуацию, которая сложилась в Средней Азии ко времени Великой Октябрьской социалистической революции и всесторонне учитывалась при проведении национального размежевания. Еще задолго до присоединения к России народы Средней Азии были известны как сложившиеся этнические общности типа «народность». Вследствие проникновения элементов капитализма, роста национально-освободительных тенденций начался

¹ Расширенные варианты ряда докладов уже опубликованы в журн. «Сов. этнография»: Д. Д. Тумаркина — 1972, № 2; Ю. В. Арутюняна — 1972, № 3; Ю. В. Бромлей, Т. А. Жданко, Ц. П. Каландадзе, Н. С. Королевой, Н. Л. Жуковской — в настоящем номере журнала.

процесс формирования буржуазных наций у таких народов, как таджики, узбеки, казахи. Т. А. Жданко рассказала о большой подготовительной работе, предшествовавшей национальному размежеванию, в том числе изучению этнического состава населения, национальным взаимоотношениям, составлению этнографических карт. Далее было отмечено, что глубокое научно-теоретическое обоснование национально-государственного размежевания Средней Азии, соблюдение принципа добровольности при его проведении, вступление вновь образованных республик в Союз ССР обеспечили успех этого важного акта ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Об исследовании социально-культурных аспектов развития и сближения наций в СССР» было показано, что в результате завершения в 1969 г. первого в стране широкого этносоциологического исследования, проведенного в Татарии сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР, стало возможным расширить масштабы работы и приступить к реализации общесоюзного проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций». Результаты этого исследования помогут решить ряд новых теоретических и практических задач.

В. Т. Зинич, В. И. Наулко (Киев) в своем докладе «Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР» подчеркнули, что «проведение ленинской национальной политики в Украинской ССР, как и во всей Советской стране, всегда базировалось на двух взаимосвязанных тенденциях в национальном вопросе: с одной стороны, всестороннем развитии каждой нации и народности, с другой — на дальнейшем их сближении и расширении взаимоотношений». Докладчики отметили, что современные процессы этнического развития в УССР проходят в направлении консолидации украинской советской социалистической нации и дальнейшего всестороннего сближения народов как в республиканском, так и общесоюзном масштабе. Успешному течению этих процессов в значительной мере способствует социально-экономическое, политическое и культурное развитие воссоединенных в годы Советской власти украинских земель.

В докладе Ц. П. Каландадзе (Тбилиси) «Культурные взаимосвязи народов Закавказья в годы Советской власти» на конкретном материале показано, как происходил процесс сближения и взаимного обогащения народов Закавказья в различных отраслях культуры, как развивались и упрочивались культурные связи между советскими республиками Закавказья. Докладчик отметил большое значение для этих процессов русского языка и литературы.

Н. С. Королева (Москва) в докладе «Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах союзных республик» отметила, что развитие народных промыслов предусматривает решение целого комплекса как теоретических, так и сугубо практических задач. Докладчица говорила также о том, что в связи с необходимостью расширения производства национальных изделий в большинстве союзных республик проводится работа по возрождению традиционных видов искусства, уделяется внимание изучению наследия национальной культуры.

Второе заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР открыл Ю. В. Бромлей. Он прочитал доклад «Некоторые итоги и перспективы развития советской этнографической науки». Докладчик поставил перед собой важную цель — «привлечь внимание к некоторым из тех задач, которые ставит перед советскими этнографами развитие нашего общества и прежде всего материалы XXIV съезда КПСС». В докладе поднят ряд теоретических проблем. Отметив, что процесс изменения представлений о предметной области этнографии, как и других конкретных дисциплин, неизбежен, Ю. В. Бромлей остановился на принципах определения предметной области этнографической науки, предварительным условием которого, по его мнению, является углубление наших представлений об этносе. Предлагаемое докладчиком разграничение понятия «этнос» в узком и широком смысле слова позволяет установить критерии для размежевания этнографии и других культуроведческих дисциплин. Представляется, что эти критерии следует искать прежде всего среди типологизирующих, характерных свойств этноса, т. е. его этнических функций. С этой точки зрения Ю. В. Бромлей рассматривает изучение этнографами традиционных форм культуры, обладающих этнической спецификой. Особенно ярко это выражается в работе над историко-этнографическими атласами. Докладчик указал также на важность изучения духовной культуры, ее этнической специфики в связи с изменениями культуры и быта народов, развитием науки и техники. Далее Ю. В. Бромлей наметил основные задачи этнографического изучения современных этнических процессов, в котором должны принять активное участие этнодемографы, этносоциологи и этнопсихологи, а также задачи в области изучения этнической истории и проблем этногенеза народов, истории первобытного общества и исследовательской работы по изучению отечественной этнографии.

З. С. Маркрян (Ереван) выступил с докладом «Место и роль понятия „культура“ в системе современных наук». По мнению докладчика, аналитическое вычленение такого всеохватывающего и всепроникающего во все поры социальной жизни феномена, как культура, предполагает задачу построения многомерной модели общества. Такая модель поможет ответить на вопрос, как, каким образом осуществляется человеческая деятельность. Одной из наиболее интересных и сложных теоретических проблем социальных наук является проблема соотношения общества (общественного) и культуры (культурного).

Докладчик остановился также на различных способах обобщения и абстрагирования культурно-исторических систем.

В докладе И. М. Золотаревой (Москва), посвященном итогам антропологического изучения Сибири за годы Советской власти, были показаны крупные достижения советских ученых-антропологов в области исследования антропологического состава народов Сибири. Особо следует отметить роль отдела антропологии Института этнографии АН СССР в разработке проблем этнической антропологии, в широком и плодотворном использовании многоплановых (по составу изучаемых морфологических и физиологических систем человеческого организма) антропологических данных как исторического источника, служащих ценными материалами при изучении расо- и этногенетических процессов.

Доклад Б. В. Андрианова, М. А. Итиной и А. С. Кесь (Москва) «Проблема комплексных (географических, археологических и этнографических) исследований земель древнего орошения низовий Сырдарьи в связи с проектом перестройки части стока вод сибирских рек в бассейн Аральского моря» был посвящен историко-географическим исследованиям на землях древнего орошения. Комплексные исследования, начатые в 1971 г. по инициативе «Союзводпроекта» и на его средства, ведутся там, где будет построена грандиозная водная магистраль.

С. А. Авижанская, Б. С. Гамбург (Ленинград) сделали доклад на тему «Отражение развития и сближения культуры народов Советского Союза в экспозициях и собраниях ГМЭ народов СССР», проиллюстрировав его яркими наглядными материалами.

На третьем заседании Ученого совета были заслушаны доклады В. К. Бондарчик и Э. Р. Соболенко (Минск), И. С. Гурвича (Москва) и Б. А. Калоева (Москва).

Интересные данные, полученные в результате изучения анкет, содержались в докладе минчан «Новые явления в быту сельского населения Белоруссии». Исследования касаются быта современной семьи, ее бюджета, использования свободного времени, традиционных праздников, распространения религиозных представлений и обрядов, уровня культуры населения, роли родного языка и др.

И. С. Гурвич посвятил свое выступление некоторым итогам работы Северной экспедиции Института этнографии АН СССР по изучению современных этнических процессов. Собранный материал позволяет осветить особенности этнических процессов у отдельных народов Севера, охарактеризовать этнокультурные, этноязыковые изменения.

Докладчик отметил, что протекающие в тесном единстве процессы внутренней консолидации и межэтнической интеграции народов Севера характеризуют глубокие прогрессивные изменения, происходящие в наши дни на Крайнем Севере и Дальнем Востоке.

Б. А. Калоев в докладе «Итоги изучения земледелия у народов Северного Кавказа в плане историко-этнографического атласа» отметил, что Кавказ относится к числу древнейших мировых очагов земледелия. Здесь возникли определенные сорта важнейших культурных растений — пшеницы, ячменя, ржи. Однако ввиду того, что главное внимание исследователей было обращено на рассмотрение земельных отношений у горских народов, вне поля зрения оставалось изучение техники обработки земель, сельскохозяйственных орудий, системе земледелия и т. д. Как показывают полевые материалы автора, многонациональному населению изучаемого региона были известны разнообразные традиционные навыки и приемы земледелия, сельскохозяйственные орудия, которые с течением времени претерпели значительные изменения.

На заключительном заседании Ученого совета с сообщениями выступали советские ученые, проводившие полевые исследования в 1971 г. в зарубежных странах.

Доклад М. Г. Абдушелишвили (Тбилиси) «Некоторые проблемы этнической антропологии Юго-Западной Азии в свете новейших исследований» посвящен итогам проведенного в Индии совместно с индийскими коллегами изучения 5 хиндиязычных групп (в штатах Хариана и в Союзной территории Дели). Благодаря собранному материалу впервые удалось проследить этно-географическую изменчивость признаков, дифференцирующих каспийский и переднеазиатский антропологические типы населения Кавказа. Этот факт рассматривается как показатель древнейшего генетического родства населения Юго-Западной и Западной Азии, хотя имеющийся пока материал, к сожалению, не дает возможности говорить определенно о характере европеоидного компонента, прослеживаемого на территории Индии. Затронутые в докладе вопросы должны послужить основанием для дальнейших исследований проблем этнической антропологии Юго-Западной Азии.

Доклад Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Этнографические наблюдения в КНДР в 1971 г.» построен на материалах личных наблюдений автора. В докладе отмечалось, что для современной культуры корейского народа характерно сочетание традиционного и нового. Подробные материалы, касающиеся корейского жилища, одежды художественных ремесел и промыслов, приведенные в докладе, хорошо иллюстрируют этот основной его тезис. В заключение было обращено внимание на то, что всестороннее успешное разрешение актуальных проблем корейской этнографии возможно при условии укрепления контактов с учеными-этнографами КНДР и всемерного расширения этнографических исследований в Корее.

Н. Л. Жуковская (Москва) посвятила свой доклад итогам работы этнографического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969—1971 гг.), занимавшегося исследованиями по проблемам этногенеза монголов дочингисова периода, синкретизма, ламаизма и доламаистских верований монголов, современной религиозной ситуации в Монголии, проблемам модернизации традиционной кочевой культуры и ее взаимодействия с общемировой современной культурой.

Участник экспедиции на острова Океании Б. Н. Путилов (Ленинград) сделал интересный доклад «О некоторых современных процессах в музыкально-песенном фольклоре Океании». Он отметил, что везде, где побывали члены экспедиции, за исключением Берега Маклая, происходит исчезновение традиционных музыкальных инструментов и распространение современных инструментов, не имеющих этнической окраски. Докладчик указал, что архаический слой песенного фольклора постепенно угасает. Процессы, происходящие в Океании, сказал Б. Н. Путилов, представляют собой, в сущности, региональный вариант современных процессов в фольклоре вообще и обнаруживают ряд типологически общих черт с фольклорными процессами, знакомыми по материалам ряда народов Европы, Азии, Америки. Доклад сопровождался прослушиванием записей песен народов Океании и показом цветных диапозитивов.

Помимо пленарных заседаний ученые работали в девяти секциях. Пять из них были тематическими, четыре — региональными. В секционных докладах были отражены основные направления полевых исследований этнографов союзных и республиканских учреждений.

На двух заседаниях секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы» было прочитано 8 докладов. Доклад В. А. Никонова (Москва) был посвящен итогам сбора личных имен у тюркоязычных народов (азербайджанцев, башкир, кумыков, ногайцев). Докладчик выявил закономерности и тенденции в изменениях имен, сравнив новые материалы с данными, полученными ранее при изучении личных имен у узбеков и татар. Доклад Л. С. Христюковой (Ижевск) «Метод экспертных оценок в этнографических исследованиях (к постановке проблемы)» носил методологический характер. Она предложила использовать для прогнозирования в этнографии методы экспертных оценок вместо массовых обследований. Однако далее было подчеркнуто, что судить о результативности этого метода можно лишь после экспериментальной его проверки.

Р. Ф. Итс (Ленинград) в докладе «Некоторые особенности национального развития малых этнических групп СССР» подвел итоги трехгодичных полевых исследований, проводившихся кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ им. А. А. Жданова в области этногенетических и этнических процессов среди ижор, вепсов, местных русских Индигирки и Колымы, юкагиров Якутии, теленгитов Алтая. Докладчик отметил возникновение новых контактных этнических общностей.

В выступлении М. М. Ихилова (Махачкала) «О некоторых вопросах сближения и консолидации советских наций и народностей», построенном на материалах изучения этнических процессов у народов Дагестана, приводились интересные данные о процессах сближения малых народов и групп с большими на пути сложения новой социально-политической общности — советского народа.

Доклад Ю. Б. Стракача (Новосибирск) «Вуз как фактор социально-этнической мобильности» содержал интересные данные об особенностях адаптации студентов различных национальностей в Новосибирском государственном университете. В результате исследования стало возможным решить ряд прикладных задач, связанных с особенностями вузовского обучения студентов различных национальностей.

Большой интерес вызвал доклад В. И. Санарова (Новосибирск) «К вопросу о специфике „цыганской“ проблемы». В результате исследований, проведенных среди оседлых цыган Новосибирской области и Алтайского края в 1956—1965 гг., докладчик выявил некоторые черты этнического своеобразия цыганского населения, в частности, ряд особенностей, характеризующих размеры и состав цыганской семьи, соотношение трудоспособных цыган и иждивенцев, отличия в образе жизни, культуре, психологии цыган. Доклад К. Н. Хабидулина (Уфа) «Из опыта социологического изучения национального самосознания сельского населения в условиях его территориального общения» был основан на исследованиях среди башкир. В докладе Э. П. Чивкуль (Рига) «К вопросу об использовании досуга сельских трудящихся Латвийской ССР» был приведен новый полевой материал, собранный в различных районах республики.

В работе секции приняло участие около 30 человек.

На двух заседаниях секции «Материальная культура как источник этнической истории» было заслушано 11 докладов. В работе секции участвовало 20 этнографов. Наибольший интерес вызвали доклады, посвященные украинскому жилищу, в частности, выступление Н. П. Приходько (Киев), рассказавшего о народном жилище как ценном источнике изучения этнической истории народа.

Высоко оценили слушатели доклад Г. Е. Стельмаха (Киев) «К вопросу о типологии украинского народного жилища второй половины XIX — начала XX столетия».

Выступившие в прениях отметили большое значение доклада Б. З. Гамбурга (Ленинград) «Основные виды и типы традиционных земледельческих орудий Узбекистана конца XIX — начала XX в. и их картографирование».

Итоги большой работы латышских этнографов подведены в докладе С. Я. Цимерманиса (Рига) «Исследование культурно-исторических связей латышей с соседними

народами в Советской Латвии». На секции с большим успехом выступили молодые этнографы. Л. Ф. Артюх и Н. К. Гаврилюк (Киев) доложили о сельскохозяйственной технике украинцев, русских и греков в конце XIX — начале XX столетия в Бахмутском и Мариупольском уездах, Н. К. Калашникова (Ленинград) посвятила свой доклад вопросу сохранения национальных черт в современной одежде молдаван, А. Янбухтина (Москва) рассказала собравшимся о чертах национального стиля в современном интерьере башкирского народного жилища. Доклад Ф. А. Сатлаева (Горно-Алтайск) был посвящен материальной культуре как источником этнической истории (на материале северных алтайцев), Д. Г. Саввинова (Ленинград) — древним элементам в материальной культуре теленгитов. С интересом были выслушаны доклады Н. В. Кочешкова (Владивосток) «Головные уборы монголов XIX в. как исторический источник» и А. Н. Арсенича (Ивано-Франковск) «Материальная культура гучулов в изучении украинских этнографов второй половины XIX века».

Большая часть докладов на секции «Обычаи и обряды народов СССР» была посвящена современной тематике. На двух заседаниях было заслушано 9 докладов, присутствовало 20 человек. В докладах отмечались специфические особенности в области духовной культуры населения разных регионов страны. Свадебным обрядам были посвящены доклады Г. Г. Шаповаловой (Ленинград) «Свадебный обряд по материалам экспедиции 1969, 1970, 1971 гг. в Калининскую область», Р. К. Уразмановой (Казань) «Татарская свадьба как один из объектов этнографического атласа», Н. П. Лобачевой (Москва), С. И. Каракеевой (Фрунзе) «Традиционные элементы в современной киргизской городской свадьбе», Т. Г. Булак (Москва) «Свадебный обряд в русских селах Молдавии». Все эти доклады вызвали оживленную дискуссию. Р. А. Гулиев (Баку) рассказал о советской гражданской обрядности в условиях Азербайджана, В. Е. Владыкин (Ижевск) — о «Гырон Быдтон» — колхозном празднике удмуртов, И. Чепени (Вильнюс) — о тенденции развития семейной обрядности в Советской Латвии, Д. Г. Георгадзе (Тбилиси) познакомила участников секции с обычаями национального дня «султакрепа» у горцев Восточной Грузии, Л. А. Фирштейн (Ленинград) — с обычаями и поверьями, связанными с рождением и воспитанием ребенка у узбеков южного Хорезма.

На четырех заседаниях секции «Фольклор и народное искусство» было заслушано 39 докладов, в которых были поставлены важные теоретические проблемы: о состоянии и закономерностях развития современного фольклора; об особенностях бытования произведений разных жанров, о взаимодействии разных традиций в районах со смешанным населением, об этнокультурных связях. Обсуждались и вопросы методики: применение анкетного метода при изучении песенного репертуара; картографирование сказок и др. Доклад Н. И. Савушкиной (Москва) был посвящен итогам Пинежской экспедиции МГУ 1971 г. К. П. Кабашников (Минск) сделал доклад «К характеристике состояния белорусского народного поэтического творчества (по материалам экспедиции 1971 г.)». Об итогах фольклорной экспедиции в пос. Кожеухово Уральской области рассказал Е. И. Коротин (Уральск). «Предания, песни, романсы в материалах экспедиции Уральского государственного университета» — такова тема докладов В. А. Деминой и В. В. Третьяковой (Свердловск). Н. Б. Сангаджиева (Элиста) говорила «О новых записях песен „Джангара“», М. Х. Мингажитдинова (Уфа) — о сказках М. М. Мингажитдиновой, записанных в последние годы. Теоретические и методологические проблемы были поставлены в докладах Б. Рейдзана (Рига) «Варианты латышской народной песни как источник хронологизации фольклорного произведения», Е. И. Шастиной «О задачах и методике картографирования сказок (по материалам фольклорных экспедиций Иркутского пединститута 1966—1971 гг.)», А. В. Кулагиной (Москва) «О применении анкетного метода при изучении песенного репертуара», К. Вишинис (Вильнюс) «О некоторых закономерностях бытования литовского анекдота», Т. Г. Леоновой (Омск) «О взаимодействии фольклорных традиций в сибирских селах со смешанным населением».

Л. С. Толстова (Москва) прочтала доклад «Исторический фольклор узбеков Хорезма как свидетельство их южных этнокультурных связей (по материалам полевых исследований 1971 г.)».

Доклады Р. С. Липец (Москва) «Идея о восточных влияниях в былинах в истории русской фольклористики» и П. А. Гуриева (Орджоникидзе) «К проблеме восточных компонентов в осетинском нартском эпосе» были посвящены вопросу об отражении в героическом эпосе межэтнических связей и инонациональных влияний.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) сделал доклад на тему: «Осетино-вейнахские нартские параллели», Ш. Х. Салакая (Сухуми) — «О сюжетном составе Нартского эпоса абхазов», Э. Х. Петросян (Ереван) — «Элементы причитаний в эпосе «Сасна црер», В. А. Авакян (Ереван) выступила с докладом «В. Я. Брюсов и армянский фольклор».

Большой интерес вызвали доклады о современном состоянии песенной традиции, сделанные сотрудниками Московской консерватории: А. В. Рудневой «Опыт выявления древних признаков календарного жанра в лирической песне «Эко сердце» (записи 1966 и 1971 гг.)», А. С. Кабановой «Песни Пинеги по материалам экспедиции 1971 г.», И. К. Свиридовой «Хоровое пение русских переселенцев в Закавказье и материалы экспедиций 1970—1971 гг.».

И. М. Колесницкая (Ленинград) говорила о видах русских народных свадебных песен. Об инструментальной музыке и народных музыкальных инструментах, кото-

рые рассматривались в плане этнокультурных связей, сделали доклады А. И. Исааде и Н. Г. Мамедова (Баку) «Народное музыкальное творчество Астаро-Масалинской зоны Азербайджана», И. В. Тынурист (Таллин) «Современная народно-инструментальная музыка Эстонии», М. И. Шилакадзе (Тбилиси) «О культурно-исторической связи народов Кавказа и Передней Азии (на примере грузинского народного музыкального инструмента)». В докладе Харий Суня (Рига) говорилось о тенденции развития хореографического творчества балтов в латышском народном танце.

Народному искусству было посвящено 13 докладов: С. Б. Рождественской (Москва) «Русская народная художественная традиция в декоре современного жилища», О. В. Кругловой (Загорск) «Разновидности прялок Вологодской области», И. П. Работновой (Москва) — «Композиции северной русской вышивки», Т. М. Разиной (Москва) «Итоги экспедиции по изучению народного искусства Московской области».

Б. С. Бутник-Северский (Киев) рассказал о своеобразии художественных и технических приемов народной петриковской росписи, Н. И. Моздырь (Львов) прочитал доклад «Украинская народная скульптура», К. Консин (Тарту) — «Типы эстонских ковров», Л. Н. Гончарова (Москва) — «Современное состояние народных художественных промыслов Молдавской ССР», В. Н. Мартынов (Саранск) — «Некоторые особенности орнамента Мордвы», Г. Н. Климова (Сыктывкар) — «Диагонально-геометрические узоры Коми». Н. И. Каплан (Москва) в докладе «К вопросу об орнаменте в народном декоративном искусстве юагиров» высказала мысль о том, что в колорите орнамента юагиров еще сохранились характерные особенности, указывающие на более южное их происхождение. Т. Б. Митлянская (Москва) сделала доклад «Фольклор в чукотско-эскимосской гравировке на кости». В. И. Эдоков (Горно-Алтайск) высказал мысли о связи сюжетов прикладного искусства алтайцев с сюжетами орнамента скифских племен, а также о связях ткачества алтайцев с ткачеством русских.

Присутствовавшие на заседании секции с удовольствием отметили возраший по сравнению с прошлыми отчетно-экспедиционными сессиями теоретический уровень докладов, а также констатировали, что доклады по словесному и музыкальному фольклору были, наконец, объединены, и что фольклор был представлен комплексно.

На четырех антропологических секциях было заслушано 17 докладов. Представленные доклады отражали исследования последних лет в области этнической антропологии с весьма тщательными морфологическими проработками материала разных систем (остеологического, одонтологического, дерматоглифического, соматологического, серологического). А. А. Зубов (Москва) выступил с докладом «Новые одонтологические данные по Индии». Докладчик сообщил о том, что в результате анализа серии слепков зубов, взятых у пяти индийских групп (раджпуты, чамары, гуджаны, джаты, ахир), можно сделать вывод о сходстве групп между собой и о близости их к кругу популяций Кавказа. Несколько выделилась группа ахиров, имеющих наиболее выраженный западный одонтологический тип. Этой же проблематике были посвящены доклады Н. М. Постниковой (Москва) «Одонтологические особенности Саркельского могильника», Н. И. Халдеевой (Москва) «Направление эпохальной изменчивости одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях СССР», Т. С. Сурниной (Москва) «Морфология пульповой камеры моляров современного человека».

Дерматоглифическим исследованиям были посвящены доклады: А. Хорна (Тарту) «Межгрупповые различия частоты встречаемости пальцевых папиллярных узоров у эстонцев», Г. Л. Хитъ (Москва) «Дерматоглифика бурят и монголов», Н. А. Прокудиной (Москва) «Дерматоглифика русских Восточной Европы», Г. Л. Хитъ изложила результаты исследования кожных узоров у бурят Бурятской АССР. Она обнаружила гомогенность бурят и близость их к монголам МНР, а также сходство с якутами, т. е. близкое сходство основных представителей центральноазиатского антропологического типа. Н. А. Прокудина собрала и обработала большой материал по дерматоглифике русских и в результате анализа пришла к выводу об однородности русских по дерматоглифическим признакам.

Краниологическому направлению были посвящены доклады: Р. А. Бубушян (Ереван) «К краниологии древнего населения бассейна озера Севан», И. И. Саливан (Минск) «Краниологическая характеристика населения Белорусского полесья XVII—XIX вв.», М. М. Герасимовой (Москва) «Краниологический материал из меотских могильников Прикубанья», Р. Я. Денисовой (Рига) «Эпохальная изменчивость в строении нижней челюсти».

Были также заслушаны доклады Влчека (Чехословакия) «О младенце из Киик-Коба», Л. И. Тегака (Минск) «Об антропологическом изучении белорусского Полесья», А. И. Микulich (Минск) «О вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду (РТС) в Белоруссии».

Доклад по серологии был сделан Ю. Д. Беневоленской (Ленинград). В результате изучения полиморфизма человеческих популяций по системе Резус Ю. Д. Беневоленская сделала вывод о высокой специфичности территориальных комплексов в отношении четырех зон: европейской, азиатской, африканской и индонезийско-меланезийской.

Два доклада были посвящены соматологии. В. В. Бунак (Москва) в докладе «Соматическая характеристика по скелетным размерам» рассказал о соматической характеристике населения на ископаемом материале с применением регрессивного анализа.

Второй доклад на эту тему был сделан Т. И. Алексеевой (Москва) «Особенности адаптивной реакции населения в высокогорье».

Успешно проходила работа в региональных секциях. Секция «Этнография народов Европейской части СССР» разделилась на две подсекции: «Этнография славянских народов» и «Этнография неславянских народов».

По этнографии славянских народов на четырех заседаниях было прослушано 14 докладов. Часть из них была посвящена сбору материалов для историко-этнографического атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия». В докладе Л. Н. Чижиковой (Москва) «Этнографическое изучение русских в Молдавии» рассматривались особенности материальной и духовной культур русских переселенцев в Молдавии, потомков старообрядцев, бежавших от преследования царской власти и церкви. Доклад А. А. Лебедевой (Москва) «Быт русского населения по Тобольскому тракту» был посвящен особенностям материальной культуры русских Западной Сибири, типам их поселений и жилищ, интерьеру домов, типам одежды и обуви, сельскохозяйственным орудиям. В докладе В. Ф. Горленко (Киев) «Изучение земледельческих орудий на Украине» были подведены итоги многолетней (с 1964 г.) работы по этой проблеме.

В ходе работы были детально изучены не только типы и виды народных орудий, но и выявлены зоны их распространения, выработана четкая классификация орудий. В докладе О. Р. Будиной (Москва) «Особенности развития жилища греков и албанцев на Украине» были отмечены черты сходства в жилище греков и албанцев, с одной стороны, и остальных народов юга Украины — с другой. Говорилось о традиционных особенностях жилищ (планировка, убранстве, отопительной системе).

Изучению материальной культуры украинского, белорусского народов были посвящены доклады И. Н. Браима (Минск) «Традиционные орудия рыболовства белоруссов», В. В. Миронова (Киев) «Развитие украинского народного костюма в советское время», Е. П. Бусыгина, Н. Н. Зорина, Л. С. Токсубаевой (Казань) «Интерьер русского сельского жилища в Закамских районах Татарской АССР», Т. А. Гонтар (Львов) «Из народной кулинарии бойков конца XIX — начала XX в.», М. Н. Шмелевой (Москва) «Некоторые пути развития современного питания городского населения». В докладе В. В. Миронова были поставлены вопросы о развитии традиционных элементов украинского народного костюма в современной одежде.

Казанские этнографы рассказали об анкетном методе изучения интерьера русского сельского жилища Западного Закамья, а также жилища населения со смешанным национальным составом. Полученные материалы дают возможность показать зависимость интенсивности изменения интерьера от функционального типа сельских поселений, социальной, квалификационной и возрастной структуры семьи и замещение традиционных элементов русского жилища современными.

Т. А. Гонтар подчеркнул, что в пище бойков (группа гуцулов) много общего с народной кулинарией русских и белорусов. М. Н. Шмелева отметила, что общественное питание все более оказывает влияние на домашнее, частично вытесняя его, а частично сочетается с ним. П. М. Арсенич (Ивано-Франковск) прочитал доклад «Материальная культура гуцулов в изучении украинских этнографов второй половины XIX в.».

Семье и семейным бюджетам были посвящены доклады Н. А. Миненко (Новосибирск) «Новые данные о русской крестьянской семье по архивным материалам» и И. П. Корзун (Минск) «К вопросу о структуре семейных бюджетов трудящихся Белоруссии».

С докладом «Некоторые особенности топонимики Донецкой области» выступил С. К. Темир (Старомлиновка), рассказавший о работе, которую проводит местный музей. Об итогах многолетних исследований Архангельского музея в области материальной культуры, быта, ремесел местного населения говорилось в докладе Ю. П. Проккопьева (Архангельск) «О работе Верхне-Пинежской этнографической экспедиции».

На подсекции «Этнография неславянских народов» было заслушано семь докладов. Четыре из них сделали вильнюсские этнографы, осветившие различные вопросы литовской этнографии. Доклад Н. Милюса «К вопросу изучения домашней утвари» касался характеристики типов деревянной литовской утвари. В докладе С. Бернотене «Значение платка в литовском народном костюме» дана характеристика типов различных женских головных платков как важного элемента народной женской одежды. Вопросы типологии, истории и характеристики типов и вариантов литовских льномялок были предметом изучения А. Вишняускайте. Она указала на большую древность этого орудия. Литовский ученый Р. Гедрене прочитал доклад «Сельские кладбища в Дзукии».

Два доклада касались этнографии мордвы. Их прочли саранские этнографы В. П. Тумайкин — «Итоги работы мордовской этнографической экспедиции в район левобережья Средней Волги» и И. И. Фирстов — «Некоторые особенности промысловых занятий мордовского пореформенного крестьянства» (доклад основан на исторических источниках).

О результатах археолого-этнографических работ у с. Ханса (Молдавия) рассказывал Э. А. Рикман (Москва). Его содокладчиками были кишиневские ученые И. Т. Никулицэ, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку.

На заседаниях секции «Этнография народов Кавказа» было заслушано 25 докладов, значительная часть которых связана с подготовкой историко-этнографического атласа

«Народы Кавказа». Теме «Хозяйство» были посвящены доклады М. Т. Гаджиева (Махачкала) «Формы скотоводства лезгин XIX — начала XX в.», Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «Магические обряды, связанные со скотоводством, и некоторые вопросы картографирования», Н. А. Брегадзе «К вопросу о географической локализации первичных очагов земледелия в Грузии» и Л. К. Бернашвили «Орудия молотбы и их роль в определении древнейших центров зерновых (хлебных) культур».

О новых полевых материалах доложили Г. Г. Гегечкори (Тбилиси) «Из истории жилищ цова-тушин» и С. Ш. Гаджиева (Махачкала) «Общность и локальные особенности традиционной одежды народов Дагестана».

Большое внимание на заседаниях секции было уделено вопросам общественных отношений у народов Кавказа в прошлом. Этой проблематике было посвящено около трети всех прочитанных докладов. Большой интерес вызвали доклады З. В. Анчабадзе, А. И. Робакидзе (Тбилиси) «Социально-экономический строй кавказских горцев в дореформенную эпоху и проблема раннеклассового общества», В. П. Дзагуровой (Махачкала) «Союзы сельских общин в Дагестане», М. А. Меретукова (Майкоп) «Семейная община у адыгейцев», С. С. Агашириновой (Махачкала) «К вопросу о семейной общине и большой семье у лезгин», Э. Коджесау (Майкоп) «Некоторые пережитки родового быта в семейно-общественном положении адыгейки». О формах взаимопомощи у народов Дагестана и у абхазов доложили В. П. Егорова (Махачкала) и С. И. Бахиа (Тбилиси), с докладом «Кавказские тамги», построенном на большом фактическом материале, освещенном в социальном аспекте, выступил Л. И. Лавров (Ленинград).

Докладчики и все принявшие участие в прениях отметили большое значение для кавказоведения затронутых проблем и указали на то, что многие из них еще недостаточно разработаны.

Остальные доклады были связаны с различными темами. Т. С. Магомадова (Грозный) в докладе «Локализация окуков и окуцкой земли в XVI — первой половине XVII века» на основе фольклорных, лингвистических и исторических данных рассказала о попытке обосновать новую локализацию окуков и определить их место среди других вайнахских обществ и этнических групп.

Интересный, но забытый этнографами материал привлек внимание Л. М. Сиуховой (Майкоп), сделавшей доклад «Из истории водного транспорта у адыгов в прошлом». О новых этнографических материалах по народным художественным ремеслам абхазов рассказывал Б. Г. Аргун (Сухуми). В. П. Элашвили (Тбилиси) прочитал доклад «О народных упражнениях с тяжестями у горцев Грузии», Г. Г. Кахидзе (Тбилиси) сообщил собравшимся о народном опыте организации физического воспитания горянок Грузии в прошлом.

Вопросам народной медицины был посвящен доклад В. К. Тотрова (Кишинев) «О некоторых особенностях национальной кухни и здоровья населения (по материалам горной Осетии)». Интересные сведения были приведены в докладе И. М. Саидова (Грозный) «О формах приветствия у чеченцев». И. М. Шаманов (Черкесск) проанализировал народный календарь карачаевцев как источник изучения этнокультурных связей. Об изучении пережитков древних космогонических представлений населения Грузии рассказал И. К. Сургуладзе (Тбилиси). Всеобщий интерес вызвал доклад Е. Н. Кушевой (Москва) «Значение русских документов конца XVI—XVII в. для изучения археологии и этнографии Чечено-Ингушетии».

На секциях «Археология и этнография Средней Азии» было заслушано пять этнографических докладов.

Состоялось также одно заседание подсекции «Этнография народов Средней Азии и Казахстана», на котором было прочитано 9 докладов. Значительная часть их была связана с подготовкой «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Полевым исследованиям 1971 г. по изучению истории земледелия, ирригации и скотоводства в Хорезмской области Узбекистана, Марийской и Чарджоуской областей Туркмении были посвящены доклады М. В. Сазоновой (Ленинград) «Некоторые данные о хозяйстве узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в.», А. Оразова (Ашхабад) «Отчет о поездке в Мургабский оазис в 1971 г.», Г. П. Васильевой (Москва) «О полевых исследованиях Западно-Туркменского отряда Среднеазиатской экспедиции в 1971 г.». О классификации типов скотоводства у казахов низовий Сырдарьи рассказал К. Биржанов (Москва) в докладе «О формах скотоводческого хозяйства у сырдарьинских казахов в середине XIX — начале XX в.». И. В. Захарова (Омск) представила на обсуждение секции четыре эскиза карт для Атласа по земледелению ряда областей дореволюционного Казахстана. Тщательное изучение хозяйственных занятий разнообразных этнических групп Южного Узбекистана и Таджикистана дало возможность Б. Х. Кармышевой (Москва) разработать систему признаков-определителей этнической принадлежности населения этих районов.

С докладом «Традиционное жилище узбеков Чимкентской области Казахской ССР» выступила А. Н. Жилина (Москва). О жилищах с купольными перекрытиями в Туркмении рассказала в своем докладе Г. П. Васильева. С темой атласа «Одежда» был связан доклад Т. Н. Семешкова (Москва) «Ткани в киргизской одежде конца XIX — начала XX в.».

В трех докладах была дана характеристика реликтовых социальных институтов: М. Хамиджанова (Душанбе) «Пережитки большой семьи у ягнбцев» и два докла-

да ленинградцев Г. П. Симакова и В. П. КурYLEва о семейно-родственных группах у казахов и киргизов. Большой интерес вызвал доклад О. А. Сухаревой (Москва) «О сложении населения Самарканда после разрухи в XVIII веке», построенный в основном на собранных историко-этнографических материалах. С. С. Губаева (Москва) сделала доклад о первом опыте изучения топонимии Ферганской долины. Работа дала ценные результаты. В работе секции участвовало более 20 человек.

Секция «Этнография народов Сибири» на четырех заседаниях заслушала 16 докладов. В работе секции приняло участие около 30 человек. Прочитанные доклады были посвящены современным этническим процессам, материальной и духовной культуре, религиозным воззрениям народов Сибири.

Этнической истории и современным этническим процессам, протекающим среди ненцев, якутов, чулымцев и других народов Сибири, были посвящены доклады В. А. Туголюкова (Москва) «Этническая ситуация на северо-западе Якутии», В. И. Васильева (Москва) «Итоги работы Ямальского отряда в 1971 г.», Э. Л. Львовой (Томск) «Материалы по этнонимике. К изучению этнической истории чулымских тюрков». Новые данные по материальной и духовной культуре эскимосов, народов Амура, русских колымчан были приведены в докладе Д. А. Сергеева (Ленинград) и С. А. Арутюнова (Москва) «Устойчивость и преемственность в материальной и духовной культуре эскимосов Берингоморья», В. А. Тимохина (Новосибирск) «Опыт изучения материальной культуры народов Амура», Р. В. Каменецкой (Ленинград) «Колымчане (по материалам экспедиции 1971 г.)». В докладе Д. А. Сергеева и С. А. Арутюнова центральное место занял вопрос о длительном бытовании (на протяжении нескольких тысячелетий) эскимосской традиции полиэтнической скульптуры, отражающей древнюю идею о связи человека с животным миром.

Большой интерес вызвали доклады, в которых рассматривались вопросы изучения религиозных верований и шаманизма: И. С. Гурвича (Москва) «Некоторые итоги работы Северо-Восточного отряда Северной экспедиции», А. В. Смоляк (Москва) «Поездка на Нижний Амур зимой 1971/72 г.», З. П. Соколовой (Москва) «Поездка к сынским хантам в 1971 г.» (об изображениях умерших у хантов), Г. И. Пелих (Томск) «К истории западносибирского шаманства», В. П. Дьяконовой (Ленинград) «Становление и категории тувинских шаманов», Е. А. Алексеенко (Ленинград) «Представления о мире у кетов», В. М. Кулемзина (Томск) «О формировании шаманизма у васюганско-ваховских хантов», Ю. В. Ионовой (Ленинград) «Некоторые итоги полевых исследований по народным верованиям корейцев».

В докладе И. С. Гурвича были приведены интересные данные об обрядах и обрядовых масках у коряков. А. В. Смоляк рассматривала вопросы, связанные с развитием промыслового культа и шаманизма у нанайцев. Г. И. Пелих рассказала о новых деталях, обнаруженных на шаманском костюме у тазовских селькупов.

Малоизученным проблемам танцевального и музыкального фольклора у народов Северо-Востока страны были посвящены доклады М. Я. Жорницкой (Москва) «Некоторые результаты изучения народного хореографического искусства коряков, ительменов, чукчей в плане этногенетических связей» и И. А. Бродского (Москва) «Музыкальная культура нерусскоязычных чуванцев Чукотки».

О методике изучения систем родства на примере эскимосов и ненцев рассказал М. А. Членов (Москва) в докладе «Опыт фиксирования ненецкой системы родства». Новые интересные данные по антропонимике алтайцев содержались в докладе Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) «Имена алтайцев Онгудайского района».

Выступавшие в прениях на секционных заседаниях отметили уникальность собранных в полевом сезоне 1971 г. материалов, подчеркнули их большое значение для развития этнографических исследований.

М. Я. Жорницкая, З. П. Соколова,

ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ И МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

С 17 по 19 мая в г. Элисте проходила Всесоюзная научная конференция по алтаистике и монголоведению, посвященная столетию со дня рождения В. Л. Котвича. В работе конференции участвовали специалисты из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Алма-Аты, Улан-Удэ, Горно-Алтайска, Сыктывкара, Ростова, Ставрополя, Уфы и других городов Союза.

Конференцию открыл первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Б. Городовиков, обратившийся с приветственной речью к ее участникам. За три дня работы на пленарных и секционных заседаниях конференции было заслушано около 70 докладов по самым разнообразным проблемам современной и исторической алтаистики. На конференции работало три секции: истории (куратор М. Л. Кичиков), лингвистики (куратор Д. А. Павлов), литературы и фольклора (куратор А. Ш. Кичиков). Этнографическая проблематика была представлена значительным количеством докладов и со-

общений. В. Ш. Бембеев (Элиста) доложил об истории появления первого русского списка монголо-ойратского свода законов 1640 г. Докладчик пришел к выводу, что так называемая «Копия (на мунгальском языке) с Уложения прав мунгальских и калмыцких народов, полученная при доношении полковника Беклемишева», является первым русским списком монголо-ойратских законов, попавшим в руки русской администрации. Документ же, известный под названием «Перевод калмыцкого уложения», является его первым переводом на русский язык.

Доклад Т. А. Бертагаева (Москва) был посвящен историко-лингвистическому анализу широко бытующих у алтайских народов терминов «хан», «каан», «каган».

Л. Л. Викторова (Ленинград) в докладе остановилась на проблемах этногенеза западных монголов, предков современных калмыков. Основной вывод автора заключается в том, что в становлении монгольского этноса приняли участие разные компоненты как монгольского, так и тюркского происхождения.

Г. С. Горохова (Москва) сделала интересное сообщение о неопубликованных материалах из архива Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, в которых содержится изложение взглядов В. Д. Котвича на ойратский союз. По мнению Г. С. Гороховой, В. Л. Котвич считал ойратский союз на раннем этапе союзом родственных племен, развившимся к XIV в. в государственное образование. Вместе с тем она отмечала, что состав ойратского союза не был постоянным, а изменялся в зависимости от конкретных исторических условий.

Т. А. Гурнев (Орджоникидзе) в сообщении «К проблеме осетино-монгольских фольклорных связей» остановился на монгольских заимствованиях в нартском эпосе. По мнению докладчика, в осетинский эпос вошло не менее 14 имен героев монгольского происхождения. Монгольским он считает и само название эпоса «Нарты».

Доклад Н. Л. Жуковской (Москва) «Западные и восточные элементы в традиционной культуре монголов» был посвящен культурным контактам Монголии с Россией, Китаем и Тибетом. Докладчик рассказал о заимствованных элементах в материальной и духовной культуре монголов и определил соотношение между различными каналами культурных влияний.

Проблемы социально-экономической истории монгольских народов нашли отражение в докладе И. Я. Златкина (Москва), заслушанном на пленарном заседании. В числе других проблем докладчик остановился на вопросах организации кочевого хозяйства монголов и связанных с последним социальных институтах.

И. И. Иориш (Ленинград) рассказал о новых материалах по калмыкам и монголам, обнаруженных им в различных ленинградских архивах. Участники конференции с глубоким удовлетворением восприняли эту ценную информацию.

А. И. Карагодин (Элиста) в докладе «К вопросу о социальной структуре калмыцкого общества первой половины XIX в.» развивал положение, что изменения, происходившие в калмыцком обществе в первой половине XIX в., зависели не только от характера внутренних процессов, но и от внешних факторов, связанных с колониальным положением калмыков и общим уровнем социально-экономического развития России. В этой связи докладчик подробно остановился на генезисе института зайсангов.

Ц. К. Корсункиев (Элиста) изложил результаты сравнительного анализа текстов двух списков монголо-ойратских законов 1640 г. на «тодо узег» (старокалмыцкой письменности). Сравнивая текст этого документа, опубликованный в 1880 г. К. Ф. Голстунским, и самый старый список, находившийся в фонде Калмыцких дел в ЦГАДА, докладчик пришел к выводу, что последний список намного полнее первого.

С. Д. Лавгинов (Элиста) сделал сообщение на тему «Отражение калмыцкого праздника «Цаган сар» в эпосе «Джангар». Автор рассказал о причинах празднования белого месяца (Цаган сар) у монгольских кочевников, о традиционных и новых формах его проведения.

В докладе А. Г. Митирова (Элиста) сообщалось об орнаменте, распространенном среди монгольских народов. Докладчик подчеркнул, что на протяжении многовековой истории у монгольских народов орнамент претерпел существенные изменения, вобрав в себя элементы изобразительного искусства древнейших насельников Центральной Азии, Алтая, Прибайкалья и Дальнего Востока. По мнению докладчика, семантика монгольского орнамента во многом связана с мифологией и первобытными верованиями.

Э. А. Новгородова (Москва) доложила о результатах работы советских археологов в Монголии в последние годы и остановилась на ряде самостоятельных проблем в рамках большой темы о взаимосвязях населения Центральной и Восточной Азии в эпоху бронзы и раннего железа. К этим проблемам относятся следующие: древние культурные контакты степных племен в период складывания кочевого скотоводческого хозяйства; карасукская бронза и искусство раннего железного века; проблема происхождения колесного транспорта в Монголии и на Алтае; оленные камни и плиточные могилы.

Доклад Д. Б. Пюрвеева (Элиста) «Мобильность как специфическая особенность архитектуры кочевых народов» был в основном посвящен двум проблемам — специфике развития архитектуры кочевых народов и освоению ее традиций в современном градостроительстве.

В. П. Санчилов (Элиста) попытался оценить значение мусульманских источников по истории ойратов, указанных В. Л. Котвичем. Докладчик отметил, что основной чертой сочинений персидских авторов является крайне отрывочный характер приводи-

мых там сведений об ойратах и калмыках. Однако он указал на то, что дальнейшие исследования этих памятников представляются по-прежнему необходимыми.

Г. Г. Стратанович (Москва) в докладе «Военная организация триадного типа и ее судьбы» показал глобальный характер триадной военно-демократической организации (левое крыло — центр — правое крыло). На примерах из истории народов Бирмы, Таиланда, Японии, Монголии докладчик проследил дальнейшую судьбу организации этого типа, указал на то, что за разными ее крыльями в позднейшем были закреплены специализированные административные функции (военная, гражданская, удельная и т. д.).

Доклад А. М. Хазанова (Москва) «Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении)» был посвящен обоснованию положения о том, что одинаковая или сходная экологическая среда неизбежно приводит к выработке однотипных форм кочевого хозяйства.

М. А. Членов (Москва) привлек внимание присутствующих к некоторым характерным особенностям калмыцкой системы терминов родства. По его мнению, признаки систем типа «омах», к которым относится и калмыцкая система, могут быть объяснены, исходя из структуры четырех родственных групп: а) собственного патрилиниджа, б) потомков входящих в него женщин (зе), в) патрилиниджа матери, г) потомков входящих в него женщин (бель).

Два доклада были посвящены антропологическим проблемам. Д. О. Ашилова (Элиста) сообщила об анализе распределения некоторых физиологических показателей среди калмыков (по данным серологии). И. М. Золотарева (Москва) выступила с обзором собранных ею антропологических материалов, проливающих дополнительный свет на этногенез калмыков. Принадлежность подавляющего большинства исследованных групп монгольских народов к кругу вариантов центральноазиатского антропологического типа несомненна. Докладчик обратил внимание присутствующих на то, что антропологический тип калмыков представляется достаточно консолидированным.

Успешному проведению конференции во многом способствовали четкая организация и материально-техническое обеспечение ее работы.

Закрывая конференцию, секретарь Калмыцкого обкома КПСС И. Е. Намсинов отметил важное значение прошедшего форума ученых как для алтаистики и монголоведения в целом, так и для развития науки в Советской Калмыкии.

Н. Л. Жуковская, А. М. Хазанов, М. А. Членов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЦЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПЕРВОБЫТНОМУ МОНУМЕНТАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

(РАБОТЫ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ УРАЛА) *

Научная литература о писаницах и петроглифах нашей страны обогатилась исследованием Валерия Николаевича Чернецова «Наскальные изображения Урала». На протяжении семи лет опубликовано два выпуска. Это две части единого труда с рядом сквозных сюжетных линий. С той же проблематикой неразрывно связаны и две последние итоговые работы В. Н. Чернецова: статья «О приемах сопоставления наскальных изображений», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1969 г.), и автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (1970 г.).

Первый выпуск рецензируемого труда состоит из краткого, но емкого по содержанию предисловия и трех глав. В первой — освещена история открытия и исследования наскальных изображений Урала, вторая — содержит краткие замечания о возрасте и названии уральских писаниц. И, наконец, в последней опубликованы писаницы бассейна р. Тагила. В приложении помещено 26 отдельных таблиц наскальных изображений, и 36 рисунков дано в тексте.

Композиция второго выпуска иная. В начале его помещено тщательно выполненное описание 11 новых скоплений писаниц, а вслед за ним обстоятельная исследовательская часть, включающая три следующие главы: «Сюжеты и композиции наскальных изображений Урала», «Назначение и внутреннее содержание наскальных изображений Урала» и «Писаницы Урала и наскальные изображения других территорий».

В «Заключении» уточняется вопрос о датировке писаниц, а также даются некоторые историко-этнографические интерпретации собранному и изложенному в обоих выпусках материалу. Масштаб таблиц во второй части значительно крупнее (1:10 вместо 1:20), каждая из них фиксирует площадь в 12 м².

Первой и чрезвычайно ответственной задачей каждого исследователя наскальных изображений является объективная, максимально полная и точная документация самого материала — писаниц или петроглифов, ибо от этого в значительной степени зависят полнота и достоверность последующих выводов.

Автор стремился представить максимально точные копии писаниц, свести к минимуму субъективные наблюдения при копировке, дать читателю возможность проверить выводы работы непосредственно по приведенному материалу. Отказ от заливки фона мелом, смачивание писаниц водой, контрольные копировки с участием других исследователей, выполненные при различном освещении, многократное посещение одних и тех же писаниц с целью проверки своих первоначальных впечатлений, сравнение копий с прежними зарисовками, известными по архивам, — все это гарантия высокого уровня фиксации первоисточников. История изучения петроглифов и писаниц показывает, что далеко не всем эта работа оказалась под силу.

Хорошо иллюстрированная фотографиями, рисунками и таблицами книга В. Н. Чернецова обладает тем осязаемым эффектом присутствия, который так необходим подобного рода трудам. Читая ее, чувствуешь своеобразие местоположения писаниц Урала, способы их нанесения, цвет, характер контура рисунков и множество других особенностей.

Автор знакомит нас с историей исследования наскальных изображений Урала. Архивные разыскания показывают, что начало их изучения относится к 1699 г. Хотя писаницы издавна привлекали внимание ученых, местных краеведов и путешественников.

* В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4-12. М., 1964, 52 стр.+26 табл.; его же, Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4-12, М., 1971, 120 стр.— 16 табл. (Эта работа вышла уже после смерти В. Н. Чернецова).

(как русских, так и иностранных), выполнивших ряд копий, порою довольно точных, обстоятельного исследования о них так и не появилось.

В. Н. Чернецов начал изучать наскальные изображения Урала, хорошо понимая, что они могут быть ценнейшими источниками для понимания древних периодов развития материальной культуры и хозяйства, этнической истории и первобытных верований. Еще в 1927 г. он совершил не вполне удавшуюся из-за сильного паводка поездку по р. Тагил, которую затем повторил в 1938 г. Через 20 лет, в 1958 г., под его руководством на Урал выехала специальная экспедиция. В результате проведенных полевых работ, архивных и библиографических поисков, изучения литературных источников В. Н. Чернецов смог составить полный список и схему расположения наскальных изображений Урала, включающую около 40 памятников (ч. I, рис. 1). Естественно, это не конечный итог. По мнению В. Н. Чернецова, возможны новые открытия писаниц на Урале; более того, исследователем очерчены и районы, где эти открытия наиболее вероятны (ч. II, стр. 49—51). Появилась возможность точнее прогнозировать эти поиски.

В. Н. Чернецов не ограничился публикацией наскальных изображений, его волновал главный вопрос — «кем, когда и с какой целью наносились изображения на прибрежные скалы уральских рек». Глубоко эрудированный в области археологии и этнографии, фольклора и лингвистики, исследователь умело использовал свои богатейшие знания и при изучении писаниц. Подлинно исторический подход к этим памятникам, рассмотрение их в неразрывной связи с историей первобытного общества данного региона, духовной жизнью, хозяйством, социальной организацией и естественно-географическими факторами — вот характерные черты оригинального творческого почерка автора рецензируемого труда. Первоклассный этнограф, В. Н. Чернецов глубоко чувствовал связи между писаницами и создавшим их первобытным обществом. Трудности расшифровки содержания и смысла наскальных изображений, по его мнению, заключаются помимо всего в том, что здесь «роль индивидуального творчества и случайности неизмеримо выше, чем в самой примитивной письменности». И еще об одном предупреждал исследователь: не забывать, что наскальные изображения, как правило, относятся к отдаленным эпохам, и мировоззрение их творцов далеко не всегда может быть легко понято современным человеком (ч. I, стр. 5). Эти и другие отправные положения способствуют правильной, глубоко научной ориентировке в изучении наскальных изображений любого региона лесной полосы Евразии. Превосходный анализ конкретного источника (уральских писаниц), сделанные на этой основе глубокие выводы можно считать крупным научным достижением.

В писаницах Урала В. Н. Чернецову удалось выделить «несколько сюжетных композиций», устойчиво повторяющихся на всей территории их распространения. В ряде случаев даже выявилась закономерная группировка этих композиций на отдельных скалах. По мнению исследователя, их однотипность (в пределах каждой группы они построены как бы по единым схемам) «заставляет думать, что каждая из них соответствовала определенной теме в комплексе некогда проводившихся обрядов и действий, являясь как бы ее графической формулой» (ч. II, стр. 71, 72).

Выделение устойчиво повторяющихся сюжетных композиций потребовало напряженной предварительной работы по определению семантики рисунков, изучению их стиля, выявлению наиболее важных стилистических деталей и т. д. Этот изобразительный материал как бы ожил в исследовании В. Н. Чернецова, сумевшего рассмотреть в хаотичном переплетении фигур, знаков и линий (принимаемых иногда за детали орнамента) ловчие загороди и засеки, рыболовные запоры, ловушки лабиринтного и корзинного типов, коридорно-туниковые загоны, корралы, кольцеобразные загоны и зигзагообразные загородки, ловушки типа «котцов», возможно сети, бумеранги и боласы. В сочетании с изображенными рядом лосями и оленями, водоплавающими птицами, фигурами людей, солярными и небесными символами они предстали перед ним как композиции, значительно конкретизирующие наши представления о хозяйственной жизни и занятиях творцов писаниц.

Всего В. Н. Чернецовым выделено три основных сюжета (с вариантами внутри них). Уникальное птицевидное изображение из третьей группы Соколянских утесов на р. Тагил можно считать четвертым сюжетом (отличным по своему содержанию от всех остальных), и, наконец, к пятому отнесены небольшие группы изображений в некоторых писаницах Тагила, предположительно связанные с культом медведя.

Первые два сюжета отражают охотничий промысел, но в одном случае его объектом являются животные, во втором — птицы. Композиционная схема по существу однообразна для всей обследованной территории: изображения объектов промысла, загородок и ловушек, солярных и небесных символов и изредка — фигуры людей. В близости композиционных схем В. Н. Чернецов не без основания видел отражение однородности «лежавших в их основе обрядов, представлений и общественной значимости».

Любопытно, что в писаницах в бесконечных повторениях присутствуют лишь коллективные приемы охоты с помощью ловчих загородей и засек и нет ни одного изображения ручного лука и стрел. В. Н. Чернецов объясняет это тем, что индивидуальная охота широкого общественного значения не имела: «писаницы отражали только коллективные виды охоты, результаты которой имели значение для достаточно крупной территориальной общности людей» (ч. II, стр. 76—83).

Группу композиций, включающих изображение птицы, солярного или небесного символа и дерева, В. Н. Чернецов склонен считать переходной к третьему сюжету, в ко-

тором почти нет реалистических изображений животных, но появляются условно-антропоморфные и антропо-зооморфные фигуры в сочетании с изображениями охотничьих или рыболовных сооружений (первый вариант) или же с солярными знаками (второй вариант). Многочисленные параллели этим условным и стилизованным фигурам В. Н. Чернецов находит в угорском орнаменте и графике. Для дешифровки их он привлек песни и действия, которые рассматривал тоже как магические по своей форме, но уже не промысловые, а тотемные, возможно, некогда связанные с идеей размножения (ч. II, стр. 76, 89).

Интересной особенностью писаниц Урала является обилие солярных знаков и изображений небосвода (особенно в композициях первого сюжета). Это тем более нуждается в объяснении, что «...в традиционных представлениях и мифологии обских угров солнце не играет сколько-нибудь заметной роли». Само солнце не было объектом почитания, природа солярно-небесных символов писаниц Урала кроется в особенностях местных экологических условий, а именно в периодичности миграций копытных, что играло огромную роль в жизни людей. Эти миграции были связаны с определенными временами года. В. Н. Чернецов решительно отвергает мысль о солярной символике в египетском духе (ч. II, стр. 94, 116).

Каждый, кто так или иначе сталкивается с наскальными изображениями, прежде всего задает вопрос об их возрасте. Исследователи единодушно считают этот вопрос одним из самых важных и сложных во всем комплексе проблем петроглифов. Ни один из применявшихся прежде приемов датировки писаниц Урала — по сходству, цвету краски и по находящимся рядом с наскальными изображениями памятникам — не удовлетворял В. Н. Чернецова. Датирующие критерии он искал в самих изображениях и затем увязывал их с другими датирующими фактами. Так была выявлена тождественность типичных фигур наскальных рисунков с фигурами керамического орнамента (ч. I, стр. 19). В качестве опорной была взята фигура зигзага с отростком, встречающаяся на керамике эпохи раннего металла (первые века II тысячелетия до н. э.) и среди писаниц. Отсюда время возникновения традиции наскальных изображений Урала определялось как первые века II тысячелетия до н. э.

Во втором выпуске работы исследователь значительно удвинул эту дату на основе сходства некоторых наскальных фигур с гравировками на костяных вкладышевых наконечниках дротиков из Шигирского торфяника. В автореферате докторской диссертации появление некоторых изобразительных элементов на наконечниках дротиков, сходных с изобразительными элементами в писаницах, В. Н. Чернецов был склонен относить к концу V — началу IV тысячелетия до н. э., т. е. ко времени не позднее начала среднего неолита на Урале. Не считая возможным выделить среди известных наскальных изображений Урала столь ранние писаницы, В. Н. Чернецов все же не сомневался в том, что они существовали. Это предположение подтверждается необыкновенной устойчивостью некоторых изобразительных форм, не изменявшихся существенно на протяжении ряда тысячелетий. Менее определенно этот же вывод звучит в заключительной части самого исследования: «Остается открытым вопрос, когда в Зауралье появились наскальные изображения», хотя и «есть некоторые основания относить их существование уже к раннему неолиту» (ч. II, стр. 111). При всех оговорках сама постановка вопроса о столь значительно удвинутии возраста писаниц Урала и, следовательно, расширение их хронологического диапазона представляются очень важными.

Много внимания В. Н. Чернецов уделял выяснению этнической принадлежности писаниц Урала. Он пришел к выводу, что их творцами являются предки современных обских угров, в частности манси, и еще одной довольно близкой им, но исчезнувшей ныне угорской группы (ч. II, стр. 58). Основанием для такого определенного вывода (тем более интересного, что точная этническая принадлежность петроглифов или писаниц обычно определяется с большим трудом или же вовсе не поддается такому определению) послужил целый ряд прямых и косвенных наблюдений. Едва ли не основным доводом является подмеченная исследователем значительная стилистическая близость ряда характерных фигур писаниц, с одной стороны, и рисунков на бересте, орнамента, татуировки обских угров — с другой.

Из этнографических фактов, находящихся в какой-то связи с наскальными изображениями, В. Н. Чернецов отмечал «охотничьи затесы» и особенно рисунки на деревьях, изображающие сцены промысла, культовые действия и т. д., найденные на р. Казыме в близости от старинных культовых мест. Изучая писаницы Урала на фоне прочих археологических памятников, В. Н. Чернецов заметил, что ареал их совпадает с территорией распространения ранних неолитических культур Зауралья, развитие которых, по его мнению, надежно прослеживается вплоть до исторического времени. Более того, в наскальных изображениях поздней поры отмечены знаки, в точности совпадающие с мансийскими тамгами XVII в. и в ряде случаев сохранявшиеся до недавнего времени.

В. Н. Чернецов ссылается и на письменные свидетельства (Сталенберг, Миллер), согласно которым святилища на скалах с писаницами или в соседних с ними пещерах принадлежали вогулам (манси). Здесь же уместно напомнить вывод исследователя о необыкновенной устойчивости некоторых изобразительных форм писаниц, что находится в прямом соответствии с устойчивостью и сохранением глубочайшей арханки «...в общественной структуре обских угров, в нормах экзогамии и брака, воззрениях на окружающий мир и внутреннюю сущность человека в отношениях последнего к животному миру».

К числу наиболее сложных в проблеме наскальных изображений относится и вопрос об их назначении и внутреннем содержании. Решая его, В. Н. Чернецов опирался, с одной стороны, на детальный анализ самих писаниц (их местоположения и ориентировки, сюжетов, стиля и т. д.), а с другой — на определенные аналогии и параллели с периодическими обрядами и празднествами обских ургов. В итоге он пришел к выводу, что «...наскальные изображения были связаны с обрядами календарного характера и приурочивались к определенному времени года, например к весеннему равноденствию...» и что они выражают действия целых коллективов — «коллективные мероприятия в области быта, промысла и культа» (ч. II, стр. 75, 83). На календарность связанных с писаницами обрядов, по мнению автора, указывает характер композиций, присутствие в них солярных и небесных символов, ориентировка полотен в основном к югу.

Содержание самих обрядов в известной мере помогло реконструировать те же параллели с сезонными обрядами обских ургов, хорошо знакомые В. Н. Чернецову. В сложном комплексе их он вычленил две особо важные для решения поставленного вопроса темы: 1) привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них; 2) весеннее оживление природы и идея размножения и увеличения количества рыбы и зверя. Следы магических обрядов такого рода, существовавших в Зауралье в древности, по мнению исследователя, отражаются в писаницах двух первых сюжетов, бесспорно связанных и с охотничьим промыслом, и с солярно-небесной символикой (ч. II, стр. 83). Композиции переходного характера, от второго к третьему сюжету, интерпретировались посредством «птичьих песен» и связанных с ними действий, которые отражают «идею единства человека и тотемного существа и связывают их в единый комплекс с весенним оживлением природы и растительности и появлением потомства» (ч. II, стр. 83). Наконец, писаницы третьего сюжета расшифрованы с помощью гравировок на зеркалах, близких им композиционно, где, как считают манси и ханты, изображены предки отдельных генеалогических групп. Предки обских ургов (олицетворявшиеся замаскированными танцорами) в определенное время года собирались на празднества, исполняя каждый свой танец «для счастья и удачи в промысле». Для закрепления этих действий предки обских ургов, по мнению В. Н. Чернецова, изображались в гравировках и, очевидно, в наскальных композициях. «Призывные песни», как и связанные с ними обряды и действия, отражают более поздний пласт в развитии общественных отношений и мировоззрения этого народа. Таким образом, изучение этнографии обских ургов помогло раскрыть содержание и назначение большинства писаниц Урала.

Для выделения сюжетов и композиций, установления хронологии и назначения рисунков В. Н. Чернецов пользовался преимущественно данными по археологии и этнографии Зауралья, откуда черпал все дополнительные наблюдения. В этой строгой привязке к определенной территории, совпадающей с ареалом распространения самих писаниц и принадлежавшей предкам современных обских ургов, большое достоинство работы. Но когда наскальные изображения Урала были уже рассмотрены, возникла настоятельная потребность значительно расширить географические рамки исследования. Иначе нельзя было ответить на следующий вопрос: «...явились ли наскальные изображения Урала частью изолированной, замкнутой в себе этнокультурной структуры, ограниченной лишь территорией распространения предков обских ургов, т. е. Зауралья и некоторых частей Обь-Иртышья, или вместе с этой структурой они находились в связи и взаимодействии с другими, входя таким образом в структуру более широкую, соответствующую более обширной этнокультурной общности» (ч. II, стр. 103, 105). В. Н. Чернецов разработал методику (программу) сопоставления писаниц Урала с наскальными изображениями других территорий, включающую целый ряд показателей: состав изображений, характер профильности, технику нанесения, направление развития, особенности стиля и т. д. В результате сравнения он пришел к выводу о значительной близости наскальных изображений Северной Норвегии, Урала и Ангары, р. Томи, а возможно, и Пэггымеля, открытых недавно Н. Н. Диковым. В. Н. Чернецов объяснил эту близость наличием каких-то общих для населения этих территорий представлений и традиционных навыков; существованием древней этнокультурной общности (урало-сибирского этнокультурного ареала). Эти группы наскальных изображений исследователь относит к этому ареалу, связывая их с территориями расселения восточной ветви древних уральцев (ч. II, стр. 104, 105). Из этой общности В. Н. Чернецов исключил петроглифы Карелии, несмотря на их промежуточное положение между скандинавскими и уральскими. Сопоставляя хорошо знакомые ему уральские и карельские наскальные изображения, он нашел, что между ними существуют глубокие принципиальные различия, соответствующие, по всей вероятности, не менее глубоким отличиям в хозяйственном быту, общественном устройстве, мировоззрении и обрядах породивших их обществ. В рецензируемой работе высказано положение, что здесь мы имеем дело и с разными этническими образованиями. Автор убедительно показал неразрывную связь тех и других памятников с местной физико-географической средой и общественно-трудовой практикой, с местной культовой обрядностью, традиционной и устойчивой.

В заключительной части своего исследования В. Н. Чернецов коснулся также проблемы общего и частного в наскальных изображениях урало-сибирского ареала и попытался выявить и некоторые общие закономерности их развития, проявляющиеся, в частности, в закономерно последовательном изменении форм изображения животных. Первопричину этих изменений в форме (стиле) он видел в развитии и изменениях тра-

диционных представлений, связанных с изготовлением наскальных изображений. Всего им выделено три группы изображений стадийного характера (ч. II, стр. 98—106).

Таковы основные выводы исследования В. Н. Чернецова. Его труд, несомненно, облегчит разработку методики изучения наскальных изображений нашей страны.

Решены ли поднятые в работе проблемы (кем, когда и с какой целью наносились писаницы Урала); можно ли принять предложенные выводы за окончательные; какова степень их достоверности? Ответ на эти вопросы наукой будет дан лишь по истечении определенного времени. Но уже сейчас можно утверждать, что это наиболее плодотворный подход к изобразительному материалу, серьезная попытка основательного и убедительного решения затронутых проблем, значительно обогатившая наши знания о наскальных изображениях. В науку умело введен ценный и многогранный исторический источник, не только тщательно обработанный, но и хорошо осмысленный. Рассмотренная работа не только подвела итог длительному изучению писаниц Урала, она распустила пути для дальнейших поисков, вести которые будет теперь несравненно легче, ибо многие отправные точки уже намечены. Заметим в связи с этим, что В. Н. Чернецов нигде не выдает свои соображения, выводы и наблюдения за окончательные суждения. И это ни в коей мере не перестраховка, и даже не столько известная всем скромность и кристальная честность исследователя в науке, сколько живое ощущение потенциальных возможностей этих своеобразных исторических документов, истинная научная ценность которых еще только-только осознается наукой.

Опыт изучения наскальных изображений показывает, что это такой источник, который не открывает всех своих тайн с первого чтения. Ученые будут не раз снова и снова обращаться к ним по мере открытия новых памятников первобытного искусства, использования данных естественных наук, находить в них что-то новое.

При чтении работы В. Н. Чернецова возникает ряд вопросов, которые вовсе не влияют на ее высокую оценку, но, возможно, представят некоторый интерес для будущих исследователей писаниц Урала. На наш взгляд, полезна была бы более детальная статистическая обработка писаниц, ибо количественные показатели важны и при сопоставлении наскальных изображений разных районов. В главе «Писаницы Урала и наскальные изображения других территорий» совершенно не рассматриваются петроглифы северной Швеции, занимающие промежуточное положение между норвежскими и карельскими и весьма выразительные сами по себе. Без анализа шведского материала трудно по-настоящему представить западную часть урало-сибирского этнокультурного ареала. Само существование намеченной В. Н. Чернецовым древней этнокультурной общности в пределах западных областей (Норвегия, Карелия) нуждается в более тщательном обосновании местным археологическим и этнографическим материалом. Непрерывную генетическую связь между культурой, представленной могильником на Южном Оленьем острове в Онежском озере, неолитическими поселениями Колыского полуострова и могильником на Северном Оленьем острове в Баренцевом море никак нельзя считать достоверно установленной, ибо в действительности пока эта работа никем не проделана. В. Н. Чернецов не принял во внимание, что с протосаамами связывают не только (и не столько) керамику сперрингс, сколько более позднюю гребенчатую керамику с примесью асбеста, навряд ли генетически связанную со сперрингс. Сам исследователь относил ее к западному ареалу, чуждому культурам финно-угорского происхождения. Исключение ямочно-гребенчатой и асбестовой керамики из круга протофинно-угорской, на наш взгляд, также нуждается в более развернутой аргументации. Поскольку керамика этих типов распространяется на территории Карелии значительно шире, чем сперрингс, и захватывает Колыский полуостров, генетическая связь более ранних археологических культур с поздними, стоящими ближе к саамам, остается неясной.

Различая для эпохи первобытности изобразительную деятельность и деятельность художественную, В. Н. Чернецов считает, что писаницы относятся к изобразительной деятельности и главной своей целью имеют передачу информации. Сознательная художественность выполнения в них будто бы отсутствует или во всяком случае не является сколько-нибудь существенной. Нам представляется, что вопрос этот несколько сложнее и для выяснения его требуется более пристальный историко-художественный анализ памятников первобытного искусства. В некоторых наскальных изображениях, например в петроглифах Карелии, сознательная художественность исполнения выступает весьма отчетливо. Вообще в наскальных изображениях в той или иной мере решались и художественные, эстетические задачи, которые, естественно, не были самоцелью.

Большой научный интерес представляет вывод о существовании урало-сибирского этнокультурного ареала, к которому В. Н. Чернецов отнес наскальные изображения от Норвегии до Ангары, а быть может, и до Пэгтымеля, связывая их с территорией расселения восточной ветви древних уральцев. Однако время его сложения, границы, в которых он существовал, особенности развития, связь с выделенными уже археологическими культурами и другие вопросы еще ждут своего решения.

Нет сомнения в том, что прекрасное исследование В. Н. Чернецова будет способствовать дальнейшему развитию нового раздела исторической науки — исследованию петроглифов, складывающегося где-то на стыке археологии, этнографии, истории первобытного общества. Основной целью работы является изучение духовной жизни первобытного общества, первобытного сознания и мышления, ярко отразившегося в этих памятниках.

Ю. А. Савватеев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, 312 стр.

В исследовании об итогах и проблемах изучения русских былин, относящемся к 1966 г., А. М. Астахова писала: «Изучение... русских былин ведется последнее время слишком изолированно, в основном без учета результатов изучения славянского эпоса»¹ и подчеркивала, что «возобновить на новых методологических началах историко-сравнительное изучение русского эпоса с южнославянским совершенно необходимо»². Однако в последние годы вышло несколько работ, посвященных сравнительному исследованию былин и эпоса южных славян. Особенно много и плодотворно в этом направлении работает Б. Н. Путилов. Рецензируемая книга — результат многолетних поисков. Одну из главных своих задач исследователь видит в том, чтобы последовательно применить методику сравнительно-типологического исследования к героическому эпосу славянских народов. Он справедливо замечает, что типологическая теория ориентирует славянскую фольклористику на изучение исторических закономерностей славянского эпического творчества как единого процесса, по-своему протекавшего у разных народов. Эти задачи определяют методические аспекты исследования.

В книге собран и изучен огромный материал. Широта теоретической базы исследования во многом определила успех работы. Рассматривая отражение той или иной темы в русском или южнославянском эпосе, автор привлекает большое количество песен и их вариантов.

В работе Б. Н. Путилова рассмотрение конкретных сюжетов, тех или иных былин и южнославянских песен сочетается с постановкой больших общетеоретических проблем. В этом отношении показательны разделы об общих особенностях героического эпоса, в которых дано яркое описание эпического мира, его характерных черт и закономерностей. Очень точно охарактеризованы отношения эпоса и истории. Путилов показывает, что «эмпирический материал истории, не являясь для эпоса исходным, подчиняется его художественной системе и в соответствии с особенностями этой системы подвергается переработке» (стр. 125). В этих наблюдениях обобщена одна из важнейших особенностей искусства слова в применении к народному творчеству. Жизненный материал, попадая в сферу искусства, в структуру художественного произведения, неизбежно преобразуется в соответствии с законами этой структуры.

Мы считаем верной мысль автора рецензируемой книги, что эпический, исторический и бытовой мир как бы живет по своим законам, которые, конечно, соотносятся с законами реальной истории и реального быта, но не совпадают с ними. Б. Н. Путилов убедительно показывает, что характер историзма в различных видах эпики различен. В славянском эпическом творчестве шел сложный и неравномерный по интенсивности процесс осознания истории как реальности. Путь развития народного эпоса — путь овладения реально-историческим содержанием.

Русский и южнославянский эпос характеризуется многообразием исторически сложившихся типов и жанровых форм. Традиционная классификация не учитывала многие существенные признаки эпического творчества. В основе исследования Б. Н. Путилова лежит классификация, основанная на типологических критериях. Главными из них являются: характер и своеобразие эпического мира и эпических героев, уровень историзма, характер эпической эстетики, отношение к традиции. Соображения автора и его классификация представляют нам убедительными, хотя отдельные положения и нуждаются, на наш взгляд, в некоторых дополнениях и уточнениях. Стоило, очевидно, учесть и понятие эпической среды, подробно развитое, в частности, И. Н. Голенищевым-Кутузовым. Вместе с тем имело смысл хотя бы поставить вопрос о психологии эпического творчества, с одной стороны, и о восприятии эпики — с другой. Проблемы эти очень сложны, и их постановка помогла бы более полно решить вопрос о своеобразии различных эпических систем.

В книге рассматриваются те типы славянской эпики, которые могут быть отнесены к классическому героическому эпосу: фантастико-исторический, героико-исторический и реально-исторический эпос. Соответственно этому книга разделена на три части, в каждой из которых рассматривается определенная эпическая система.

Многие из тех произведений, которые Б. Н. Путилов привлекает для анализа, уже были предметом исследования. Но автор сумел по-новому взглянуть на традиционные сюжеты, мотивы и темы. Он изучает внутренние закономерности богатого и сложного эпического мира. Применение принципов типологического изучения позволило по-новому прочитать многие тексты, увидеть в них отражение определенных стадий развития эпоса и описать их как звенья развивающейся динамичной системы и одновременно указать на их своеобразие. Каждая отдельная художественная структура предстает перед нами в неразрывной связи с действительностью, с одной стороны, и со всем сложным развитием эпоса, с другой.

¹ А. М. Астахова, Былины, М.—Л., 1966, стр. 283.

² Там же, стр. 283.

В первой части книги большое внимание уделено теме змееборства в южнославянском и русском эпосе. Очень интересны соображения автора о характере эпической традиции. Здесь уже поставлен и весьма важный вопрос о том, как типологически родственные эпические системы объясняют одна другую. Так, рассматривая былинну о Добрыне и Змее и отмечая в ней сюжетное и психологическое противоречие, Путилов замечает, что оно «легко разъясняется через южнославянские песни, в которых аналогичные по смыслу, но по-иному выраженные коллизии распределены между *двумя* самостоятельными сюжетами» (стр. 45). Эта мысль получает развитие в других разделах. Б. Н. Путилов, тонко проанализировав композицию этой былинны, показал, как столкновение различных ступеней сознания отражается в сюжете, композиции, изображении героев.

Большое значение с точки зрения типологической теории имеет рассмотрение южнославянских песен о Марке Кралегиче и Мусе Кеседжии и былины об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. Как пишет Б. Н. Путилов: «Соловей-Разбойник и Муса Кеседжия находятся в разных точках одного пути, в содержании их образов отражаются различные степени реализации одного процесса. В южнославянской песне этот процесс зашел намного дальше в своих существенных моментах, в русской былинне он как бы задержался» (стр. 67). При этом автор вместе с тем отмечает, что «общность процесса относительна и ограничена рядом условий, поскольку он проходит в разных исторических и национальных плоскостях» (там же).

Б. Н. Путилов подчеркивает, что «любые эпические аналогии имеют динамический характер и могут быть по-настоящему раскрыты и поняты лишь в движении» (стр. 21). Важным является введенное автором понятие эпической преемственности.

Б. Н. Путилов говорит и о своеобразной многослойности славянского эпоса, о чертах архаики в нем. Но архаические слои и элементы интересуют его лишь постольку, поскольку они играли эпосообразующую роль в историческое время и поскольку без их выявления и анализа в классическом эпосе славян многое остается неясным. В этом отношении интересны разделы «Былины о Волке и песня о Змае — Огненном Вуке», «Былины и песни о старших и младших богатырях и юнаках».

Центральное место в рецензируемой книге занимает анализ героико-исторического эпоса, который рассматривается как ядро славянской героической эпики; здесь сосредоточены характернейшие черты славянского эпического творчества.

Рассматривая героико-исторический эпос, автор подробно анализирует большое количество сюжетов и типовых тем. Это помогает ему увидеть общее, сходное, более или менее близкое в сюжете героико-исторических былин и юнацких песен. Наиболее отчетливо особенности историзма эпики данного типа проявляются в таких первоэлементах эпоса, как эпические конфликты, герои, фон. Но говоря, скажем, об эпическом конфликте, нельзя не сказать об эпическом времени и пространстве. Эти вопросы освещены менее подробно. Между тем из материала, привлекаемого Б. Н. Путиловым, и анализа отдельных произведений вытекает важный вывод: эпическое время есть своеобразный синтез нескольких исторических времен.

При рассмотрении отдельных разделов героико-исторического эпоса автором высказано много важных положений. Так, подчеркивая закономерность героического начала в песнях о сватовстве, автор замечает: «Здесь эпическое творчество намного раньше, чем литература, сделало попытку изображения в едином повествовании личных судеб и судеб национальных, событий частной жизни и событий большой истории...» (стр. 157).

О продуктивности темы сватовства в фольклоре Б. Н. Путилов говорит в интереснейшем разделе «Славянская эпика о сватовстве на поздних этапах». Одна линия в развитии этой эпики — появление песен, в которых важную роль играют новеллистические мотивы. Другая представлена балладами и юнацкими песнями с балладными мотивами. Соображения, высказанные автором, перспективны и с точки зрения жанровой классификации фольклора.

Каждый раз, анализируя новые песни, Путилов выдвигает и новые теоретические проблемы. Так, при рассмотрении песен о похищении жены ставится вопрос о «возрасте» тех или иных сюжетов. Сюжеты южнославянских песен о похищении женщины автор считает достаточно архаическими и традиционными. Он подчеркивает, что эта тема представлена в эпосе более раннем, и вполне оправданно выходит за пределы славянского эпоса. Думается, что такой выход был бы целесообразен и по отношению к другим темам и сюжетам, в частности к сюжету «муж на свадьбе своей жены». Это важно и потому, что, как известно, он был предметом пристального изучения у представителей миграционной теории, выводы которых нуждаются в серьезных уточнениях или, как говорит Б. Н. Путилов, вовсе неприемлемы. В. М. Жирмунский относил этот сюжет к международным в широком смысле этого слова, восходящим к песне (балладе), новелле, сказке, легенде³. Он же писал о его распространенности и истории⁴.

Б. Н. Путилов рассматривает этот вопрос иначе. Не выходя за пределы славянского региона, он обращается к конкретному и обстоятельному анализу южнославянских песен и русских былинных версий по их мотивам и приходит к выводам о специ-

³ В. М. Жирмунский, Народный героический эпос, М.—Л., 1962, стр. 180, 186.

⁴ См., например: В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и восточная сказка, М., 1960, стр. 274—312.

фике эпического творчества у русских и южных славян. Выводы эти содержат ряд принципиально важных моментов, показывая, в частности, что понимание вариантности в применении к различным национальным эпосам наполняется особым содержанием. Типология сюжета позволяет в данном случае говорить о закономерном в процессе эпического творчества и вместе с тем о конкретных, разнообразных специфичных формах его проявления. Однако если в других главах раскрывается генезис сюжета, то здесь этого не сделано. Автор настоящей рецензии согласен с Б. Н. Путиловым, что миграционная теория в ее традиционном виде не может объяснить данный сюжет. Но если стать на ту точку зрения, что контакты в области фольклора и литературы вырастают на основе типологических схождений, два аспекта сравнительного изучения будут взаимно дополнять друг друга. К ним можно присоединить и третий — историко-генетический, которому у нас, к сожалению, перестали уделять должное внимание.

Анализируя те или иные произведения и уделяя большое внимание их сюжетам, Путилов по существу подводит нас к более глубокому теоретическому пониманию сюжета и его отдельных элементов. Исследование сюжетов неотделимо от рассмотрения процесса развития эпоса и от изучения различных микроэлементов тех или иных художественных структур.

Среди других песен Б. Н. Путилов упоминает и песни о Стояне Янковиче. Известно, что Т. Маретич и некоторые другие исследователи рассматривали этого героя как историческую личность. Впрочем, так же говорили о нем и создатели народных песен, в частности Караджич и Петранович⁵. Этой же точки зрения придерживался и такой крупный знаток сербского эпоса, как И. Н. Голенищев-Кутузов, который, впрочем, обставляет ее рядом существенных оговорок⁶. Выводы Б. Н. Путилова по данному вопросу представляются мне более убедительными. Историзм песен о Стояне Янковиче более глубок и не может быть истолкован буквально. Тем не менее возникает ряд вопросов, на которые автор рецензируемого исследования не дает ответа. На наш взгляд, стоило сказать о том, почему данный сюжет был прикреплен к известной исторической личности и почему произведения об одном герое так различны и могут быть отнесены к разным типам эпики? Казалось бы, постановка этих вопросов не входила в круг задач, которые выдвинул Б. Н. Путилов, но все же без ответа на них кое-что остается неясным. Я говорю это не в порядке упрека, а потому, что рецензируемая работа выдвигает множество новых вопросов.

Удачно написаны разделы «Бой отца с сыном, дяди с племянником», и «Песни и былины о встрече братьев», в которых много тонких наблюдений над развитием отдельных сюжетных тем. Понятие «сюжетная тема» трактуется автором широко. По существу каждый раз речь идет об определенной системе. Автор вместе с тем ставит вопрос о своего рода иерархии эпических систем. Рассматривая эпические системы в динамике, Б. Н. Путилов в своем исследовании сочетает синхронный и диахронный аспекты.

Третья часть работы посвящена реально-историческому эпосу. Здесь рассматриваются косовский цикл южнославянского эпоса и былины об отражении татар. Из всего комплекса сложных проблем, связанных с этим типом эпики, Путилов умело отбирает именно то, что наиболее полно характеризует типологические схождения и приходит к выводу, что косовские песни и былины о татарском нашествии отличаются существенными особенностями и принадлежат к разным типам народной эпики. Верными представляются мысли автора о месте косовского цикла в южнославянском эпосе. В песнях о битве на Косовском поле, выросших на почве эпоса, отразился процесс преодоления эпического отношения к действительности и преобразования эпических форм ее изображения. Косовские песни были связаны не только с героической эпикой, но и с балладами и лирикой.

Заключая свой обстоятельный обзор, Б. Н. Путилов говорит о славянской эпической общности как о реальном явлении истории фольклора славянских народов. Он подчеркивает, что «эпическая общность обозначает такую степень взаимных отношений национальных эпических систем, при которых эти отношения приобретают характер органический, устойчивый и закономерный и охватывают, в сущности, все стороны эпического творчества» (стр. 310).

В краткой рецензии невозможно остановиться на всех проблемах, поднятых в книге Б. Н. Путилова. Думается, что значение ее выходит за рамки фольклористики. Она является новым глубоким обоснованием типологического принципа изучения общественных явлений и показывает, как важны сравнительно-типологические исследования для решения конкретных исторических проблем, для раскрытия основных закономерностей развития литературы и фольклора, а также для понимания своеобразия отдельных художественных систем. Книга «Русский и южнославянский героический эпос» обогащает нашу науку новыми идеями, новым пониманием процессов развития эпоса и содержит в себе интересную интерпретацию ряда произведений славянского народного творчества.

М. Я. Гольберг

⁵ См.: Т. Маретич, *Naša narodna epika*, Beograd, 1966, стр. 169, 170, 336.

⁶ См.: «Эпос сербского народа», М., 1963, стр. 337 и 236—242.

В рецензируемом сборнике освещаются различные аспекты творческой разработки советскими учеными научного наследия Ф. Энгельса в области этнографии и антропологии. Книга включает шесть статей: «Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории» Ю. В. Бромлей и А. И. Першица, «Современное состояние проблемы гоминизации» В. И. Кочетковой, «Антропологические аспекты проблемы происхождения и становления человеческого общества» В. П. Алексеева, «Роль перехода к земледелию в историческом процессе» Б. В. Андрианова, «Ф. Энгельс и некоторые проблемы классовобразования» А. М. Хазанова, «Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины» Ю. В. Бромлей.

Уже из этого перечисления видно, что сборник тематически состоит из трех частей. В первой из них, вводной, Ю. В. Бромлей и А. И. Першиц дают содержательный обзор современного состояния основных проблем истории первобытного общества в свете научного наследия Ф. Энгельса.

Во второй части, представленной статьями В. И. Кочетковой и В. П. Алексеева, рассматриваются с привлечением новейших данных антропологические аспекты проблемы происхождения человека и общества. И, наконец, третья часть, включающая статьи Б. В. Андрианова, А. М. Хазанова и Ю. В. Бромлей, посвящена позднему этапу в истории первобытного общества и его разложению. Таким образом, основное внимание в сборнике уделяется возникновению человеческого общества и разложению первобытнообщинного строя.

Его средний этап, мустье и верхний палеолит, рассматриваются в основном лишь в вводной статье. Но и без того тематический охват сборника весьма широк. В нем ставятся и решаются многие важные и спорные вопросы первобытной истории. В этом нетрудно убедиться, обратившись к отдельным статьям.

Так, в статье Ю. В. Бромлей и А. И. Першица рассматриваются концепция двух скачков, характер первобытного стада, вопросы о начальных формах семьи, о сущности и функциях рода, о соотношении различных форм социальной организации первобытного общества, о его периодизации и др. В частности, нам представляется весьма плодотворной трактовка авторами вопроса об основной экономической ячейке развитого первобытного общества и убедительным кажется вывод, что «скорее всего такой ячейкой можно считать локализованную часть рода, образовывавшую экономический костяк, а вместе с тем и основную массу численного состава родовой общины» (стр. 24).

Очень верной представляется мысль авторов о том, что не следует абсолютизировать грань между присваивающим и производящим хозяйством и считать раннеземледельческие и охотничьи общества в принципе несравнимыми, как это иногда делается в нашей литературе (стр. 28). Бесспорной нам кажется и мысль о том, что, поскольку в эпоху разложения первобытного общества «поздний род был явлением преимущественно надстроечного порядка, основное экономическое значение имели первобытная соседская община и большая семья, в которых на разных таксономических уровнях шло вызревание частнособственнических начал позднейших классовых обществ» (стр. 31). В заключение одно замечание: авторы, рассматривая вопросы периодизации, к сожалению, не высказывают своего отношения к идее выделения самостоятельного периода, промежуточного между первобытнообщинной формацией и классовым обществом.

Очень интересна, хотя во многом и дискуссионна, статья В. И. Кочетковой о проблеме гоминизации. Большим достоинством этой статьи является, например, тщательный анализ эндокранных отливов прегоминид и древнейших гоминид, позволивший автору сделать интересные выводы о степени и темпах развития различных областей мозга древних людей, в частности нижней теменной и нижней лобной, первая из которых тесно связана «с познающими и трудовыми действиями рук», а вторая «с двигательной зоной устной речи» (стр. 67). Менее удачным, на наш взгляд, оказалось привлечение генетики для реконструкции процесса гоминизации. Сам по себе соответствующий раздел статьи весьма интересен, но по его прочтении остается все же непонятным, почему уменьшение числа хромосом способствовало прогрессивной эволюции человека. И редколлегия сборника, несомненно, поступила правильно, оговорив в примечании дискуссионность соображений автора о значении различий в хромосомном аппарате понгид и гоминид. Несколько искусственным нам кажется и различение орудийной и трудовой деятельности у австралопитеков и связь последней с изменениями в хромосомном аппарате. Указанное различие было подвергнуто аргументированной критике в статье В. П. Алексеева (стр. 84, 85).

Несмотря на спорность и неубедительность некоторых положений, статья В. И. Кочетковой, нам хочется подчеркнуть это еще раз, очень интересна. В ней есть не только новейший материал, но и много мыслей о реакции австралопитековых на климатические и ландшафтные изменения Африки, о переходе к первичной подработке камня многими родами и видами прегоминид (по терминологии автора), о диалектике процесса эволюции австралопитековых и т. д.

По своей теме во многом перекликается со статьей В. И. Кочетковой статья

В. П. Алексеева. Нам хотелось особо остановиться на предлагаемой В. П. Алексеевым классификации гоминид и соотношении ее с археологической классификацией. Автор подразделяет семейство гоминид на два подсемейства: австралопитеки и собственно гоминиды; последние, в свою очередь, подразделяются на два рода: род питекантропов и род *homo*, включающий наряду с людьми современного типа также и неандертальцев в качестве отдельного вида. Затем автор обращает внимание на несоответствие двухчленной классификации собственно гоминид с распространенной археологической классификацией палеолита, подразделяющей его на нижний и верхний, с включением мустье в нижний палеолит. Таким образом, неандертальцы в антропологической классификации оказываются объединенными с *homo sapiens*, а в археологической классификации — с питекантропами. В. П. Алексеев приводит много доводов в пользу того, что это несоответствие морфологических и культурных границ не отражает реального положения и является не действительным, а кажущимся, и предлагает вернуться к подразделению палеолита на три периода: нижний, средний, верхний.

Мы вполне согласны с аргументацией автора в пользу объединения неандертальцев и *homo sapiens* в пределах одного рода; согласны с ним и в том, что в свете новых данных, свидетельствующих о большой сложности культуры мустье по сравнению с предшествующей эпохой, о появлении в мустье постоянных жилищ, религиозного культа и, по-видимому, также родового строя, о тесной связи и непосредственной преемственности локальных вариантов мустьерской и верхнепалеолитических культур, мустье неправомерно и дальше относить к нижнему палеолиту. Но предложение вернуться к трехчленному делению палеолита не устраняет несоответствия границ антропологической и археологической классификации. Трехчленному делению палеолита скорее соответствует антропологическая классификация не В. П. Алексеева, а М. Ф. Нестурха, выделяющего три равновеликих подрода — архантропов, палеоантропов и неоантропов. Хотя и эта классификация не учитывает в достаточной мере того, что неандертальцы не занимают строго срединного положения между питекантропами и *homo sapiens*, а значительно ближе к последнему.

Сходное положение, на наш взгляд, существует и в археологической классификации. Мустье, по мнению В. П. Алексеева (и не только его), ближе к верхнему палеолиту, чем к нижнему (стр. 102). И антропологической классификации названного автора отвечало бы не трех-, а двухчленное деление палеолита с включением мустье в верхний палеолит. К сожалению, В. П. Алексеев не довел, на наш взгляд, свою мысль до логического конца, и не внес это предложение, вытекающее как из содержания его статьи, так и из новых исследований мустьерской культуры и ее связей с верхним палеолитом. Между тем лишь включение мустье в верхний палеолит может привести в соответствие внутренние границы антропологической классификации В. П. Алексеева и археологической классификации.

Нам представляется, что пришло время обсудить вопрос о нижней границе верхнего палеолита.

Мы не будем касаться других аспектов статьи В. П. Алексеева, таких, как подробно аргументируемые положения о прямохождении как решающем морфологическом признаке, определяющем границу между гоминидами и обезьянами, о последовательности развития триады прямохождение — кисть — мозг и многое другое.

В статье Б. В. Андрианова детально рассматриваются история возникновения и ранние этапы земледелия и анализируется влияние перехода к земледелию на развитие ремесел, обмена, социальных структур, зарождение и рост городов и формирование классового общества. Интересна сопровождающая статью карта мировых центров растениеводства и распространения земледелия.

Нам хотелось бы упрекнуть автора этой статьи только в одном: отвергая идею о связи возникновения земледелия с климатическими изменениями (усыханием) в Азии, он не уделил достаточного внимания изложению своих взглядов на причины возникновения земледелия.

Статья А. М. Хазанова посвящена проблеме, которой Энгельс уделял огромное внимание, — проблеме классообразования. Автор статьи, исходя из исследований Ф. Энгельса, обобщил и проанализировал новые материалы. А. М. Хазанов попытался воссоздать сложную картину социальных процессов, приведших к возникновению классов. Экономическим предпосылкам классообразования уделено меньше внимание, но это оговаривается в вводной части статьи. Нам хотелось бы подчеркнуть свое согласие с такими положениями статьи, как то, что в различных обществах процесс классообразования мог развиваться по-разному (стр. 141) и то, что разложение первобытнообщинного строя не принимает с необходимостью форму военной демократии. Вместе с тем автор, на наш взгляд, недостаточно конкретизирует эти положения, не анализирует различные пути классообразования.

Заключительная статья сборника принадлежит Ю. В. Бромлею и посвящена одной из коренных проблем первобытной истории — генезису и эволюции семейной общины. Автор сосредоточивает свое внимание на ее ранних формах и развивает идею о братской семье как архаической форме семейной общины, которая была характерна в свое время если не для всех, то для подавляющего большинства народов и «играла важную роль при переходе от семьи, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье» (стр. 175). Автор обосновывает выделение этого наиболее архаического типа семейной общины на большом фактическом материале, раскрывает ее структуру и специфику.

Желательно, чтобы исследования этого архаического типа общины были продолжены.

В целом рецензируемый сборник является значительным вкладом в творческую разработку научного наследия Ф. Энгельса в области этнографии и антропологии.

Л. А. Файнберг

НАРОДЫ СССР

Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970, 280 стр.

Рецензируемый сборник в основном посвящен изучению этнических процессов, протекающих в среде малых народов Севера.

Вопрос об этнических судьбах малых народов Севера был поднят сравнительно не давно. В последние десять лет опубликовано лишь несколько статей, освещающих некоторые аспекты этой проблемы. Выход в свет данного сборника является первым важным шагом в изучении этнических процессов у этих народов.

Включенные в сборник статьи посвящены в первую очередь консолидационным и ассимиляционным процессам, изменениям в языке и в культурно-бытовом укладе. Авторы вводят в научный оборот интересные новые материалы, показывающие причины глубоких этнических изменений на Крайнем Севере.

Сборник открывается вводной статьей Б. О. Долгих «Этнический состав населения Севера СССР», дающей общее представление о численности, расселении и языковой принадлежности малых народов Севера. Сопоставив данные переписей 1926 и 1959 гг., автор показал изменение количественного соотношения местного и пришлого населения. В результате индустриализации, социалистического строительства и транспортного освоения Севера там резко увеличилась численность русского населения (стр. 14, 19). В статье дан «список автономных республик, краев и областей Севера с указанием тех национальных округов и районов, где живут малые народы Севера (а также коми и якуты)» (стр. 17—19), и рассмотрены бытующие сейчас и распространенные в прошлом названия народов Севера. Несомненный интерес представляет анализ результатов переписи населения Севера 1959 г. в свете этнографических материалов, имеющихся в Институте этнографии АН СССР (стр. 20—21).

Современным этническим процессам на Крайнем Севере и Дальнем Востоке посвящены статьи Л. В. Хомич, Е. А. Алексеенко, З. П. Соколовой, Ю. Б. Симченко, С. С. Савоскула, И. С. Гурвича и А. В. Смоляк. Авторы, как сказано во введении, исходили из общего положения, что на ход этнических процессов оказывали и оказывают влияние целый комплекс социальных условий, главным образом экономические и культурные преобразования. Они подчеркивают, что основным фактором, повлиявшим на ускорение этнических процессов, является преодоление былой, конечно, относительной, изоляции малых народов Севера, отход от натурального хозяйства и укрепление многообразных связей между народами северных окраин и других областей Советского Союза (стр. 9). Материалы, собранные в разное время и по различным программам, позволили авторам подойти к исследованию этнических процессов с разных точек зрения и показать своеобразие этих процессов у отдельных народов. Однако это затруднило воссоздание единой картины этнического развития народов этого обширного региона.

В статье Л. В. Хомич «Современные этнические процессы на Севере Европейской части СССР и западной Сибири» характеризуется этническая история ненцев, отдельных групп хантов, русских старожилов и коми-зырян. Автор убедительно показывает, что значительное влияние на ход этнических процессов оказали изменения в хозяйстве и культурно-бытовом укладе. Хотя, на наш взгляд, автор уделила излишне много внимания характеристике хозяйственных занятий, образа жизни и материальной культуры изучаемых народов. Например, очень подробно описан процесс пошива одежды у ненцев (стр. 43—44). Также без связи с этническими изменениями приводит Л. В. Хомич данные о современных религиозных пережитках у ненцев (стр. 49).

Трудно согласиться и с некоторыми выводами автора. Так, Л. В. Хомич считает неправильным распространенное мнение о том, что ижемыцы притеснялись ненцев (стр. 34—35). Основной причиной бурного развития оленеводства у ижемыцев она считает совершенствование ими методов ведения оленеводческого хозяйства. Но, видимо, Л. В. Хомич упустила из виду то, что это «совершенствование методов оленеводства» сопровождалось фактически захватом пастбищ у ненцев. Далее Л. В. Хомич пишет, что «большинство коренного населения на рассматриваемой нами территории сохраняет основные черты своей традиционной национальной культуры» (стр. 59). С этим положением можно согласиться лишь отчасти, так как традиционная культура коренного населения Севера Европейской части СССР и Западной Сибири претерпела, как и показывают материалы Л. В. Хомич, значительные изменения.

В статье Е. А. Алексеенко «Этнические процессы на Туруханском Севере» рассматриваются кеты, селькупы и западная группа эвенков. В начале статьи автор дает крат-

кую характеристику этнических связей и взаимовлияния коренного населения указанного региона в дореволюционный период (стр. 63—68). «После Великой Октябрьской революции, в результате социалистической реконструкции и претворения в жизнь национальной политики,— пишет Е. А. Алексеенко,— начался процесс сближения отдельных групп коренного населения» (стр. 68). По данным Е. А. Алексеенко, переломным моментом в этническом развитии кетов, селькупов и западных эвенков явился послевоенный период. Основными направлениями этого процесса стали: «этническое сближение коренного населения и возрастание роли русской культуры и русского языка» (стр. 69).

Заслуживают внимания материалы автора об изменениях в языке. Так, например, она пишет: «...в настоящее время значительная часть коренного населения Туруханского Севера двуязычна и многоязычна» (стр. 69). Интенсивно идет процесс освоения русского языка (стр. 71—72) и сближения между языками коренного населения (стр. 72—75). По материалам Е. А. Алексеенко, для изучаемых ею народов характерен рост числа смешанных браков и интенсивное распространение новых общесоветских форм материальной культуры.

З. П. Соколова в статье «Современные этнические процессы у обских угров» обратила основное внимание на изменения в расселении хантов и манси (стр. 85—95) и на смешанные браки среди них (стр. 95—100). Автором собран и скрупулезно проанализирован большой фактический материал по этим вопросам. В результате его сопоставления с данными переписи 1926 г. З. П. Соколовой удалось определить современные ареалы распространения отдельных этнографических групп хантов и манси, установить число смешанных браков. Такие же показатели, как язык, самосознание и культурно-бытовой уклад, затронуты автором статьи слабо и требуют, видимо, специального изучения.

В статье Ю. Б. Симченко «Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа» сделана попытка проанализировать соотношение однонациональных и смешанных браков у авамских нганасан и долган и определить влияние представителей старшего поколения на смешанные браки. Автор собрал интересный материал о количестве семей, проживающих на территории Усть-Авамского и Волочанского сельсоветов, и их национальном составе. Очень интересны данные автора о родовом составе нганасанских однонациональных семей и численном составе нганасанских и долганских семей. Это сделано для того, чтобы показать, что в семьях с большим количеством людей значительнее влияние стариков, отрицательно относящихся к заключению смешанных браков. Постановка вопроса интересна и, возможно, Ю. Б. Симченко и прав. Однако, на наш взгляд, необходимо исходить не только из общего числа членов семьи, но и учитывать поло-возрастной состав семьи, так как даже семья из 3—4 человек может состоять из 3 поколений, а семья из 10 человек — из 2 поколений (родителей и детей).

С. С. Савоскул в своей статье «Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе» основное внимание уделил современному расселению и росту численности эвенков, увеличению числа смешанных браков, росту двуязычия и изменениям в области культуры. Эти материалы представляют несомненный интерес. Но, к сожалению, автор не указал, какие роды и группы эвенков изменили свое традиционное место расселения, как это повлияло на их этнические связи внутри округа и за его пределами.

Следующая статья — И. С. Гурвича посвящена обзору этнической истории коренных народов Крайнего Северо-Востока Сибири: коряков, чукчей, эвенков, ительменов, северных якутов, юкагиров, а также русских старожилов. Автор счел необходимым рассмотреть этнические изменения отдельно по национальным округам и северной зоне Якутской АССР. Это позволило ему не только обнаружить общие тенденции в этнических процессах у народов этого региона, но и выявить их своеобразие и причины этого. И. С. Гурвич установил, что в результате развернутого социалистического строительства и преодоления былой замкнутости малых народностей параллельно идут «процессы консолидации, сплавливания одноязычных, близких по языку, культуре и направлению хозяйства этнических образований и ассимиляция мелких иноязычных обособленных групп населения крупными; общее сближение народов Северо-Востока с русской культурой...» (стр. 285). Эти процессы в каждом районе имеют свои особенности. Так, консолидация береговых и кочевых коряков идет медленнее, чем береговых и тундровых чукчей. Это, по мнению автора, вызвано тем, что процесс внутренней консолидации у чукчей интенсивно протекал еще в дореволюционный период, и связи отдельных локальных групп были в прошлом теснее, чем у коряков, разница между диалектами чукотского языка была меньше, чем между диалектами коряцкого языка. Интересны также материалы автора об ассимиляции этнографических групп, являющихся меньшинством по отношению к основному коренному населению: эвенков — коряками, эскимосов — чукчами.

И. С. Гурвич в своей работе подробно осветил этнические изменения у коряков, чукчей и северных якутов — основных представителей коренного населения в исследуемых районах. Этнические процессы у эвенков, эскимосов и юкагиров рассмотрены лишь в связи с их взаимоотношениями с другими народами и не получили достаточно полного освещения. Совершенно не затронута этническая история алеутов.

Интересные данные об этнических процессах у нивхов, негидальцев, ульчей, нанайцев, удэгейцев, орочей и эвенков содержатся в статье А. В. Смоляк. Основное внимание

автор уделила смешанным бракам (стр. 265—274). Материалы А. В. Смоляк свидетельствуют о том, что у малых народов Амура процент смешанных браков весьма высок, но, к сожалению, автор в очень общей форме говорит о причине роста числа смешанных браков (стр. 265).

Две статьи сборника — В. И. Васильева «Ненцы и энцы Таймырского национального округа» и В. А. Туголукова «Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области» — посвящены главным образом изменениям в хозяйстве и культуре указанных народов.

В работе В. И. Васильева, занимающей одну пятую часть сборника, впервые подробно описаны расселение, традиционное хозяйство, маршруты кочевков, охота и рыболовство у таймырских ненцев и энцев.

Статья В. А. Туголукова посвящена описанию современного хозяйства, культуры и быта малоизвестной в литературе обособленной группы эвенков Амурской области. Нельзя не выразить сожаления, что В. А. Туголуков не коснулся этнических процессов у этой группы эвенков.

В целом авторы сборника нарисовали широкую картину этнических изменений у малых народов Севера и вскрыли их особенности. В сборнике показано влияние преобразований в хозяйстве и культуре малых народов Севера на национальные процессы. Большой материал приведен об изменениях характера контактов между различными группами коренного населения и их связей с пришлым населением.

Несомненным достижением является то, что авторы глубоко осветили вопросы о смешанных в национальном отношении браках и о многоязычии.

Однако нельзя не отметить, что отдельные этноопределяющие показатели получили недостаточное освещение и не дают возможности сопоставить их и выявить элементы, общие для всех исследуемых народов. Мало говорится о национальном самосознании, изменениях национальных традиций в отношении смешанных браков и роли в них пережитков экзогамии. Эти недостатки не умаляют научной ценности работы. В ней как бы подведен итог изучению этнических процессов у малых народов Севера.

Следует отметить, что авторы в основном исходили из статистических данных переписи населения 1959 г. Сейчас, видимо, надо выработать единую программу и подготовить монографию об этнических процессах в Сибири, исходя из данных переписи населения 1970 г. Актуальность дальнейшего изучения этой проблемы хорошо обоснована в рецензируемой работе.

Желательно, чтобы подобные сборники или монографии были изданы и по другим регионам Советского Союза.

Н. А. Алексеев

Одежда народов Сибири. Л., 1970, 222 стр.

Рецензируемый сборник по одежде народов Сибири — крупный вклад ленинградских ученых в советскую этнографическую науку. Авторы статей разбирают одежду сибирских народов в различных аспектах: Н. Ф. Прыткова и Г. М. Василевич — как исторический источник (причем Г. М. Василевич берет лишь производственный костюм эвенков, а не всю одежду в целом); Л. В. Хомич и Ч. М. Таксами дают подробное описание национальной одежды; Е. А. Алексеенко рассказывает о технике ее изготовления. Предметом исследования С. В. Иванова стали трубчатые игольники народов Сибири. Таким образом, этот коллективный труд можно расценивать как результат дальнейшего, углубленного изучения одежды народов Сибири, начатого и в монографиях авторов сборника, и в Атласе Сибири¹. Завершает сборник «Программа по изучению одежды народов Сибири», разработанная Н. Ф. Прытковой и уже проверенная в полевой работе и самим автором и некоторыми другими исследователями (например, Е. А. Алексеенко). Книга вышла под общей редакцией Н. Ф. Прытковой.

Главную задачу статьи «Одежда народов самодийской группы как исторический источник» Н. Ф. Прыткова определяет как «описание одежды каждого народа с выявлением наиболее старых ее форм, решение вопроса о происхождении того или иного вида одежды и отражение в одежде каждого народа его исторических взаимоотношений с другими народами (стр. 5). Автор справедливо считает главным признаком одежды ее покрой и подробно разбирает его в одежде всех народов самодийской группы. Статья делится на несколько глав: «Одежда ненцев», «Одежда энцев и нганасан» и «Одежда селькупов». В каждой главе описывается покрой мужской и женской одежды, отмечаются особенности ее кроя. Статья отличается стройностью изложения, прекрасным слогом, и благодаря этому, несмотря на сложность материала, воспринимается очень легко. Н. Ф. Прыткова подробно разбирает все элементы и виды одежды (нижнюю, верхнюю, одежду зимнюю и летнюю), головные уборы, а также обувь. Для каждого вида одежды приводятся местные названия, объясняется происхождение отдельных терминов. Не забыта автором и такая важная деталь одежды народов Севера, как отделка.

¹ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961.

Чрезвычайно интересна реконструкция старинной верхней одежды энцев и нганасан (мужской и женской). Аргументация Н. Ф. Прытковой в пользу этой реконструкции очень убедительна.

Важно, что материалы Н. Ф. Прытковой по национальной одежде самодийских народов в какой-то степени подтверждают гипотезу о южном происхождении этих народов. Статья богато иллюстрирована.

Л. В. Хомич в своей статье «Одежда канинских ненцев» показала особенности традиционной одежды этой группы ненецкого народа.

На первых страницах автор подробно рассматривает способы выделки и раскроя шкур и приемы шитья. Очень удался, по нашему мнению, раздел об оленьих шкурах, о типах скребков, о подготовке шкур к шитью, об изготовлении ниток, различных видах швов и т. д. Далее Л. В. Хомич описывает мужскую и женскую одежду. Приводится много местных терминов, относящихся к одежде. В заключение Л. В. Хомич подчеркивает некоторые особенности одежды канинских ненцев, отмечает существование у них в прошлом контактов с саамами, а также объясняет наибольшую близость этой группы ненцев к южносамодийским народностям тем, что предки канинских ненцев были одной из первых групп, заселивших тундру.

В статье Е. А. Алексеевко «Техника изготовления одежды у кетов» подробно рассказано о процессе изготовления одежды, использовании шкур различных животных и птиц, забитых в разное время года. Описывается изготовление и хранение ниток, виды швов, крой одежды. Вкратце автор характеризует традиционную кетскую одежду в целом. В выводах Е. А. Алексеевко подчеркивает единство кетской народности, типичность одежды кетов для пеших охотников и рыболовов. Отдельные детали, по мнению автора, сближают одежду кетов с одеждой селькупов, хантов, манси, эвенков, хакасов таежных районов, тувинцев-тоджинцев.

Нам кажется, что поскольку в статье идет речь о технике изготовления одежды, то, видимо, следовало проиллюстрировать именно процесс ее изготовления: выделку шкур, крой одежды и т. д., а не давать изображение одежды уже в готовом виде.

Статья Г. М. Василевич «Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник» посвящена одежде пяти территориальных групп эвенков: илимпийской, ербогоченской, непской, токминской и подкаменно-тунгусской. В начале статьи дается краткая характеристика этих групп по их диалектам и излагается точка зрения авторов на происхождение каждой из них. Описывая покрой меховой парки, суконного кафтана и т. д., автор отмечает характерные особенности кроя одежды у каждой из названных групп эвенков. Г. М. Василевич рассматривает причины сохранения одних и исчезновения других традиций пошива одежды и обуви эвенков, проникновения их из одной группы в другую. В конце автор делает ряд выводов непосредственно о самой одежде эвенков и на основе ее анализа показывает пути формирования различных групп эвенкского народа.

В статье Г. М. Василевич содержится богатый полевой материал, приводится большое количество местных терминов для одежды. В сочетании с прекрасными иллюстрациями это представляет собой значительную научную ценность.

Однако с сожалением отметим, что план статьи и стиль изложения оставляют желать лучшего.

Ч. М. Таксами поставил перед собой задачу охарактеризовать в целом одежду нивхов и показать традиционную одежду этого народа как материал для решения этногенетических проблем. Автор отводит большое место описанию современной одежды нивхов, подчеркивая преобладание покупной, общепринятой производственной и праздничной одежды с сохранением, однако, элементов традиционной одежды, особенно среди женщин. Зимой представители обоего пола предпочитают и поныне национальную обувь из нерпичьей шкуры или рыбьей кожи (она не промокает и долго сохраняет тепло).

По нашему мнению, было бы целесообразно в этой статье рассказать и о традиционной одежде нивхов, которая в наши дни совершенно вышла из употребления, и объяснить причины этого явления.

В статье «Старинные трубочатые игольники народов Сибири» С. В. Иванов подробно рассмотрел этот атрибут шитья у некоторых народов Северной Азии. Основной текст предваряет написанное на археологических данных введение. Текст статьи разделен на несколько глав, в которых описаны игольники, распространенные у народов самодийской группы, обских угров, кетов, эвенков, эвенов, долган, чукчей, коряков, азиатских эскимсов, народов Приамурья, Приморья и Сахалина, якутов и некоторых народов Южной Сибири. Автор добросовестно исследовал игольники этих народов, классифицировал их и сравнил с игольниками, найденными археологами.

Однако выводы автора, сделанные на основе сопоставления археологических и этнографических данных, не всегда четко сформулированы. Было бы также важно осветить такие вопросы, как использование игольников в качестве украшений; встречается ли орнамент, имеющийся на игольниках, на каких-нибудь других предметах, какие игольники являются исконными для каждого конкретного народа, а какие привнесены извне.

Интересна программа Н. Ф. Прытковой по изучению одежды народов Сибири, в которой самым тщательным образом классифицирована одежда и источники для сбора материалов по одежде, разработаны методы паспортизации и датировки этих материа-

лов. Автор составил вопросник для сбора сведений о технике изготовления одежды, обработки шкур и т. д. В программе даются общие замечания об одежде, нередко содержащие ценнейшие методические указания.

Программу Н. Ф. Прытковой могут, как нам кажется, с успехом применять в полевой работе не только исследователи народов Сибири, но и специалисты по другим народам нашей страны.

В целом сборник заслуживает самой высокой оценки. Он вводит в научный оборот новые данные по одежде народов Сибири, интересен в методическом отношении и содержит целый ряд важных выводов не только по одежде, но и по другим проблемам этнографии народов Севера, в частности по вопросам энтогенеза.

Вместе с тем хотелось бы выразить пожелание о подготовке и издании монографического труда, посвященного этой теме, в который входили бы статьи, написанные в одном аспекте: или о технике изготовления одежды или с точки зрения исследования одежды как исторического источника. Такая коллективная работа принесла бы неоценимую пользу для развития этнографии Сибири.

Т. Б. Долгих

С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971, 403 стр.

С. М. Абрамзон — крупный этнограф, посвятивший 45 лет неутомимого труда изучению народов Средней Азии. Особенно широко известны его многочисленные исследования по этнографии киргизов, полевую работу среди которых он начал еще в 1926 г. Рецензируемая работа — итог этих многолетних изысканий. По широте охвата темы, тщательной разработанности огромного круга этнографических источников, оригинальности и доказательности выводов книга С. М. Абрамзона, безусловно, принадлежит к числу ценнейших работ по тюркологии.

Монография состоит из 8 глав, в которых представлен весь комплекс историко-этнографических проблем: этническая история, хозяйственный уклад, общественный строй, различные аспекты материальной и духовной культуры народа. Композицию книги можно считать традиционной, особенность же ее — в целенаправленности, которая удачно сформулирована уже в названии книги. Исследование различных явлений этнической истории, быта и культуры автор подчиняет основной задаче: выявлению путей, «по которым шло формирование этнического и культурного облика киргизской народности...» (стр. 8). Для осуществления этого замысла автор широко использовал разработанные в советской этнографии методы исследования, в особенности метод исторической реконструкции хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры народа на основе относительно поздних этнографических данных. Доказательность его реконструкций подтверждается весьма широкими этногеографическими и историко-культурными сопоставлениями, а также умелым привлечением результатов исследований в смежных областях науки.

Концепция автора по этногенезу киргизского народа изложена в гл. I, которая открывается обстоятельным обзором этнографии вопроса и существующих гипотез. Положительно оценив итоги работы этногенетической сессии в г. Фрунзе в 1956 г., участники которой пришли к выводу о центральноазиатском происхождении «по крайней мере одного из основных компонентов» киргизского народа, С. М. Абрамзон вместе с тем отмечает, что «вопрос о более точной локализации центральноазиатского этнического ядра» (стр. 13), а также об этноисторическом соотношении енисейских и тьянь-шаньских киргизов, остался недостаточно изученным. Вступая в полемику с некоторыми исследователями, ученый высказывает свое критическое отношение как к гипотезе о «глубокой автохтонности киргизов», так и к взглядам, сводящим этногенез киргизского народа «к переселению каких-то „потоков“ или „массивов“ киргизских племен с весьма отдаленных территорий на Тянь-Шань» (стр. 17). Проводя собственные исследования в области происхождения киргизов, С. М. Абрамзон акцентирует внимание на вопросах, поддающихся решению с помощью данных о родоплеменном составе, этнической территории, истории формирования этнического состава и др.

Реконструкция С. М. Абрамзоном чрезвычайно сложного этнического состава киргизского народа в XIX — начале XX в. опирается на факты, полученные преимущественно в процессе полевых исследований. Корреляция систематизированного материала с недавно выявленными письменными источниками привела автора к убедительному выводу о том, что родоплеменной состав киргизской народности, включающий три крупные группировки (правое крыло, левое крыло и часть племен — *ичкилик*), в главных чертах стабилизировался в XVI в. По словам автора, «это не могло произойти далеко за пределами той территории» (стр. 27), где современных киргизов застают достоверные письменные свидетельства.

Особенно ценной частью исследования С. М. Абрамзона является анализ этнического состава киргизов в диахронии. Важно отметить, что, устанавливая многочисленные

параллели в этнонимии киргиз, казахов, кочевых узбеков, алтайцев, хакасов, монголов и других, ученый подчеркивает, что кристаллизация этнических компонентов, в конечном итоге образовавших киргизскую народность, происходила «в не слишком отдаленные времена» (стр. 36). Это верно. Этнические процессы, приведшие примерно в XV—XVI вв. к сложению большинства современных тюркских народов, активно протекали в V—XV вв.

В родоплеменном составе киргизов С. М. Абрамзон выделяет три «пласта». По этнонимам, вошедшим в эти пласты, можно судить о важнейших этапах этнической истории киргизского народа. К первому пласту, датируемому VI—XI вв., принадлежат этнонимы, связанные с кругом древнетюркских и раннесредневековых тюркских племен: *тёёлес, мундуз, кыпчак, канглы, кушчу, арык, уйгур, бугу, азык* и др. Научный уровень проводимых С. М. Абрамзоном этнонимических сопоставлений весьма высок. Используя сообщения восточных источников, а также новейшие данные исторической географии и лингвистики, он устанавливает этногенетические связи киргизских родоплеменных образований первого пласта с тюркскими племенными объединениями I тысячелетия н. э., т. е. с древними тюрками, уйгурами, тюркешами, с восточной приалтайской ветвью кыпчачков и др. Важным представляется вывод С. М. Абрамзона об участии кыпчакского компонента, уже на ранней стадии формирования киргизской народности.

Второй пласт включает этнонимы, появившиеся у киргизов в XII—XIV вв. и связанные с киданьским и монгольским вторжениями на территорию Киргизии. Родоплеменные образования второго пласта (*нойгут, баргы, коңурат, баарын, катаган, найман, керейит, меркит* и др.), по заключению С. М. Абрамзона, могли быть как монгольского, так и тюркского происхождения. В эту эпоху, по мнению автора, созревают некоторые исторические условия, давшие толчок начавшемуся процессу консолидации киргизской народности.

Этнонимы третьего пласта ученый относит к XV—XVIII вв., когда окончательно сложился современный этнический облик киргизской народности. К этому периоду в составе киргизов появляются группы, по терминологии автора, «казахско-ногайского происхождения» (*чекир-саяк, джетиген, колпоч* и др.), а также смешанного монгольско-тюркского происхождения (*моңолдар, черик* и др.).

На фоне установленной С. М. Абрамзоном исторической последовательности включения тех или иных компонентов в этнический процесс формирования этнической общности киргизов — его выводы по ряду дискуссионных или нерешенных вопросов этногенеза этого народа приобретают значительную доказательную силу. В этническом составе киргизов достаточно четко выделяются центральноазиатские (тюркоязычные и, отчасти, монголоязычные) и местные среднеазиатские (в т. ч. казахско-ногайские) компоненты. Касаясь территории, в пределах которой происходило формирование раннего компонента, С. М. Абрамзон находит подтверждения этногенетическим и историко-культурным связям киргизских племен с древним и средневековым населением Саяно-Алтайского нагорья, особенно Алтая, а также Восточного Тянь-Шаня и Притяньшанья (главным образом территории Джунгарии и Кашгарии). В связи с принципиальной новизной решения, доказательству восточных связей киргизского этноса С. М. Абрамзон уделяет особое внимание. Достоверные данные письменных источников (в том числе тибетских), исследования лингвистов (автор ссылается на работы С. Е. Малова), а также исторические предания и этнографические параллели подтверждают вывод о расселении киргизских племен в прошлом на востоке «вплоть до местностей, примыкающих к Тибету и Кашмиру» (стр. 57). Новые материалы заставляют автора критически оценить традиционную гипотезу о генетической преемственности тянь-шаньских киргизов от енисейских кыргызов. «Древнекыргызские племена Енисея», — пишет С. М. Абрамзон, — не стали «этническим ядром киргизской народности», «хотя их потомки, по-видимому, принимали участие в этногенезе киргизов» (стр. 60). «Этим ядром могли стать (рядка наша — Р. К.) прежде всего тюркоязычные племена южной окраины объединения кочевых племен, носившего название „кыргыз“» (стр. 61), и продвинувшиеся в первой половине II тысячелетия н. э. на территорию современной Киргизии с востока. Приходится сожалеть, что начатая автором историческая реконструкция этой темы дана в книге фрагментарно, и поэтому приводимая им аргументация не всегда убедительна. Хотя положение о роли этой линии связей в киргизском этногенезе сформулировано достаточно осторожно, оно, очевидно, внесет новый аспект в дискуссию о сложном процессе формирования киргизского народа.

Правоммерно уделить основное внимание разработке наиболее сложных и дискуссионных вопросов этнической истории киргизов, С. М. Абрамзон не до конца раскрыл поздние, казахско-ногайские линии этногенетических связей.

На наш взгляд, главу по этнической истории следовало сопроводить картой, а также дать графическое изображение тамг, описание которых С. М. Абрамзон удачно использовал для аргументации своих идей.

Каждая из последующих глав исследования имеет, с одной стороны, самостоятельное значение, так как посвящена по существу изучению различных сторон жизни киргизского народа, с другой — является органической частью целого и в этом смысле развивается дальше взгляды автора на этногенез киргизов.

Глава «Хозяйственный уклад» включает разделы о скотоводстве, земледелии, охоте и домашних промыслах. Определение хозяйственного уклада ряда тюркских народов на рубеже XIX—XX вв. как комплексного стало традицией в этнографической литера-

туре. Однако в оценке удельного веса тех или иных занятий на разных этапах истории тюркских народов в последнее время существуют заметные расхождения, связанные главным образом с преувеличением роли земледелия. Предпринятое С. М. Абрамзоном исследование хозяйственных укладов в их историческом развитии, детальный анализ способов и техники ведения различных видов хозяйства с широкими сравнительно-историческими экскурсами позволили ему воссоздать объективную картину формирования комплексного хозяйства киргизов. Автор показал, что у киргизов в XIX — начале XX вв. преобладало полукочевое скотоводческое хозяйство, в котором наблюдались колебания как в сторону более «чистого» кочевничества, так и к большей степени оседлости (стр. 109). В полном соответствии со своей концепцией этногенеза киргизов С. М. Абрамзон показывает, что в их хозяйстве получили развитие традиции древних обитателей края, более поздних выходцев из Южной Сибири и Центральной Азии, а также народов Средней Азии и Казахстана.

Глава «Материальная культура» также состоит из трех разделов: «Поселение и жилище», «Одежда», «Пища». В сравнительно небольшой по объему главе С. М. Абрамзон дал общую характеристику материальной культуры киргизов и локальных ее особенностей, детально обрисовал наиболее характерные ее стороны, определил основные этапы исторического развития киргизского жилища и одежды. Автор с успехом проследил этногенетические и историко-культурные связи киргизского народа. В киргизской материальной культуре, по наблюдениям автора, отложился мощный пласт, отражающий тесные исторические и культурные связи киргизов с народами Средней Азии и Казахстана, но в то же время многочисленные факты «свидетельствуют об имеющих большую древность этногенетических и историко-культурных связях киргизов с народами Саяно-Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, а также притибетских районов» (стр. 154).

Надо признать удачным стремление автора дифференцировать общие или заимствованные этнографические явления от явлений стадияльных, коренящихся в одностипности форм производства ряда народов.

Общественному строю, браку и семье киргизов посвящены гл. IV и V. В монографии обобщены многолетние исследования автора и внесено немало нового в соответствии с основными задачами работы. Опираясь на существующую периодизацию социально-экономической истории древних и средневековых тюрков, С. М. Абрамзон относит «окончательное сложение» феодального строя у киргизских племен к периоду «не позднее конца I тысячелетия н. э.» (стр. 155). Это положение надо признать верным в той мере, в какой общественный строй населения тюркских и монгольских конфедераций рубежа I и II тысячелетий н. э. можно назвать феодальным. Вероятно, будущие исследования внесут уточнение в наметившуюся в последнее время во многих работах тенденцию «удревнить» время сложения у тюркских и монгольских племен феодального строя.

С. М. Абрамзон сосредоточивает внимание на анализе патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе XIX в. Общая характеристика патриархально-феодальных отношений возражений не вызывает: они существовали и развивались в условиях кочевого и полукочевого скотоводства; им свойственны особенности, характерные ранним формам феодальных отношений, которые составляли их основу и переплетались с остатками и пережитками «дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений» (стр. 156). Основой патриархально-феодальных отношений у киргизов была феодальная собственность на землю. Бии и манапы «присвоили себе право распоряжаться» пастбищами и другими землями киргизских племен и родов, собственность которых теперь стала «юридической фикцией» (стр. 156, 157).

Несмотря на распространенность после Ташкентской сессии 1954 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, положения о земельной «узурпации», приходится усомниться в том, что этот тезис, основанный на теории насилия, в состоянии объяснить возникновение феодальной земельной собственности, тем более ее «монополии» в киргизском обществе (равно как и в других). Если тезис о том, что феодальная рента есть прежде всего земельная рента, остается невыбылым, то проблеме возникновения и развития феодального землевладения у бывших кочевников предстоит еще исследовать. В то же время общинное землевладение (в любой форме) даже в начале XX в., видимо, еще не совсем стало «юридической фикцией», и именно оно имело реальное значение в системе патриархальных общественных отношений киргизов.

С. М. Абрамзон совершенно правомерно придает принципиальное значение изучению структуры родоплеменной организации кочевников для исследования их общественного строя, так как, по его мнению, в многоступенчатой и подвижной структуре родоплеменной организации кочевников действительно кроется немало специфических черт их общественного строя.

Развернутую характеристику С. М. Абрамзон дает мелким родовым подразделениям (или семейно-родственным группам) в родоплеменной структуре киргизов. Именно они, по мнению автора, были теми «остаточными формами родоплеменной организации», «в основе которых лежали принципы известной общности экономической жизни» (стр. 181) и которые в XIX в. были главными носителями патриархально-родовых традиций в патриархально-феодальном обществе. В генетическом отношении мелкие родовые подразделения, были, по мнению С. М. Абрамзона, «своеобразными пережитками патриархальных семейных общин» (стр. 181), «последней стадией большесемейных органи-

заций» (стр. 184). Утверждение С. М. Абрамзона о существовании в прошлом у кочевников больших патриархальных семей отрицать не приходится. Однако для характеристики патриархально-феодалных отношений в киргизском обществе XIX в. вопрос о больших семьях определяющего значения не имеет, так как их количество было невелико, а в системе общественных отношений главную роль играли родовые подразделения, состоявшие из малых семей, а также земельные общины, как пишет автор. Вопрос о больших патриархальных семьях и генезисе родовых подразделений приобретает принципиальное значение с точки зрения социально-экономической истории средневековых кочевников. Представляется конструктивной высказанная, но не развернутая С. М. Абрамзоном мысль о том, что родоплеменная структура кочевников в том виде, в котором с ней знакома этнографическая наука, сложилась в так называемые «героические времена» и лишь очень приближенно отражает былой родоплеменной строй. Сложилась она, вероятно, в I тысячелетии н. э. и отразила военно-демократический этап истории кочевников, сочетавший в себе общинный принцип во владении землей и принцип частной собственности на скот и другое имущество. Большие патриархальные семьи, будучи действительно древними институтами в среде кочевников и их предков, в новой военно-демократической структуре общества должны были утратить реальные функции. В родоплеменной организации кочевников низшее звено (родовое подразделение) несло в себе все или почти все функции семейной патриархальной общины.

Детальная характеристика семейно-брачных отношений, взгляды С. М. Абрамзона на происхождение и развитие норм брака, свадебной обрядности, взаимоотношений в семье и т. д. несомненно привлекут внимание историков и этнографов, так как помогут глубже понять: социальную жизнь киргизского народа, а также его этногенетические и историко-культурные связи. Выделив в семейно-брачных отношениях древние и более поздние явления, определив их связь с развитием социально-экономического строя, С. М. Абрамзон вплотную подошел к созданию истории киргизской семьи.

Религии и культам киргизов посвящена глава VI. В ней читатель найдет материалы об исламе, древнем культе матери Умай, реликтах тотемистических представлений, культе природы, о пережитках фетишизма, шаманском культе и т. д. Полемизируя со сторонниками ранней исламизации киргизов, С. М. Абрамзон приводит убедительные доказательства массового распространения ислама в Киргизии не ранее второй половины XVII—XVIII вв. Это очень важный тезис, имеющий прямое отношение к пониманию всей совокупности религиозных воззрений киргизов. Отметив характерный для киргизов религиозный синкретизм, автор представляет богатый материал, показывающий причудливое переплетение в их религиозном сознании древних и более поздних верований, суеверий и представлений. На основании имеющихся данных С. М. Абрамзон показал историко-культурные связи киргизов с народами Средней Азии, Алтая и Центральной Азии. Особенно интересны и доказательны установленные по материалам религии этногенетические связи киргизов с древнетюркскими племенами.

Главы VII и VIII посвящены устному поэтическому творчеству и народному искусству киргизов. Народное творчество и искусство рассматриваются в тесной связи с хозяйственными занятиями, а также в этногенетическом и историко-культурном аспектах. Особое внимание автор уделил исследованию эпоса «Манас». Он приходит к выводу, что корни этого эпического произведения уходят в Монголию, Туву, на Алтай, в минусинские степи и Восточный Туркестан, хотя одновременно обнаруживаются отчетливые связи с эпосом народов Средней Азии и Казахстана. По мнению автора, дальнейшее исследование тюркских и монгольских эпических произведений позволит обнаружить глубокие этногенетические и этнокультурные связи между народами расселившимися на огромной территории от Центральной Азии до Волги и Северного Кавказа. Интересен также вывод С. М. Абрамзона о том, что несмотря на присутствие в эпосе «Манас» древнейших (в т. ч. мифологических) сюжетов как «общенародный» (стр. 369), он сложился в XIII—XVII вв., т. е. в эпоху формирования самой киргизской народности.

В целом новое исследование С. М. Абрамзона заслуживает самой высокой оценки. Присутствие в нем некоторых спорных положений лишь обогащает книгу и повышает ее научную значимость, поскольку автор стремится высказать собственное мнение по самым сложным проблемам этнической, социально-экономической и культурной истории киргизов. Монография — крупный вклад в изучение этнографии тюркских народов в целом. Внимание читателей несомненно привлечет и принятая в исследовании методика, характернейшей особенностью которой является последовательное и строгое осуществление принципа историзма при изучении этнографических явлений.

Р. Г. Кузеев

За последние годы Институтом этнографии АН СССР выпущен целый ряд монографий, посвященных быту и культуре разных народов Советского Союза, в частности народов Сибири и Дальнего Востока¹.

Рецензируемая книга, посвященная корякам, пополняет эту серию и знакомит не только специалистов, но и широкий круг читателей с жизнью еще одного народа нашей родины, его прошлым и настоящим.

Монография В. В. Антроповой состоит из введения и двух частей: первая из них (3 главы) посвящена традиционной культуре и быту коряков в дореволюционный период (конец XIX—начало XX в.), а вторая (5 глав)—преобразованию их хозяйства и быта за годы Советской власти.

Во введении приведены данные о расселении, численности, языке, названии и самоназвании локальных групп коряков, а также материалы по истории изучения народа.

В результате критического использования литературы и личных наблюдений В. В. Антроповой, побывавшей у коряков в 1960, 1961 и 1964 гг., удалось написать интересную, оригинальную работу.

В первой главе первой части рассмотрены основные виды хозяйственной деятельности коряков в прошлом. Оседлые коряки занимались промыслом морского зверя, охотой, рыболовством, в то время как кочевые коряки (чапчулены и частично алуоторцы)—оленоводством, но у них оно сочеталось с пушным промыслом. Корякское оленеводство (как и чукотское) относилось к особому типу тундрного оленеводства, отличавшегося крайней примитивностью и слабой прирученностью оленя. В речном (прибрежном) рыболовстве объектом лова были главным образом лососевые. Автор рассматривает различные способы ловли рыбы, описывает орудия лова, отмечает локальную специфику в промысле у разных групп. Раздел, посвященный морскому зверобойному промыслу, содержит сведения об объектах промысла, орудиях боя и приемах добычи зверя, средствах передвижения (кайки, байдары). Приводятся материалы по охоте на пушного зверя и охоте на зверей и птиц для добычи мяса. В заключение мы находим краткие сведения по собаководству, основанному сельском хозяйстве, а также домашним промыслам.

Вторая глава, иллюстрированная многими рисунками и таблицами, посвящена традиционной материальной культуре коряков. Особо рассматриваются типы жилищ, одежда, утварь и пища различных групп коряков. У коряков-оленоводов жилищем являлась яранга, представлявшая собой каркас из жердей, крытый оленьими шкурами, дымовое отверстие находилось в центре крыши, под ним располагался очаг. У оседлых коряков преобладало жилище в виде полужемлянки со стенами из плах, венчающееся раструбом в виде воронки, который служил и дымоходом, и входом в жилище. Однако бытовала и так называемая землянка якутского типа: постройка с двускатной или плоской крышей. Наконец, у коряков, соприкасавшихся с русскими, жилищем служила бревенчатая изба. Рассмотрены различные типы корякских селений и установлена связь этих типов с особенностями хозяйственной деятельности и своеобразием экологических условий.

Немало страниц в работе отведено описанию одежды, материалов, из которых она изготовлялась, обуви и головным уборам, а также ритуальной одежде и специфике одежды различных локальных групп.

Заключают главу материалы о средствах передвижения у коряков. Зимой они ездили на оленьих нартах, лыжах, по льду рек передвигались с помощью специальных приспособлений. Весной, летом и осенью (до установления санного пути) коряки-оленоводы передвигались только пешком, а оседлые — в долбленых и кожаных лодках по рекам.

В целом следует отметить, что описание материальной культуры сделано достаточно умело, и у читателей создается наглядное представление об ее своеобразии.

В главе третьей рассматриваются черты общественного устройства раздельно оленных (кочевых) коряков и коряков оседлых. Для оленных коряков характерным общественным и производственным объединением были стойбища, состоявшие из нескольких яранг, причем наиболее типичной была такая структура, когда вокруг яранги состоятельного владельца группировалось несколько яранг малооленных хозяев. При этом в большинстве случаев хозяева всех яранг были связаны между собой узами родства или свойства. Обычно глава большой яранги распоряжался и руководил всей хозяйственной жизнью стойбища.

Несколько стойбищ объединялись в группы, владевшие общей пастбищной территорией; члены такой группы считали себя происходящими от общего родоначальника. Во главе группы стоял старейшина, осуществлявший эту функцию пожизненно. У оленных коряков различались две формы собственности: коллективная, общинная на пастбища и частная на оленей стада. В целом хозяйство носило патриархально-натуральный характер.

¹ См. Ч. М. Таксама, Нивхи, Л., 1967; Л. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966; Г. М. Василевич, Эвенки, Л., 1969; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966; Е. А. Алексеев, Кеты, Л., 1967; К. В. Вяткина, Очерки культуры и быта бурят, Л., 1969; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967, и др.

Оседлые коряки в большой степени сохранили черты первобытного коллективизма, что объяснялось низким уровнем материального производства, изолированностью, слабым контактом с представителями других народов, в частности с русскими. Коллективизм этот проявлялся как в труде, так и в распределении добычи. У морских звероловов существовали байдарные объединения, поскольку все производственные процессы требовали коллективных усилий. У некоторых групп оседлых коряков существовала также, по-видимому, общинная собственность на охотничьи угодья отдельных селений. Кроме того, оседлые коряки знали и так называемые юртовые объединения: несколько отдельных семей поселялись на зиму в одном жилище. Носили ли все эти объединения характер родственных или были построены на каком-либо другом (общинном, территориальном) принципе? Автор приводит некоторые доказательства того, что здесь мы имеем дело с родственным принципом. Нередко ядро байдарного объединения, так же как и юртового, составляли большие семьи.

Нам представляется, что объединения, как стойбищные у кочевых коряков, так и байдарные и юртовые у коряков оседлых, следует рассматривать как коллектив кровнородственных семей, выделившихся из больших патриархальных общин. О том, что большие патриархальные семьи у коряков в конце XIX — начале XX в. уже находились в стадии разложения, пишет и сама В. В. Антропова, ссылаясь на В. И. Иохельсона. К сожалению, в работе мы не находим более или менее точных данных о размерах больших семей, которые еще продолжали существовать, говорится лишь о структуре таких семей. У читателя складывается впечатление, что коряки, вероятно, переживали стадию перехода от патриархальной семейной общины к общине территориальной, соседской. Указанные объединения напоминают те, которые известны в Средней Азии и Казахстане под названием семейно-родственных или родовых групп и обычно интерпретируются как определенная модификация большой патриархальной семьи, возникающая в процессе ее распада.

Раздел о семье посвящен описанию взаимоотношений в корякской семье прошлого, положению женщины, разделению труда и т. п. Здесь же приводятся сведения о смешанных в национальном отношении браках, хотя, как правило, брак заключался в пределах своей локальной группы.

Характеризуя корякскую семью, В. В. Антропова отмечает, что индивидуальная семья сохраняла еще много черт парной семьи, однако это заявление, вызывающее известное недоумение (ведь индивидуальная семья появилась у коряков в результате разложения большой патриархальной семьи), автор никакими фактами не подтверждает (стр. 103).

У коряков в прошлом преобладали две формы брака — брак отработкой, а также левират и сорорат. Брак отработкой был наиболее распространенным, «отрабатывали» невесту даже пожилые и состоятельные люди; срок отработки был различен. По окончании отработки совершался обряд «хватания» невесты. После брака молодые переселились в жилище родителей мужа.

Одним из наиболее сложных и нерешенных вопросов был вопрос о существовании в прошлом у коряков родовой организации. В рецензируемой книге автор не касается этого вопроса совершенно. Отметим, что проблема эта остается нерешенной и в отношении этнически близких к корякам чукчей.

В 1970 г. появилась работа, посвященная общественному строю народов севера Сибири, где глава об интересующих нас народах написана Ю. Б. Симченко². Он отмечает, что еще первые русские, столкнувшись с чукчами и коряками, констатировали отсутствие у них родовых объединений, вопрос этот интересовал русские власти в связи с взиманием дани. Знаток чукотского быта В. Г. Богораз не высказал определенной точки зрения на вопрос о роде у чукчей. И. С. Вдовин постарался собрать все факты, относившиеся к социальной организации у чукчей и коряков, и обратил внимание на такие институты (у чукчей), как групповой брак (товарищество по жене), кровная месть, левират и характерная (возрастная или поколенная) система родства. И. С. Вдовин допускал, что у чукчей некогда существовал материнский род, в период развития которого они попали в северные широты и стали охотниками и оленеводами (занятие мужчин). Вместе с изменениями занятий у чукчей создавались предпосылки для становления патриархальной семьи³.

Ю. Б. Симченко пишет, что у коряков оленеводство появилось раньше, чем у чукчей, и перестройка общественных отношений, следовательно, также произошла раньше. Этим и объясняется, в частности, отсутствие у коряков обычая «товарищества по жене». Л. Я. Штернберг считал, что у коряков некогда существовала турано-ганованская система родства, реликты которой сохранились в виде сорората, обычая отработки жены и «хватания» невесты. На основании этих фактов ученый утверждал, что у коряков была родовая экзогамия, однако не первоначального, а позднейшего типа, связанная со своеобразными формами ортодоксального брака, найденного у эвенков (тунгусов)⁴.

² «Общественный строй народов Северной Сибири XVII — начала XX в.», М., 1970, стр. 313—331.

³ И. С. Вдовин, Из истории общественного строя чукчей, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 61.

⁴ С. М. Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Азии Л., 1933, стр. 151, 155, 156.

В заключение своих рассуждений о роде чукчей и коряков Ю. Б. Симченко отмечает, что все указанные признаки вряд ли могут быть достаточно веским доказательством существовавшего некогда, но исчезнувшего рода⁵. Можно думать, что В. В. Антропова, изложив свои соображения на этот вопрос в более ранней своей работе⁶, не сочла нужным касаться ее в рецензируемой книге.

Как нам представляется, все же наличие у коряков большой патриархальной семьи может служить одним из наиболее веских признаков наличия в прошлом (вероятно, в очень отдаленном) родовой организации, а обычаи отработки и «хватания» невесты могут рассматриваться в качестве пережитков, характеризовавших переход к патрилокальности.

Переходя ко второй части монографии, хотелось бы отметить, что она заслуживает самой высокой оценки. В своей краткой рецензии мы не имеем возможности остановиться подробно на приводимом автором материале. Скажем лишь, что В. В. Антропова сумела глубоко проанализировать сложные процессы развития новых общественных отношений, становления новой культуры и быта.

В главе о развитии общественных отношений удачно показано, как происходило становление социалистической собственности, принципиально отличной от прежних форм как коллективной, так и частной собственности, бытовавших у коряков в прошлом. «Байдара и традиционные орудия морского зверобойного промысла и рыболовства, — пишет автор, — постепенно утрачивали значение основных средств производства. Первоначально они перестали играть решающую роль в общественном хозяйстве. Социалистическая собственность постепенно поглощала как общинную, так и частную» (стр. 159). Автор подметил один очень существенный момент, а именно, что в практике, на местах, старые, т. е. общинные формы производственных объединений нередко ошибочно приравнивали к новым, социалистическим.

Интересно написан раздел «Этнические процессы». Автором подмечено много любопытных подробностей о ходе этих процессов как у отдельных групп, так и у всех коряков в целом.

В главах второй части монографии автор пишет также о трудностях и ошибках, которые имели место в процессе социалистического строительства в этом районе, раскрывает причины тех или других недостатков.

Работа в целом хорошо продумана, в ней даются ясные и четкие формулировки, она не загромождена излишними рассуждениями и деталями, написана хорошим в стилистическом отношении языком, читается легко и с интересом.

Н. А. Кисляков

⁵ Общественный строй народов Северной Сибири, стр. 322.

⁶ В. В. Антропова, Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXV, 1957, стр. 131.

Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, 253 стр.

Книга Б. В. Андрианова «Древние оросительные системы Приаралья» имеет подзаголовок — «в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия», который открывает ее истинное содержание. С одной стороны, это капитальная работа по конкретной теме — истории и технике орошения определенного района Средней Азии, с другой — серьезная теоретическая работа по истории и развитию орошаемого земледелия, обобщающая материал не только по Средней Азии.

Как указывает сам автор, его задачей было «в широкой зоне аридных стран» проследить «историю возникновения и развития орошаемого земледелия, что позволило выявить ряд общих и частных закономерностей в развитии ирригации в целом и определить место ирригации Приаралья» (стр. 3). И основное положение работы сформулировано автором следующим образом: «Земледелие, представляющее фундамент древних цивилизаций в странах с недостаточным количеством осадков, было всегда связано с орошением». Эту формулировку я бы расширил, указав на то, что система орошения служила не только для земледелия, но и для животноводства, причем эти два способа добычания пищи можно рассматривать в данном случае единой формой хозяйства, не говоря уже о том, что скот обеспечивал не только земледельческие работы на полях, но также и ирригационные. Животные как тяговая сила употреблялись при насыпании дамб, подъеме воды, перевозке продуктов. Да и сам автор в третьей главе приводит следующие слова из Авесты: «...воды текут по каналам, растут насаждения для прокормления стад и людей, для прокормления стран арийских» (стр. 114). В книге же общая проблема истории орошаемого земледелия ограничена земледельческим ее аспектом. Это объясняется тем, что Хорезм рассма-

тривается Б. В. Андриановым как сельскохозяйственная область Средней Азии, расположенная по соседству со степным скотоводческим миром и поддерживающая с ним тесные экономические связи (стр. 113). Но когда произошло это общественное разделение труда и в какой мере скотоводство отделилось от земледелия? На все эти вопросы еще нужно будет дать ответ.

Основному тексту книги предпослано «Введение» (стр. 5—14), где дается история изучения древней ирригации Средней Азии, что связано с практическими задачами современного ирригационного строительства, показана совместная работа инженеров-иригаторов с археологами. Подробно изложена хроника археологического изучения того района, которому посвящена рецензируемая работа.

Книга Б. В. Андрианова состоит из двух частей: I. Методы изучения древней ирригации, возникновение и развитие ирригационного земледелия (стр. 15—93) и II. Земли древнего орошения Приаралья (стр. 94—221). Начальная глава первой части (стр. 15—41) посвящена методам изучения древних ирригационных систем, в частности, картографированию каналов, древних поселений, пользовавшихся этими каналами, укреплений на конечных участках, определению хронологических границ их функционирования. Наиболее плодотворным методом фиксации каналов и древних поселений в настоящее время является аэрофотосъемка, и поэтому много места в главе уделено истории аэрометодов в археологии, начиная с первых работ, проведенных в 1906 г. (П. Шэпп в Англии). Особенно активно эти методы в археологии стали применяться в 20-х годах, а Хорезмская экспедиция начала ими широко пользоваться с 1934 г.

Автор подробно описывает дешифровку древней ирригации на аэрофотоснимках и на ряде иллюстраций (рис. 3—11) наглядно показывает результаты, полученные Хорезмской экспедицией.

Вторая глава — «Возникновение и развитие орошаемого земледелия» (стр. 42—93) занимает центральное место в книге. В ней автор обобщает большие проблемы, разрабатываемые на материале различных регионов земного шара. В главе дается краткий обзор зарубежных и отечественных археологических трудов, посвященных проблемам ирригационного земледелия, истории его развития и хронологии археологических культур аридных зон (работы Ч. Чайлда, А. Л. Перкинса, Р. Брейдвуда, В. Массона, Г. Лисицкой, материалы симпозиумов, посвященных этой теме). Следует сказать, что, как отмечает автор, для реконструкции древней природной среды и абсолютной датировки большую помощь археологам оказало применение методов естественных и точных наук (стр. 43).

Возникновение и развитие древнейших очагов земледелия, как правильно отмечает Б. В. Андрианов, зависело от природы местности и от распространения растений, пригодных для культивации. Крупнейшие ботаники, создавшие теории распространения культурных растений, использовали почти исключительно ботанические и этнографические материалы, и только в XX в. археологический материал стал широко привлекаться, став одним из основных источников.

На двух картах, приложенных к рецензируемой книге (рис. 12 и 13), соединены данные ботанических исследований (Н. И. Вавилов) и результаты широко развернувшихся археологических работ. На первой карте отмечены также центры формообразования культурных растений по Н. И. Вавилову, которые не получили археологического подтверждения.

Б. В. Андрианов оперирует громадным материалом и хорошо знает литературу по исследуемому им вопросу.

С большим вниманием относится автор к капитальным трудам по истории ирригации Р. Форбеса (1955 г.) и особенно Р. Адамса (1965 г.), крупнейшего знатока истории развития ирригации в Месопотамии.

В настоящее время на территории древневосточных государств археологи открыли много древнейших центров развитого земледелия, и каждый год приносит в этом отношении новые открытия. Южный Кавказ, например, считается древнейшим очагом земледелия; еще недавно археологам были известны сельскохозяйственные поселения, относящиеся к III тысячелетию до н. э., а за последние годы стали известны памятники IV и даже V тысячелетий до н. э. Так, начавшиеся систематические раскопки на холме Мохра-блур (Кюль-тапа) в Эмиадинском районе Армянской ССР открыли слои рубежа IV и III тысячелетий до н. э., связывающие известный ранее материал с более древним. Возможно, что и остатки ирригационных сооружений, заметных на высоком древнем русле р. Касак, относятся именно к этому периоду, периоду наиболее интенсивной жизни древнего поселения.

Зоны, где зародилось производящее хозяйство, основанное на примитивном земледелии и скотоводстве, определились еще в мезолите и неолите (стр. 45), что было связано с неравномерностью распределения растительных ресурсов по континентам. Н. И. Вавилов выделил восемь очагов происхождения и расселения культурной флоры, но в действительности их было больше. Так, юго-западноазиатский, лучше всего изученный, включает две отдельные группы крупных очагов: 1) переднеазиатский (Анатолия, Сирия, Палестина, Иран) и 2) среднеазиатский и северо-западноиндийский.

Исследуя развитие ирригации, Б. В. Андрианов рассматривает и примитивные орудия сбора урожая и обработки земли, причем он указывает, что раньше, по-видимому, возникли орудия, необходимые для сбора урожая, поскольку потребность в них появилась еще при пользовании естественно произрастающими злаками, корнеплодами

и корневищами. На рис. 14 (стр. 51) приводятся примитивные землеройные орудия из дерева и камня, встречающиеся в различных районах земного шара. Совершенно правильно замечание автора о том, что «землекопная техника гораздо древнее земледелия».

Путь, по которому прошло человечество от примитивного собирательства до культивирования растений, был очень долгим. Известный в настоящее время археологический материал Передней Азии позволяет проследить шесть основных этапов этого процесса от самого примитивного земледелия до ирригации древневосточных государств (стр. 55).

К первому этапу (поздний мезолит — XI—IX тысячелетия до н. э.) относятся слои Б, I и 2 в Шанидаре, а также культура «кебарен» в Палестине. На втором этапе возникают поселения «сборщиков урожая» (дикий пшеницы и ячменя), относящиеся к VIII—VII тысячелетиям до н. э. (Натуф в Палестине, Зави-Чеми-Шанидар в Загросе). Третий этап представлен культурами так называемого «докерамического неолита» собирателей и охотников VIII—VII тысячелетий до н. э., культивировавших растения на естественно орошаемых участках и, возможно, разводивших коз (неолит А в Иерихоне, докерамические слои Али-Кош). К четвертому этапу относятся земледельческие поселения эпохи «неолитической революции» (VII—VI тысячелетия до н. э.) подтверждающие существование оседлого земледельческого хозяйства, связанного ирригацией и скотоводством (Мухаммед Джаффар, Али-Кош, Чатал-Эйюк, VI слой). Пятый этап, относящийся к энеолиту (VI—V тысячелетие до н. э.), по мнению Б. В. Андрианова, был временем первого общественного разделения труда (Эриду Хассуна I—V, Тель-эс-Савван) и, наконец, шестой этап, конец IV тысячелетия до н. э. знаменуется зарождением городов-государств с развитым ирригационным земледелием (Эриду, Убейд, Урук, Джемдет-наср).

Мне представляется, что Б. В. Андрианов относит к слишком раннему времени отделение скотоводства от земледелия; ведь последние работы по додинастическому Египту и Шумеру показывают значительно больший удельный вес скотоводства, чем это предполагалось раньше. И в Шумере, так же как в Египте, происхождение классов было связано с прибавочным продуктом, полученным от скотоводства, а термин «князь» и «царь» связывается с термином «пастух», что находит подтверждение в мифах, легендах и образных выражениях. Ранние шумерские документы свидетельствуют о большой роли скотоводства в раннединастическом Шумере, и лишь позднее царские и храмовые хозяйства, от которых дошли до нас письменные документы, стали преимущественно земледельческими, в то время как общины занимались в основном скотоводством.

Материал, изложенный Б. В. Андриановым в тексте, сведен в специальные таблицы «Развитие ирригационного земледелия в юго-западном Иране» (стр. 58) и «Развитие ирригационного земледелия в Передней Азии в связи с развитием орудий труда» (стр. 64). Приведена также схема развития землеройных орудий, употребляемых в орошаемом земледелии (рис. 19, стр. 62).

В разделе «Ирригация и древние цивилизации» приведен громадный сравнительный материал по Египту (стр. 67—78), Месопотамии (стр. 73—81), Китаю (стр. 81—84) и Средней Азии (стр. 84—93) и сделаны интересные выводы и наблюдения. Маловероятно, что мне представляется лишь утверждение автора о связи булав, часто встречающейся в арханческом Египте, с завершением землекопалки (стр. 69). Эта мысль основана на том, что сцена открытия канала царем Скорпионом изображена на крупной каменной булавке. Но булавка является распротраненным орудием в додинастическом Египте. На булавке Нармера, по размеру превосходящей булавку Скорпиона, изображен праздник объединения Египта («сед»), а на знаменитой палетке Нармера царь такой булавой убивает пленного врага. Кроме того, булавка вошла в иероглифическое письмо и ее военное назначение не вызывает сомнения.

В заключении второй главы выделяются семь наиболее древних географических обособленных и хронологически разновременных ареалов орошаемого земледелия (стр. 93). Указывается, что способы орошения в них зависели от местных условий, в каждом из них существовали свои разновременные и локальные очаги, но было бы ошибкой считать, что вопросы domestikации растений и принципы ирригации развивались в изоляции. Эта важная историко-культурная проблема требует еще дополнительных исследований.

Часть вторая книги «Земли древнего орошения Приаралья», как было указано выше, представляет собою обобщение результатов исследований Хорезмской экспедиции, работавшей под руководством С. П. Толстова. Она состоит из трех глав, посвященных отдельным районам. Третья глава «Южная акчадаринская дельта» рассматривает вопросы возникновения древнехорезмского государства и развития ирригации (стр. 113). Для реконструкции общественных отношений привлекается Авеста, которая, по мнению С. П. Толстова, обрисовывает общество оседлых скотоводов и земледельцев, где «вокруг скота вращаются все имущественные интересы». Культурные связи Хорезма с оазисами Маргианы и Бактрии способствовали быстрому прогрессу хорезмской ирригации. В главе подробно рассмотрены оросительные сооружения эпохи античности (стр. 116) и средневековья (стр. 137).

В четвертой главе, посвященной сарыкамышской дельте, материал также приводится по этим двум эпохам, но уже с привлечением сооружений нового времени.

Более дробная классификация ирригационных сооружений дана в пятой главе «Нижняя Сырдарья», где рассматриваются три периода античности, период средневековья и оросительные сооружения каракалпаков и казахов (XVII — начало XIX в.).

В заключение (стр. 222—223) приводятся интересные обобщающие схемы, например, табл. 9 «Некоторые данные о развитии техники ирригации в низовьях Амур-дарьи», «Развитие ирригационной техники в дельтовых областях, на примере Хорезма» (рис. 65, стр. 225). Особенно интересна табл. 10, где рассмотрены три основных вида развития ирригационных систем: 1) на горных речках и ручьях (юго-западная Азия, Перу), 2) в дельтах и долинах крупных рек (Южная Месопотамия, Египет, низовья Амударьи и Сырдарьи) и 3) на подземных водах.

Книга заканчивается указанием на то большое значение, которое имеют археологические исследования для ирригационного строительства в наши дни. Прав был В. В. Бартольд, отрицавший распространенное ранее мнение о бесперспективности попыток освоения иссушенных зноем туркестанских земель, будто бы обреченных на неминуемую гибель.

Б. В. Андрианов написал хорошую и нужную книгу, где глубокая разработка теоретических вопросов сочетается с продуманным обобщением большого материала, собранного археологическими работами экспедиции, создавшей методику полевого исследования древних оросительных систем. Книга не только историческая, она нужна строителям ирригационных сооружений и сегодня.

Б. Б. Пиотровский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этногенезис и культурно наследство на болгарския народ. Сборник. София, 1971 г.

Рецензируемая книга является сборником докладов, прочитанных на конференции, которая состоялась в Софии в 1968 г. и была посвящена проблеме, указанной в заголовке. В конференции, созданной по инициативе Этнографического института Болгарской Академии наук, приняли участие, кроме этнографов и фольклористов, болгарские специалисты, занимающиеся смежными науками: языковеды, историки, археологи. Основной целью научного собрания в Софии было подвести итоги отечественных исследований в области этногенеза и этнической истории болгар и наметить пути для дальнейшей работы.

Этническое развитие болгар было рассмотрено в широких хронологических рамках, от его истоков и предыстории (период античности и варварских нашествий начала I тысячелетия) до формирования болгарской нации и судеб современной национальной культуры. Такая постановка вопроса представляется правомерной, так как этнические процессы продолжают развиваться в новое и новейшее время весьма интенсивно.

Содержание докладов можно свести к нескольким основным проблемам. Первая — изучение этнических компонентов, давших начало болгарской народности.

Весьма существенное внимание в этой связи в сборнике уделено фракийскому этнокультурному компоненту. Фракийцы рассматриваются как основной субстрат, влившийся в славянскую массу при возникновении болгарского народа. Поэтому в докладах ставились проблемы этногенеза фракийцев, локализации фракийских племен, связи их культуры с древними культурами Балканского полуострова. Эти вопросы, поднятые еще в XIX в., являются до сих пор дискуссионными. Одни ученые считают фракийцев пришлым народом, сравнительно поздно (начало II тысячелетия до н. э.) появившимся на Балканском полуострове из северных областей (В. Томашек, П. Кречмер Эд. Мейер, Г. Кацаров, Д. Дечев, авторы книги «История Румынии», 1961 г.). Другие же исследователи обращают внимание на те элементы в культуре и языке фракийцев, которые указывают на их связь с более древним населением Балканского полуострова, т. е. подчеркивают значение автохтонного развития, преемственности культур древних обитателей северо-востока Балканского полуострова. Именно эта вторая точка зрения представлена в рецензируемом сборнике статей акад. В. Георгиева («Генезисът на балканските народи»). Исходя из лингвистических (главным образом топонимических) данных, он полагает, что присутствие фракийцев на Балканах может быть зафиксировано уже с мезолита или начала неолита. Область расселения фракийских племен охватывала, по мнению В. Георгиева, земли между Балканскими горами на севере, Эгейским и Мраморным морями на юге, Черным морем на востоке и р. Струмой на западе. Между фракийцами, жившими к югу от

Балканского хребта, с одной стороны, мезами и даками — с другой, нет языковой (и следовательно, по его мнению, этнической) близости, что нашло, как он полагает, отражение в античной литературной традиции и топонимике (названия поселений на -дава в Дакии и Мезии, на -бриа, -диза, -пара в землях к югу от северных отрогов Балканских гор и несколько западнее р. Струмы, стр. 12—14).

Стремление подчеркнуть автохтонные черты в развитии основного населения северо-востока Балканских областей, отход от теории, утверждавшей, что в начале II тысячелетия население этого района полностью сменилось, представляется нам плодотворным. Лингвистические исследования, в том числе и В. Георгиева, приближают нас к позитивному решению этой проблемы. Как представляется, сейчас требуется координация между данными археологов, прослеживающих истоки фракийской культуры, возможно с энеолитического времени или безусловно с эпохи бронзы, и выводами лингвистов (в частности, В. Георгиева), относящих первые данные о фракийском языке к значительно более ранним (мезолит или начало неолита) эпохам. Несмотря на то, что данные археологии не всегда бесспорны для этногенетических построений, все же нельзя не считать с тем, что культурные изменения на Балканах при переходе от культур камня к бронзовому веку (на грани IV и III тысячелетий до н. э.) весьма существенны. По мнению Н. Я. Мерперта, результаты многолетних исследований советско-болгарской археологической экспедиции подтверждают мнение о бесспорной преемственности в развитии материальной культуры только с III тысячелетия до н. э. (это доказывалось материалами таких памятников, как Езеро, Новозагорское поселение, Юнаците, Раскопаница, Пшеничево и др.). С этого времени происходит последовательное развитие генетически связанных культур; в них можно найти корни тех явлений в материальной культуре, которые в развитом виде представлены у фракийцев¹.

При решении вопроса о границах Фракии, по нашему мнению, следует иметь в виду подвижность представлений древних историков и географов. Если у Гомера и Гакатея в понятие Фракии входят лишь земли от Эгейского моря до Гема (современных Балканских гор), то в более поздней литературной традиции это представление меняется. Хорошо осведомленный, бывший во Фракии Геродот причисляет к ней также земли к северу от Балканских гор и называет фракийскими жившие здесь племена гетов и кробидзов (IV, 43; IV, 49; V, 3); эти территории называет фракийскими и более поздняя античная традиция (Skymn., 751; Ptolem., III, 10, 9; Athen., XII, 536-d; Anon. Periopl. Pont. Eux., p. 13 и др.). Если принять во внимание сведения античных авторов, то требуется более осторожное суждение о северных границах Фракии, чем то, которое высказано на стр. 12 сборника.

В нескольких других статьях прослеживается воздействие фракийского этнического пласта на язык, материальную и духовную культуру болгар.

Языковедов давно ставило в тупик то обстоятельство, что свидетельства литературных источников о сохранении фракийского языка вплоть до VI в. (до массового переселения славян на Балканский полуостров) не подтверждаются в достаточной степени ни словарным фондом, ни морфолого-синтаксическими, фонетическими особенностями болгарского языка. Кирилл Влахов («Следы от трако-славянских языков врезки преди новата ера») делает попытку объяснить это явление сходством славянских и фракийских (главным образом дако-мезийского) языков как индоевропейских, принадлежащих к одной и той же группе «сатем». Исследование более чем 300 фракийских имен и их сравнение со славянскими приводит автора к заключению о сходстве семантико-словообразовательных типов определенных групп личных имен в этих двух языках. Это явление К. Влахов объясняет двояким образом: или рано (еще до VI в.) начавшимся продвижением славянских племен в дако-мезийскую среду, или же большой близостью и сходством дако-мезийского и славянского языков. И в том и другом случае слияние фракийского языка с языком пришедших во Фракию славян, ассимиляция аборигенов становятся, как полагает автор, легко объяснимыми.

Та же идея о сходстве (или даже совпадении) фракийских и славянских компонентов прослеживается и в статье Марии Велевой («Народните номии като свидетелство за културно-битовата общност и историко-културните области по българските земи»). Она отмечает, что в настоящее время можно найти лишь отдельные и весьма незначительные фракийские элементы в одежде современных болгар. Это обстоятельство автор объясняет сходством фракийского и болгарского костюма, существовавшим благодаря совпадению уровня развития славян и фракийцев к моменту контакта их племенных культур (стр. 78).

Иначе подходят к проблеме этногенеза болгар другие авторы рецензируемого сборника. Они указывают на слияние двух различных этнических компонентов в этом процессе — фракийского и славянского.

Фракийские традиции в болгарском животноводстве прослеживает Васил Маринов. Так, по его мнению, славяне восприняли от фракийцев отгонное животноводство, а также некоторые способы переработки молочных продуктов. Однако в отличие от М. Велевой, В. Маринов объясняет это не стадийным совпадением в уровне развития, а заимствованием, контактами славян с тем населением, которое они застали на Балканах.

¹ Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных, Болгаро-советская экспедиция, «Археологические открытия 1971 г.», Москва, 1972.

Примерно такое же отношение к фракийскому и вообще античному наследию характерно и для Любомира Дукова («Характер на културно-историческото наследство от железни части на земеделски орѣдия в българските земи»), который очень четко сформулировал мысль о том, что славяне полностью восприняли железный земледельческий инструментарий античного (главным образом римского) времени, который затем был ими усовершенствован.

Эту линию проводит и Петр Петров («Кукери — един български обичай от античен произход»), взявший в основу исследования один из наиболее популярных календарных обрядов — кукерские игры у болгар. Он указывает на сочетание в этом обряде древнефракийских и славянских элементов, что позволяет сделать вывод о тесном общении и смешении пришлых славян с местным фракийским населением.

Небольшой объем сборника не дал возможности сторонникам той или иной теории развернуть свою аргументацию. Это приводит к возникновению у читателя ряда вопросов. Сомнение, например, вызывает тезис о сходстве и совпадении фракийских и славянских языка и культуры. Все виды материальной культуры у этих народов (керамика, украшения, типы жилища и многое другое) резко отличаются друг от друга. Возникает также вопрос о том, как (если принимать во внимание теорию идентичности фракийских и славянских языков) объяснить отсутствие, во владском и аромунонском языках существенных славянских языковых элементов, если (как это обычно принято) считать владхов и аромунов потомками аборигенного фракийского или иллирийского населения. Эти же сомнения можно высказать и в связи с тем, что албанский язык (который, по общепринятому мнению, является реликтом фракийского и иллирийского языков) не относится к группе славянских, отличен от них.

Нельзя согласиться и с тем, что сходство культур славянских и фракийских племен объясняется одинаковым уровнем (стадией) их развития. Против этого говорит тот факт, что ко времени массового появления славянских племен на Балканах у фракийцев уже много лет существовала государственность, чем они резко отличались от славян. Но если бы уровень социально-экономического развития этих народов и был одинаковым, это отнюдь не являлось бы подтверждением идентичности (или даже сходства) в этнокультурном облике фракийцев и славян.

Высказанные соображения заставляют нас считать вторую точку зрения более верной: контакты славян с фракийцами наложили свой отпечаток на формирующуюся культуру и язык болгар, что прослеживается в отдельных ее элементах. Сохранение фракийского субстрата к моменту прихода славян и его огромная роль в формировании болгар благодаря работам антропологов (как болгарских, так и советских) бесспорно доказана. Однако, видимо, сохранение антропологического типа и культурного облика не всегда совпадающие явления. Взаимодействие культур местных племен с пришлым населением идет своими путями, которые должны исследоваться в каждом конкретном случае. Взаимодействие культур местного населения с пришлым, формирование новых этнических образований, возникающих в результате этих взаимодействий, их этнокультурный облик — труднейшие и интереснейшие проблемы². Их постановка в рецензируемом сборнике составляет большую заслугу болгарских ученых.

В содержательных статьях Г. Михайлова, Б. Герова, Т. Герасимова и В. Тыпковой-Зановой прослеживаются пути и степень влияния на фракийское население греческого, римского, кельтского и более поздних «варварских» языков и культур.

Болгарские языковеды привлекают новый материал для освещения неоднократно дискутировавшегося вопроса о путях славянской колонизации на Балканах. Владимир Георгиев и Йордан Заимов на основе данных ономастики и топонимики выдвинули гипотезу о движении основных масс славян через нынешние Западную Болгарию и Македонию, откуда они распространились к востоку, западу и югу. И. Заимов («Найстарите заселища на българските славяни в балканските земи») прилагает карту расселения «болгарских славян» (тех, которые вошли позднее в состав болгарской народности), на которой отмечено место переправы их через Дунай около г. Видина. В. Георгиев в цитированной выше статье несколько осторожнее формулирует ту же гипотезу, возникшую у него после картографирования данных топонимики (в особенности гидронимики, которая наиболее консервативна). Он допускает проникновение славян через Дунай и в других районах, но основным их путем считает западный, обосновывая его некоторыми историческими причинами. Эта гипотеза подтверждается и свидетельствами Прокопия.

Факт наибольшей концентрации славянских топонимов в западной части болгарских земель чрезвычайно интересен. Но проблема еще не решена до конца, и новая гипотеза рождает новые вопросы и ставит новые задачи, которые более успешно могут быть разрешены комплексными исследованиями. Думается, что продолжение поисков фактов у древних авторов, по мнению акад. В. Георгиева, не до конца использованных, и в особенности расширение археологических исследований, могли бы придать гипотезе большую убедительность.

Преимущественно славянские корни находят в ряде бытовых явлений этнографии. К этому пришла в результате многолетних исследований болгарской одежды М. Велева. Многие варианты признаки она объясняет культурными различиями древних

² В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

славянских культур, убедительно подтверждая это аналогиями с украинской и южно-великорусской одеждой. Некоторые особенности она считает по происхождению праболгарскими, другие — фракийскими. Фракийский культурный пласт в одежде прослеживается слабо (об ее интерпретации этого явления мы говорили выше).

Славянская основа вырисовывается и в ритуале болгарской народной свадьбы, описанной в статье Иванички Георгиевой «Этнографско единство на сватбата у българите», и в погребальных обычаях, отличающихся, как известно, особенной консервативностью (статья Стояна Генчева, «Этнографско единство и регионални различия в обичаите при погребението у българите»). Различия в ритуалах авторы также склонны отнести за счет разного количественного соотношения этнических компонентов, вошедших в состав данной локальной группы, т. е. опять-таки объясняют древними традициями. В подтверждение этого ученые пользуются сравнительным материалом по восточным славянам (И. Георгиева) или же привлекают данные диалектологии (С. Генчев).

Следам культуры третьего компонента болгарской народности — праболгарам — в традиционном быту и языке посвящена статья Ивана Коева «Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура». По его мнению, локальная этнографическая группа болгар «капанци», живущая в Разградском округе северо-восточной Болгарии, — потомки ославянившихся праболгар. Поразительное сходство вышивки, форм и терминологии некоторой части свадебного реквизита, элементов одежды «капанцев» и чувашей дали основание для такого заключения. Ту же гипотезу поддерживают советские исследователи культуры народов Поволжья (П. В. Денисов, Н. И. Гаген-Торн). И. Коев находит ей подтверждение и в некоторых археологических параллелях. Он добавляет к этому ряд свидетельств о праболгарских пережитках в народной культуре других частей страны, а также наличие 49 древнетюркских терминов в болгарском языке.

Ряд докладов объединяет проблема общности болгарской народной культуры и отражения в ней процесса консолидации болгарской народности, а позднее и нации.

В общетеоретическом плане ставит проблему образования болгарской народности проф. Христо Гандев («Условия за образуване на българската народност»). Среди условий, которые, по его мнению, определили и подготовили формирование болгарской народности в VII—IX вв., он выделяет: 1) этнографическую структуру у трех ее этнических компонентов — славян, фракийцев и праболгар; 2) роль военно-политических союзов; 3) наличие позднеантичного и ранневизантийского культурного наследия; 4) фактор единой военной, политической и административной власти в рамках Первой болгарской державы; 5) утверждение староболгарского языка одновременно как государственного, литературного и церковного; 6) роль христианизации фракийцев, славян и праболгар. Многие из моментов, выделенных Хр. Гандевым как узловые при создании болгарской народности, должны быть учтены и при изучении аналогичных процессов у других народов.

К сожалению, период расцвета болгарского феодализма и византийского владычества ускользает пока от внимания исследователей этнической истории, хотя начало этому было положено ранее работами Кр. Миятева, В. Тыпковой-Заимовой и др. Основная трудность, по-видимому, в отсутствии достаточного количества источников.

Работой, заполняющей в сборнике пробел между ранним средневековьем и новым временем, является статья Николая Тодорова о демографических процессах в период турецкого ига, сюда же можно отнести некоторые аспекты фольклорных исследований.

Н. Тодоров проследил влияние одного из социальных факторов — вероисповедания — на этническую историю народа и на основе данных демографических исследований показал, как смена религии (принятие ислама) вызывала переход людей в другую социальную, а затем и этническую общность. При этом более радикальной в этом отношении была исламизация отдельных лиц и семей, а не крупных групп, так как последние внутри себя сохраняли старые традиции и славянский язык (например, в Родопях). Это причина относительного уменьшения болгарского и увеличения турецкого населения на протяжении веков.

О тесном общении южных славян в средневековые свидетельствают результаты изучения Стефаной Стойковой старинных эпических песен, сохранившихся в Далматинской Хорватии под названием «бугарштицы». Обнаруженные аналогии в Восточной Болгарии позволили сделать вывод о болгарском происхождении «бугарштии» (о чем говорит и сам термин) и о широком их распространении среди южных славян. Позднее они были вытеснены другими жанрами юнацкого эпоса и сохранились лишь в некоторых периферийных районах.

Болгарские ученые приступают к изучению этнических процессов на последних этапах истории народа, исследуя пока еще отдельные их проявления. Ганка Михайлова поделилась результатами своих наблюдений над городской одеждой эпохи Болгарского Возрождения, рассматривая ее в аспекте формирования национальной культуры. Городской костюм намного однотипнее крестьянского, в нем почти стерлись локальные этнографические различия. Автор верно отмечает народный характер национальной культуры того периода. Позднее, в буржуазной Болгарии, она расслаивается. Аналогичные мысли находим и у М. Велевой.

Характерным моментом в этнических процессах нового и новейшего времени является взаимодействие народной и профессиональной культуры. В связи с тем, что послед-

няя несет в себе и интернациональные черты, встает вопрос о национальной специфике, который занимает многих специалистов. Он рассматривается в достаточно широких хронологических рамках.

Представляется правильным путь системно-структурного подхода к проблеме: национальная специфика, по мысли ряда авторов (С. Генчев, И. Георгиева, Т. Живков и др.), создается из определенного набора и способа сочетания компонентов того или иного культурно-бытового явления; плодотворно изучение их комплекса, а не генезиса отдельных элементов. К сожалению, этот метод не был конкретно развернут из-за малого объема статей и будет применен лишь в дальнейших исследованиях.

В других докладах национальная специфика вырисовывается на основе сравнительного метода или путем сопоставления предмета или сюжета с породившей их бытовой средой. В таком плане рассматривают отдельные фольклорные жанры Делчо Тодоров, Цветана Романская, Антонина Афанасьева-Колева, Лиляна Богданова. Метод этот отнюдь не исчерпал себя и дает интересные результаты.

Для современного этапа актуальна проблема отбора ценного в культурном наследии. Анализируя партизанские песни и характеризуя их как особый жанр коллективного народного творчества, Тодор Ив. Живков приходит к заключению о наличии в них таких элементов (в поэтике, сюжете и пр.), которые можно рассматривать как часть мировой прогрессивной культуры («Национални и интернационални елементи в българската партизанска песен»). Борис Тумангелов правильно, с нашей точки зрения, отделяет фольклорные произведения, исполняемые на эстрадах во время «Соборов народного творчества», от истинного фольклора, живущего в быту («Художествената самодейност и опазването на народната култура»).

Первые, сохранив лишь эстетическую функцию (мы бы добавили, и этическую, что немаловажно), составляют часть современной национальной болгарской культуры. Сейчас в Болгарии придается большое значение сохранению и распространению народных традиций, очищенных от религиозных элементов. Б. Тумангелов считает эффективным средством передачи традиции обучение подрастающего поколения в коллективах художественной самодетельности. Очевидно, для характеристики современных этнических процессов интересно было бы проследить, как произведения народного творчества отдельных локальных районов, распространяясь по каналам различных современных средств коммуникации, становятся достоянием общенациональной культуры.

Анастас Примовский подчеркивает большой этический заряд, который несет в себе народное обычное право, считая его ценным культурным наследием («Някои черти из обичайното право на родопските българи»). Этот культурный аспект, несомненно, очень важен, но, к сожалению, в нашей литературе на него обращается мало внимания.

Можно приветствовать постановку многих сложных проблем в сборнике. Им, безусловно, будет положено начало серии новых исследований по этнической истории балканских народов.

Т. Д. Златковская, Л. В. Маркова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Э. Л. Нитобург. Черные гетто Америки. М., 1971, 160 стр.

В США с невиданной остротой разворачивается борьба негритянского народа за равноправие. Она приняла такие грандиозные размеры, что приковала к себе пристальное внимание самой широкой мировой общественности. На протяжении нескольких лет движение негров и их союзников буквально потрясает империалистическую Америку.

Буржуазные идеологи, стремясь скрыть подлинные причины резкого обострения этой борьбы, пытаются охарактеризовать ее как проявление чисто «расового кризиса». Однако такое объяснение, вполне устраивающее американских монополистов и направленное на то, чтобы ввести в заблуждение народные массы своей страны и мировую общественность, не выдерживает научной критики.

Но если это лишь «расовый конфликт», то почему в негритянском движении принимает активное участие весьма значительное число белого населения США, почему оно выступает на стороне негров?

В книге Э. Л. Нитобурга дан глубокий анализ этого сложного и важного вопроса. Автор подробно рассказывает о том, как возникли и что представляют собой современные «Черные гетто» Америки. Он разоблачает чудовищную эксплуатацию, расовую дискриминацию и сегрегацию, которым подвергается негритянский народ в США. В книге обстоятельно показаны причины, характер, формы и методы борьбы негритянского народа и его союзников за равноправие. Большое внимание в ней уде-

ляется анализу позиции демократических сил Америки в негритянском вопросе. Э. Л. Нитобург раскрывает ту огромную повседневную и последовательную борьбу, которую ведут американские коммунисты за решение негритянской проблемы в США.

Книга написана на основе многочисленных документальных материалов и широкого круга литературы как на русском, так и на английском языках. Строгая документальность и убедительность аргументации — одно из несомненных достоинств рецензируемой работы. Другим ее достоинством является то, что она читается легко, с большим интересом.

Необходимо отметить, что в книге Э. Л. Нитобурга отражены те новые качественные изменения, которые происходили в США в последние годы и происходят сейчас. Так, например, в современных условиях в сознании миллионов американцев (как белых, так и черных) происходят глубокие сдвиги, в том числе и в представлениях о своем положении в обществе. В процессе сравнения жизни народов социалистических и капиталистических стран у них возникают новые критерии, с помощью которых оценивается роль и место человека в капиталистическом государстве. Эти оценки не ограничиваются поверхностными сопоставлениями. Миллионы людей учитывают теперь не только те или иные показатели промышленного роста или цены на товары. «Сейчас, — как подчеркивал на XXIV съезде КПСС Гэс Холл, — на чашу весов брошена вся качественная сторона жизни. Уровень материального достатка при этом играет очень важную роль, но масштабы измерения стали сейчас гораздо шире. Они включают весь спектр человеческих ценностей, их сравнительную значимость, которая определяется внутренними законами каждой системы. Они включают концепции морали, культуры и философии, присущие этим системам. Многие из этих новых компонентов не измеришь никакими цифровыми показателями»¹. Эти новые критерии имеют исключительно важное значение для правильной оценки положения негритянского народа в США и его борьбы за равноправие.

Согласно переписи 1970 г., население США насчитывает 204 766 тыс. человек. К настоящему времени оно, по-видимому, приближается к 210 млн. Из них 23 млн. чел. — это негры, составляющие свыше 11% всего населения страны. Более 90% самостоятельного негритянского населения принадлежит к рабочему классу. Остальные — фермеры, представители так называемых свободных профессий, мелкие предприниматели и капиталисты. В сельском хозяйстве США занято 4,2% всех работающих негров. Владельцев ферм среди них не более 1%, а остальные — сельскохозяйственные рабочие. Негритянская городская буржуазия и верхушка сравнительно обеспеченных работающих по найму негров составляет около 3%. Число крупных капиталистов среди них невелико — всего несколько тысяч (стр. 10).

Таким образом, основная масса негров — это рабочие. Поэтому, как подчеркинуто в Новой программе Коммунистической партии США, они подвергаются тройному угнетению — на расовой основе, как рабочие и как народ. Э. Л. Нитобург обстоятельно раскрывает этот глубокий вывод американских коммунистов. Он подчеркивает, что хотя расовой дискриминации подвергаются в США все слои негритянского населения, в том числе и буржуазия, больше всего страдает от нее пролетариат (стр. 12). В книге убедительно доказано, что негритянская проблема в США носит социально-классовый характер.

Нельзя не согласиться с выводом автора, что классовая сущность негритянской проблемы, героической освободительной борьбы негров, потрясавшей ныне империалистическую Америку, особенно наглядно выступает при анализе экономического и социального положения американских негров (стр. 12—13).

Автор на большом фактическом материале показал, что даже за равноценную с белыми работу негры получают в полтора-два раза меньшую плату. Причем характерно, что дискриминационный разрыв в оплате труда тем значительнее, чем выше квалификация негритянского рабочего, инженера или служащего. Весьма характерно для США и то обстоятельство, что разрыв между средним уровнем жизни белых и черных американцев непрерывно увеличивается.

«Разница в оплате труда, — делает вывод Э. Л. Нитобург, — применяется монополиями как одна из форм раскола рабочего класса по расовому признаку и подкупа определенных групп белых рабочих. Но в то же время она бьет по интересам основной массы белых трудящихся. Монополистический капитал использует дискриминацию негритянских трудящихся в оплате труда для понижения заработной платы белым рабочим. Только на Юге Соединенных Штатов монополии получают таким путем около 15 млрд. долларов дополнительных прибылей в год» (стр. 18).

Подлинным бичом для американских трудящихся является безработица. Больше всего страдают от нее негритянские трудящиеся. В последнее десятилетие уровень безработицы среди негров, даже по официальным данным, был вдвое выше, чем среди белых американцев. В 1970 г. он составлял среди белых 4,5, а среди негров — 9%.

В книге дан обстоятельный анализ расовой дискриминации и сегрегации черного населения в жилищном вопросе. На большом документальном материале автор показал, как и с какой целью американская буржуазия загнала негров в гетто — специально отведенные для них кварталы.

¹ «Правда», 4 апреля 1971 г.

Э. Л. Нитобург приводит в книге волнующие рассказы обитателей «черных гетто», а также очевидцев, побывавших в них. Запущенные, неремонтированные десятилетиями дома, антисанитария, невероятная скученность населения, безработица, неграмотность — вот далеко неполная характеристика жизни в негритянских кварталах. Да ко всему этому непомерно высокая квартирная плата. На примере США автор ярко раскрывает ленинское положение о том, что жилищный фонд в капиталистических странах является одним из средств эксплуатации трудящихся. Американские домовладельцы гораздо больше наживаются на трущобах, населенных неграми, чем на квартирах представителей белых «средних слоев».

Однако подлинным хозяином «черных гетто» является «большой бизнес». Он и определяет жилищную политику федерального правительства, направленную на увековечивание расовой дискриминации. Гарлем, например, представляет собой собственность крупнейших страховых компаний. Значительная часть Гарлема принадлежит ипотечным корпорациям и банкам, занимающимся операциями с недвижимым имуществом. И чем острее жилищная проблема, тем выше их доходы. Поэтому они делают все возможное для сохранения негритянских гетто.

«Черные гетто,— делает вывод автор,— являются продуктом расовой политики, навязываемой монополиями. Но гетто выполняют еще и другую — не менее важную с точки зрения социальной стратегии правящей верхушки США роль. Банки и корпорации, заинтересованные в сохранении расовой дискриминации, приносящей им десятки миллиардов долларов дополнительных прибылей, используют разницу в оплате труда белых и негров для раскола американского рабочего класса. Создание жилых районов только для белых и гетто для негров призвано еще более углубить этот раскол, выгодный монополиям» (стр. 41).

Большое место в рецензируемой книге отводится борьбе негритянского народа за равноправие. Э. Л. Нитобург раскрывает ее социально-классовый характер, глубоко анализирует причины невиданного по своему размаху подъема негритянского движения, начавшегося во второй половине 50-х годов. Он показывает, что этот подъем вызван целым рядом как внутриполитических, так и внешних факторов.

Одним из важнейших внутренних факторов, обусловивших рост самосознания американских негров, укрепивших их решимость бороться за равноправие, является структурное изменение социально-классового состава негритянского населения, его пролетаризация. Этот процесс был вызван как промышленным развитием Юга США, так и массовым переселением негров на Север.

Значительное влияние на подъем негритянского движения оказало усиление расовой дискриминации, разгул антинегритянского террора и бездействие властей в отношении террористических организаций.

Существенное влияние на подъем негритянского движения оказали и внешнеполитические факторы. Решение национального вопроса в СССР, военно-политический и моральный крах фашизма с его человеконенавистнической идеологией расизма и шовинизма, возникновение мирового социалистического содружества, распад колониальной системы и образование суверенных государств в Азии и Африке, решение негритянской проблемы на Кубе нанесли сильнейший удар по мифу о превосходстве одних рас над другими. Говоря о значении для негритянского народа США опыта решения национального вопроса в СССР, автор цитирует слова американского социолога-негра Э. Ф. Фрэнзера, который писал: «Отсутствие расовых предрассудков и дискриминации в России имеет огромное влияние на американских негров» (стр. 75).

В книге подробно рассказывается о формах и методах массовой борьбы негритянского народа в США: пикетированиях, сидячих демонстрациях, маршах свободы, вооруженных выступлениях.

Одна из особенностей освободительного движения негров заключается в том, что в ходе многовековой борьбы в США возникло множество различных негритянских организаций. В книге анализируется деятельность наиболее крупных и активных организаций, играющих существенную роль в борьбе негров за равноправие.

Необходимо, однако, отметить, что в момент публикации книги произошли существенные изменения в негритянской партии «Черные пантеры». В 1971 г. она официально раскололась на две группировки. Одну возглавил Хью Ньютон. Его так называемая программа сводится к тому, что в настоящее время нужно «обеспечить неграм возможность выжить» путем создания своей собственной экономической базы, т. е. «черного капитализма». А чтобы сохранить репутацию «революционера», он выдвинул лозунг: «Подождем, пока народ не будет готов встать за винтовку!». Во главе другой группировки оказался Элдридж Кливвер, стоящий на авантюристических маиеистских позициях. Он сторонник «мгновенной» революции, сторонник немедленной организации «партизанской войны в городах».

Давая глубокий анализ этим событиям, национальный председатель Коммунистической партии США Генри Уинстон писал: «Как «программа выживания» в стиле Ньютона, так и «программа выживания» в стиле Кливвера объективно сводятся к одному: к измене народной борьбе»².

В Новой программе Коммунистической партии США подчеркивается необходимость единства борьбы негров и всего рабочего класса США. В книге приводятся многочис-

² Генри Уинстон. Кризис партии «Черные пантеры», «Проблемы мира и социализма», 1971, № 12, стр. 55, 58.

ленные документальные данные о той работе, которую ведут американские коммунисты и прогрессивные силы страны для достижения этой цели.

Создание прочного боевого союза негритянского движения с рабочим приобретает в современных условиях особое значение, так как именно на рабочий класс Америки ложится историческая ответственность за судьбы негритянского движения (стр. 158).

Силы реакции жестоко расправляются с борцами за гражданские права: сажают в тюрьмы, избивают, организуют террористические акты. Автор подробно рассказывает, например, о злодейском убийстве выдающегося борца за гражданские права негров Мартина Лютера Кинга, о судебном преследовании мужественной негритянки-коммунистки Анжели Дэвис и многих других случаях убийств и расправ над неграми и их союзниками. Однако демократические силы страны дают решительный отпор реакции и нет сомнения в том, что они выйдут победителями в этой борьбе.

В заключение необходимо отметить, что книга рассчитана на широкий круг читателей. Она, несомненно, окажет большую помощь всем, кто интересуется историей негритянского народа США.

А. Н. Кузьмин

НАРОДЫ АФРИКИ

А. К. Булатович. С войсками Менелика II. Под редакцией, с предисловием и примечаниями И. С. Кацнельсона. М., 1971, 351 стр.

Книга «С войсками Менелика II» представляет собой перепечатку с незначительными сокращениями всех трех опубликованных ранее работ А. К. Булатовича: «От Энтото до реки Баро», «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа» и «С войсками Менелика II».

Большой интерес представляет уже сама личность автора. Александр Ксаверьевич Булатович — гвардейский офицер, отважный путешественник, — несколько раз пересекавший всю Эфиопию верхом. Он изумлял эфиопов стремительностью переходов через Данакильские пустыни и был первым европейцем, побывавшим в неизвестной дотоле Каффе. Император Эфиопии Менелик II наградил Булатовича золотым оружием за храбрость. Этот отважный путешественник и гусар-рубака вдруг принял постриг под именем отца Анатолия, удалился в монастырь на Афон. Монастырское житье отца Анатолия кончилось, впрочем, вполне чо-гусарски — грандиозным побоищем между монахами и русским дипломатическим ковоем, специально присланным из Константинополя на Афон, чтобы утихомирить взбунтовавшихся монахов во главе с отцом Анатолием. Нет нужды, однако, перечислять все события бурной жизни А. К. Булатовича; мы надеемся, что читатели скоро познакомятся с его биографией, подготовленной И. С. Кацнельсоном.

В Эфиопии А. К. Булатович нередко был не только свидетелем, но и участником описываемых им событий. Он путешествовал по Эфиопии с небольшими перерывами в течение последнего пятилетия XIX в. — пятилетия, которое было важным этапом в истории страны. Накануне приезда Булатовича в 1896 г. эфиопы нанесли сокрушительное поражение итальянским войскам в битве при Адуа. Эфиопия вышла на мировую арену как самостоятельное государство, способное отстоять свою независимость. Император Менелик II, стремясь оградить государство и от колониалистских покушений Англии и Франции, предпринял ряд походов и расширил территорию страны до современных ее границ. А. К. Булатович участвовал в этих походах как наблюдатель, что дало ему возможность побывать в совершенно необследованных районах Африки.

Выучив разговорный амхарский язык, А. К. Булатович терпеливо собирал сведения исторического, этнографического и географического характера, постоянно вел путевые записи и составлял карту тех местностей, где проходил его отряд. Путешественника интересовало все: история эфиопского государства и вошедших в его состав ранее самостоятельных княжеств, этнический состав страны, структура армии и управления, внутренняя и внешняя политика Менелика II, чьим доверием он пользовался. А. К. Булатович был одним из немногих европейцев, кто наблюдал проведение в жизнь реформ Менелика II, участвовал в походах эфиопской армии, сам столкнулся с проблемами управления, узнал нужды народа. Наблюдения А. К. Булатовича вошли в его путевые дневники, где можно найти также и характерные бытовые подробности, и описания зачастую весьма опасных приключений, выпадавших на его долю. Ценность его работ для изучения истории Эфиопии эпохи Менелика II как раз и заключается в том, что они являются результатом наблюдений очевидца многих важных событий того времени.

Издание книг А. К. Булатовича, давно ставших библиографической редкостью, будет весьма интересным как для широкой публики, так и для ученых, специалистов по новой истории и по этнографии Африки. Большое значение имеют привлеченные редактором И. С. Кацнельсоном интереснейшие и до сих пор не публиковавшиеся архивные и музейные материалы. В настоящее время труды русских путешественников по Африке, и без того немногочисленные, совершенно незаслуженно преданы забвению, а ряд работ вообще никогда не публиковался. Тем более важно переиздание работ А. К. Булатовича.

Рецензируемая книга снабжена интересным и содержательным предисловием, где сообщаются новые факты из биографии автора, дотоле неизвестные не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Большинство иллюстраций также публикуется впервые — это фотографии и рисунки русских путешественников по Эфиопии; они очень украшают книгу. К сожалению, по техническим причинам было невозможно поместить фотографии и карты самого А. К. Булатовича, которые вошли в первые, до-революционные издания его работ. Еще более досадно, что в книге отсутствуют карты, где показаны маршруты экспедиций А. К. Булатовича в сравнении с маршрутами зарубежных путешественников. Однако эти погрешности ни в коей мере не умаляют ценности издания. Остается надеяться, что начинание И. С. Кацнельсона по изданию трудов русских путешественников по Африке будет продолжено.

С. Б. Чернецов

СОДЕРЖАНИЕ

К пятидесятилетию образования СССР	3
Т. А. Жданко (Москва). Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии	13
Ц. П. Каландадзе (Тбилиси). К истории культурных взаимосвязей народов Закавказья	30
Н. С. Королева (Москва). Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР	39
Н. М. Гиренко (Ленинград). Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре	51

Дискуссии и обсуждения

Ю. В. Бромлей (Москва). Опыт типологизации этнических общностей	61
---	----

Сообщения

М. А. Айплатова (Йошкар-Ола). Достижения советской этнографической науки в изучении материальной и духовной культуры марийского народа	82
К. Г. Кузак (Петропавловск-Камчатский). Социолого-лингвистические исследования в Корякском национальном округе	89
Л. С. Кишкин (Москва). О синтезе народного и профессионального искусства (размышления над «Шпаличком» М. Алеша)	94
Н. Л. Жуковская (Москва). Этнографические исследования в МНР. (Некоторые итоги и перспективы советско-монгольской историко-культурной экспедиции)	103
Мак Дыонг (Ханой). Расселение и этнический состав народов в горных районах Севера Центрального Вьетнама	114

Поиски, факты, гипотезы

А. В. Виноградов (Москва). Бирюза, первобытная мода, этногенез.	120
---	-----

Научная жизнь

М. Я. Жорницкая, З. П. Соколова (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 года	131
Н. Л. Жуковская, А. М. Хазанов, М. А. Членов (Москва). Проблемы алтаистики и монголоведения	139

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). <i>Ценные исследования по первобытному монументальному искусству (работы В. Н. Чернецова о наскальных изображениях Урала)</i>	142
---	-----

Общая этнография

М. Я. Гольберг (Дрогобыч). <i>Б. Н. Шутилов. Русский и южнославянский героический эпос</i>	147
Л. А. Файнберг (Москва). <i>Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса</i>	150

Народы СССР

Н. А. Алексеев (Якутск). <i>Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера</i>	152
Т. Б. Долгих (Москва). <i>Одежда народов Сибири</i>	154
Р. Г. Кузеев (Уфа). <i>С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи</i>	156
Н. А. Кисляков (Ленинград). <i>В. В. Антропова. Культура и быт коряков</i>	160
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). <i>Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья</i>	162

Народы зарубежной Европы

- Т. Д. Златковская, Л. В. Маркова (Москва). *Етногенез и культурно наследие на болгарския народ* 165

Народы Америки

- А. Н. Кузьмин (Москва). Э. Л. Нитобург. Черные гетто Америки 169

Народы Африки

- С. Б. Чернецов (Ленинград). А. К. Булатович. С войсками Менелика II 172

На первой странице обложки: «На гражданскую войну», художник М. С. Чижов (лаковая шкатулка, Федоскино, 1969 г.)

SOMMAIRE

- Pour le 50e anniversaire de la formation de l'U.R.S.S. 3
 T. A. Jdanko (Moscou). Délimitation nationale-étatique et les processus du développement ethnique des peuples de l'Asie Centrale 13
 Ts. P. Kalandadzé (Tbilissi). Contribution à l'histoire des contacts culturels entre les peuples de la Transcaucasie 30
 N. S. Koroliova (Moscou). Evolution des traditions nationales dans les industries artistiques modernes de l'U.R.S.S. 39
 N. M. Guirienko (Léningrad). Situation ethnolinguistique au Zanzibar 51

Discussions et deliberations

- Yu. V. Bromley (Moscou). Essai d'une typologie des communautés ethniques 61

Communications

- M. A. Aïplatova (Iochkar-Ola). Réalisations de la science ethnographique soviétique à l'étude de la culture matérielle et spirituelle du peuple mari 82
 K. G. Kouzakov (Pétropavlovsk-Kamtchatski). Recherches sociologo-linguistiques dans le District autonome des Koriak 89
 L. S. Kichkine (Moscou). De la synthèse de l'art professionnel et populaire (considérations sur le «Spaliček» de M. Aleš) 94
 N. L. Joukovskaya (Moscou). Les recherches ethnographiques en République Populaire de Mongolie Quelques résultats et perspectives de la Mission historico-culturelle soviéto-mongole 103
 Mac Duong (Hanoï). Repartition géographique et composition ethnique des populations des régions montagneuses du Nord du Vietnam Central 114

Recherches, faits, hypotheses

- A. V. Vinogradov (Moscou). Turquoise, mode primitive et ethnogenèse 120

Vie scientifique

- M. Ya. Jornitskaya, Z. P. Sokolova (Moscou). Session annuelle consacrée aux résultats des recherches archéologiques et ethnographiques sur le terrain en 1971 131
 N. L. Joukovskaya, A. M. Khazanov, M. A. Tchlienov (Moscou). Problèmes des études altaïques et mongoles 139

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

- Yu. A. Savvatiev (Pétrozavodsk). *Recherches de valeur sur l'art primitif monuméntal (ocuvres de V. N. Tchierniestov sur les figurations rupestres de l'Oural)* 142

Этнография générale

- M. Ya. Golberg (Drogobylch). *B. N. Poutilov*. L'épique héroïque russe et slave du sud 147
 L. A. Faïnberg (Moscou). *Problèmes de l'ethnographie et de l'anthropologie à la lumière de l'héritage scientifique de F. Engels* 150

Peuples de l'U.R.S.S.

- N. A. Aléxéiev (Yakoutsch). *Transformations de l'économie et de la culture et les processus ethniques chez les populations des régions du Nord* 152
 T. B. Dolguikh (Moscou). *Costume des peuples de la Sibérie* 154
 R. G. Kouzieév (Oufa). *S. M. Abramzon*. Les Kirghiz et leurs contacts ethnogénétiques et historico-culturels 156
 N. A. Kisliakov (Léningrad). *V. V. Antropova*. Culture et mode de vie des Koriak 160
 B. B. Piotrovski (Léningrad). *B. V. Andrianov*. Anciens systèmes irrigatoires de la région de la mer d'Aral 162

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

- T. D. Zlatkovskaya, L. V. Markova (Moscou). *Етногенезис и културно наследство на българския народ (Ethnogenèse et héritage culturel du peuple bulgare)* 165

Peuples de l'Amérique

- A. N. Kouzmine (Moscou). *E. L. Nitobourg*. Les Ghetto noirs de l'Amérique 169

Peuples de l'Afrique

- S. B. Tchiernietsov (Léningrad). *A. K. Boulatovitch*. Avec les troupes de Ménélik II 172

Sur la couverture: «A la Guerre civile», peintre M. S. Tchijov (coffret verni, Fiedoskino, 1969)

ОПЕЧАТКИ К № 4, 1972 г.

стр.	строка	напечатано	следует читать
65	27 сверху	постоянный оборотный капитал	постоянный и оборотный капитал

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/VII 1972 г. Т-09799. Подписано к печати 28/IX-1972 г. Тираж 2395 экз.
 Зак. 5122. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,4. Бум. л. 5¹/₂. Уч.-изд л. 17,4.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10